

# ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

№ 11.

Ноябрь 1916 года.

## СОДЕРЖАНІЕ:

Богъ въ природѣ. Проф.-Прот. І. Галахова . . . . .	1267—1297
О тайнѣ искупленія. Свящ. І. Дмитревскаго. . . . .	1298—1311
Очеркъ жизни и дѣятельности Манарія митрополита Московскаго Ал. Вертеловскаго. . . . .	1312—1322
В. А. Жуковскій и его религіозныя воззрѣнія. И. Чистя- кова . . . . .	1328—1348
Къ вопросу о поводахъ къ брачному разводу. Сергѣя Богословскаго. . . . .	1344—1372
Тайна вліянія одной личности на другую. (Продолженіе). В. Тихомирова . . . . .	1373—1406
Національная идея въ исторіи. П. Краоина. (Продолж.).	1406—1439
Библіографія. Р. П. . . . .	1440—1448
Опытъ нравственнаго православно-Богословія въ аполо- гетическомъ свѣщеніи. (Отдѣльн. приложен.). Проф.-прот. Н. Стеллецкаго . . . . .	198—208



ХАРЬКОВЪ.

Епархіальная Типографія, Каплуновская улица, д. № 4.

1916.

## ЖУРНАЛЪ

# „ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЪ ИЗЪ ДВУХЪ ЖУРНАЛОВЪ:

1) Журнала богословоко-философскаго и 2) Журнала „Пастырь и Паства“.

Сохраняя апологетическое направленіе, первый журналъ попрежнему дастъ статьи научно-церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ будутъ помѣщаться изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологій, метафизики и исторіи философіи. Въ журналъ же „Пастырь и паства“ войдутъ статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера.

Журналъ „ВѢра и Разумъ“ будетъ выходить одинъ разъ въ мѣсяць а „Пастырь и Паства“—еженедѣльно.

Оба журнала, по возможности не уменьшая количества печатныхъ листовъ, попрежнему дадутъ восемнадцать и болѣе печатныхъ листовъ въ мѣсяць, т. е. годовое изданіе ихъ останется прежнее.

**Цѣна за годовое изданіе обоихъ журналовъ внутри Россіи 10 р., за границу 12 р. съ пересылкою; отдѣльно же—„ВѢра и Разумъ“ семь рублей въ годъ, а „Пастырь и Паства“— три рубля.**

*Ризорочка въ уплату не допускается.*

**ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:** въ **Харьковѣ:** въ редакціи журнала «ВѢра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, въ Харьковскихъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ **Петроградѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостиц. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала „ВѢра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія 1914 г. и 1915 г. за **8 руб.** съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобрѣтаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

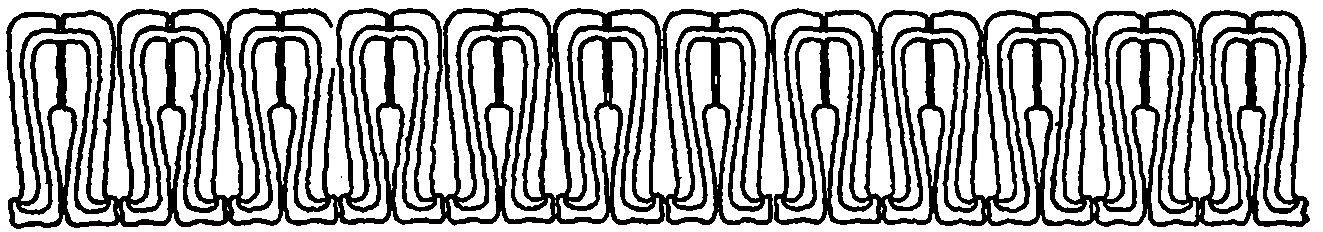
Пізнає всо́бцеи.

*Вірою розуміваємъ.*

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 20 Ноября 1916 года.

Цензоръ *Протоіерей Петръ Толминъ.*



# Богъ въ природѣ.

(Зоопсихологія).

Когда анатомія и фізіологія животныхъ объясняютъ намъ органическіе процессы, происходящіе въ живомъ тѣлѣ, они дѣлаютъ только половину дѣла, обнажаютъ біологическую тайну не вполне. Животный міръ имѣетъ специфическія особенности, которыхъ не имѣетъ міръ растительный, выдѣляющія его въ особое царство существъ, имѣющихъ, по выраженію Библіи (Быт. 1, 20—25), душу живую. Хотя наукою было сдѣлано много попытокъ перекинуть мостъ между растительнымъ и животнымъ міромъ, чтобы дать торжество принципу эволюціи, понимаемому въ механическомъ смыслѣ, но именно, благодаря механической тенденціи, всѣ эти попытки, какъ увидимъ ниже, не привели ни къ чему. Всѣ онѣ разбиваются объ эту тайну „живой души“, которой нѣтъ въ растеніяхъ. Анатомическое и фізіологическое изслѣдованіе не въ силахъ дать опредѣленное понятіе о душѣ животныхъ, т. е. объ ощущеніяхъ, чувствованіяхъ, влеченіяхъ, инстинктахъ. Физическіе и химическіе опыты тутъ совершенно не приложимы, и микроскопъ ничего не откроетъ. Ясно, что „живую душу“ могла бы сдѣлать предметомъ своего изученія и познанія особая наука зоопсихологія, которая имѣла бы своей задачею изслѣдованіе законовъ психическихъ явленій, какъ фізіологія—фізіологическихъ. Такая наука и существуетъ, но опять же благодаря преобладанію позитивизма въ умахъ нѣкоторыхъ натуралистовъ, она приняла своеобразную фізіономію, превратилась въ особую науку, извѣстную подъ названіемъ фізіологіи нервной системы.

Между тѣмъ, самое-то интересное въ животномъ мірѣ то, что составляетъ въ немъ живую душу и что дѣлаетъ его

въ нѣкоторомъ смыслѣ аналогичнымъ міру существъ разумныхъ, и для дарвинистовъ служить ближайшимъ поводомъ къ отрицанію существеннаго различія между человѣкомъ и животнымъ. И если бы въ этой области не было явленій, совершенно не согласныхъ съ дарвинистическою теоріей и необъяснимыхъ ею, то пришлось бы согласиться, что и человѣкъ есть только слѣдующая высшая ступень въ міровой эволюціи, отличающаяся отъ низшей не качественно и не принципиально, а лишь количественно и интенсивно. Когда механическому міропониманію приходится перебрасывать мосты между отдѣльными частями цѣлаго или между различными царствами въ природѣ, дѣло оказывается далеко не такъ ясно и просто, какъ это кажется съ перваго взгляда и безспорность эволюціоннаго принципа не всегда остается въ устойчивомъ положеніи. Всего труднѣе оказалось перекинуть мостъ отъ животнаго къ человѣку. Дарвину это показалось возможнымъ и онъ сдѣлалъ это, имѣя въ виду анатомическое строеніе нѣкоторыхъ животныхъ высшаго типа (обезьянъ), объемъ и вѣсъ ихъ мозга, сложность нервной системы, а главное, — психическія особенности, такъ много напоминающія явленія душевной жизни низшихъ человѣческихъ расъ. Скелеты человѣка и обезьяны, поставленные рядомъ, говорили настолько убѣдительно въ пользу теоріи, что у прежнихъ апологетовъ библейскаго взгляда опускались въ безсиліи руки и не находилось словъ въ свою защиту. Такими же сходными представились дарвинистамъ мыслительныя способности обезьянъ и дикарей, социальныя инстинкты тѣхъ и другихъ, индивидуальныя особенности. Нѣкоторое различіе въ этомъ отношеніи объяснялось особенностями нервной системы, а также объемомъ и вѣсомъ мозговыхъ полушарій. Такъ какъ для чистыхъ дарвинистовъ нѣтъ сомнѣній въ томъ, что душевныя явленія покоятся на матеріальной физиологической основѣ, то понятно человѣкъ, съ ихъ точки зрѣнія, является человѣкомъ именно потому, что у него есть спинноголовная мозговая и нервная система, развившаяся естественнымъ эволюціоннымъ путемъ изъ таковой же системы животнаго.

Но въ животномъ царствѣ есть преинтереснѣйшій классъ существъ въ видѣ членистоногихъ и перепончатокрылыхъ насекомыхъ, муравьевъ, осъ и пчелъ, которые, не

смотря на всю анатомофизиологическую удаленность отъ человѣка, оказываются существами, высокоодаренными въ психическомъ отношеніи.

Джонъ Леббокъ свою книгу „Муравьи, пчелы и осы“<sup>1)</sup> начинаетъ не лишеннымъ интереса сопоставленіемъ обезьянъ съ муравьями. „Человѣкообразныя обезьяны, безъ сомнѣнія, больше другихъ животныхъ приближаются къ человѣку по своему анатомическому строенію, но, рассматривая жизнь муравьевъ, ихъ общественную организацію и обширныя общины, ихъ тщательно устроенныя жилища и дороги, ихъ владѣніе домашними животными, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже рабами, нельзя не признать, что они по своей разумности имѣютъ полное право занимать мѣсто вблизи человѣка“. Если сужденіе Леббока справедливо, анатомическая близость между обезьяной и человѣкомъ уже не имѣетъ значенія, такъ какъ психическія свойства муравьевъ зависятъ, очевидно, не отъ ихъ анатомическаго строенія, а отъ какихъ то другихъ причинъ. Что величина тѣла и степень душевнаго развитія животнаго не прямо пропорціональны другъ другу, это было извѣстно еще Аристотелю, отъ вниманія котораго не ускользнуло душевное развитіе муравьевъ и пчелъ<sup>2)</sup>. То же явленіе подмѣчено было Августиномъ, который выразилъ мысль, что дѣянія маленькихъ муравьевъ и пчелъ болѣе поразительны, чѣмъ громадныя тѣла китовъ<sup>3)</sup>. Знаменитый естествоиспытатель Э. Дюбуа Реймонъ въ сочиненіи „О границахъ естествознанія“ съ почтительнымъ удивленіемъ изслѣдуетъ микроскопическій комочекъ нервнаго вещества, представляющаго собою вмѣстилище трудолюбивой, храброй и вѣрной своему дѣлу муравьиной души<sup>4)</sup>.

Всѣ натуралисты, специально посвятившіе себя изученію жизни муравьевъ, Гюберъ, Дж. Леббокъ, Дж. Роменисъ, А. Форель, Э. Васманъ и др., собравшіе много интереснаго и цѣннаго матеріала, сходятся въ мнѣніяхъ о необыкновенномъ развитіи у муравьевъ социальнаго инстинкта. Образъ жизни, устройство гнѣздъ, уходъ за молодью, войны, похищеніе рабовъ и пользованіе ими, раздѣленіе труда,—все это

1) Переводъ съ англійскаго Никифорова, Москва 1898.

2) *Histor. animal.* I. 9, с. 7.

3) *De civitate Dei.* I. 22, с. 24, п. 5.

4) *Ueber die grenzen des Naturerkennens*, s. 127.

такія детали въ муравьиномъ царствѣ, которыя ставятъ муравьевъ на весьма высокую степень зоологической лѣстницы. Въ своей усердной работѣ на общую пользу муравьи превосходятъ пчелъ. Они трудятся цѣлый день, а въ жаркую погоду даже ночью. Дж. Леббокъ сдѣлалъ наблюдение надъ муравьемъ, работавшимъ безъ отдыха съ 6 часовъ утра до 10 часовъ вечера. Связь между отдѣльными особями животныхъ одного и того же вида обыкновенно развивается очень слабо. Преобладающее количество животныхъ живутъ въ одиночку, сходясь парами временно въ періодъ спариванія. Гораздо меньшая часть ведетъ стадную жизнь, хотя не всегда постоянную. Птицы во время перелета, нѣкоторые виды насекомыхъ, напримѣръ, стрекозы, бабочки собираются и образуютъ стаи, рои въ извѣстные періоды странствованій и переселеній. Только немногіе виды животныхъ живутъ постоянной общественной жизнью, никогда не разлучаясь и не живя въ одиночку. Самыми выдающимися изъ животныхъ являются насекомыя осы, пчелы и муравьи. Только у нихъ однихъ мы находимъ всѣ необходимые элементы общественной жизни: общее добываніе пищи съ правильнымъ и цѣлесообразнымъ расходованіемъ труда и общій уходъ за молодью. Такая общественная жизнь, основанная не на однихъ только вегетативныхъ законахъ, а на социальнихъ инстинктахъ, съ психологической точки зрѣнія, несомнѣнно, гораздо болѣе совершенна, чѣмъ жизнь одиночная, обнаруживаетъ болѣе высокое развитіе психики.

Находятъ, что муравьиное государство, по сравненію съ пчелинымъ, въ своемъ социальномъ развитіи пошло еще дальше. Въ то время какъ пчелиное, управляемое одной маткой, царицей, отличается монархическимъ характеромъ, муравьиное, имѣющее нѣсколько такихъ царицъ, носитъ демократическій и социалистическій отпечатокъ, въ виду болѣе высокой психической самостоятельности отдѣльных особей <sup>1)</sup>. Благодаря этой чертѣ, муравьиное общество среди

<sup>1)</sup> *E. Wasmann*. „Vergleichende Studien des Seelenlebens der Ameisen und der höheren Tiere“. 1900. 2 изд. Въмѣстѣ съ другою книгою того же автора „Instinct und Intelligenz im Tierreich“ В. Караваевымъ переведена съ нѣм. и издана отдѣльноею книгою подъ заглавіемъ: „Итоги Сравнительной Психологии“. Кіевъ. 1906 г. Сочиненію предпослано вступленіе переводчика и заключительная статья, касаю

всѣхъ другихъ обществъ животныхъ имѣть самое высокое сходство съ человѣческими государственными союзами, основывающимися на разумной и свободной волѣ отдѣльныхъ существъ. Хотя это свойство не идетъ дальше простой аналогіи, тѣмъ не менѣе, оно представляетъ собою высшую степень аналогіи, какая только мыслима въ данномъ случаѣ при сравненіи человѣка съ животнымъ. Конечно, названіе государства по отношенію къ муравьямъ можетъ быть примѣнимо лишь какъ метафора, но трудно было бы подыскать болѣе удачное сравненіе. Дѣло въ томъ, что муравьиныя колоніи принимаютъ въ свое сожительство особей совершенно другого вида, которыя частію исполняютъ обязанности рабовъ (разные виды тлей), частію обитаютъ въ качествѣ гостей, за которыми муравьи ухаживаютъ и кормятъ (жуки изъ рода *Atemeles* и *Lomechusa*). Ничего подобнаго мы не видимъ въ остальной части животнаго царства. Явленія симбіоза встрѣчаются среди нѣкоторыхъ рыбъ и животныхъ и обуславливаются взаимною пользою для обѣихъ сторонъ, но это далеко не одно и то же съ явленіями муравьиной жизни, когда муравьи держатъ, на примѣръ, травяныхъ тлей въ качествѣ дойнаго скота, заботятся объ ихъ яйцахъ, или кормятъ нѣкоторые виды жуковъ, облизываніе которыхъ доставляетъ имъ удовольствіе. Такое отношеніе къ чужимъ видамъ есть самая высшая форма симбіоза, не встрѣчающаяся даже у высшихъ позвоночныхъ.

Подобно пчелиному, муравьиное гнѣздо состоитъ изъ трехъ родовъ особей,—рабочихъ (недоразвитыхъ самокъ), которыхъ большинство, самокъ разившихся (царицъ) и самцовъ. Роль послѣднихъ сводится къ процессамъ размноженія; рабочіе представляютъ собою активный элементъ, несущій самыя сложныя общественныя обязанности и вслѣдствіе этого обладающій высокимъ развитіемъ социальнаго инстинкта. Строго говоря, на рабочихъ муравьяхъ и пчелахъ лежитъ все общественное, пчелиное и муравьиное благосостояніе. Вполнѣ понятно, почему они обладаютъ та-

---

щаяся взглядовъ Вл. Вагнера. Авторъ и переводчикъ, обладая достаточной эрудиціей, опровергаютъ дарвинист. взгляды на основаніи данныхъ сравнит. психологіи. Трудъ въ аподогетическомъ отношеніи замѣчательный, но едва ли онъ извѣстенъ, какъ таковой, въ нашей духовной богословской литературѣ.



кимъ влеченіемъ къ общественности, взаимному подражанію и солидарному труду. Для этого они пользуются особымъ органомъ рѣчи—усиками, которыми прикасаются другъ къ другу при встрѣчахъ, и узнаютъ своихъ и чужихъ; ударами тѣхъ же усиковъ они передаютъ другъ другу свои чувства, намѣренія и побужденія. Явленіе это тѣмъ болѣе поразительно, что жизнь муравьевъ сравнительно коротка, а число ихъ громадно. Еще болѣе удивительно то обстоятельство, что муравьи одного гнѣзда узнаютъ своихъ сородичей даже послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ разлуки. Натуралисты сначала объясняли такую способность наличиемъ особыхъ знаковъ или сигналовъ, и только въ послѣднее время свели ее къ чувству обонянія, особому гнѣздовому запаху, которымъ обладаютъ муравьи известной колоніи.

Муравьи имѣютъ много враговъ: птицы чрезвычайно любятъ лакомиться муравьиными яйцами и личинками, клещи и другія насѣкомыя живутъ паразитами въ ихъ гнѣздахъ. Но зато у нихъ есть и друзья. Различные виды древесныхъ и травяныхъ тлей служатъ для муравьевъ дойными коровами. Муравьи очень любятъ сладкій сокъ, выделяемый тлями, и когда послѣднія задерживаютъ свои выделения, муравьи нѣжно ударяютъ и ласкаютъ тлей своими усиками, чѣмъ и достигаютъ желаемого результата. Въ виду получаемой пользы, муравьи заботятся о тляхъ, защищаютъ ихъ отъ враговъ, строятъ для нихъ особыя помѣщенія въ своихъ гнѣздахъ, оберегаютъ ихъ яйца и относятся къ нимъ такъ же, какъ къ своимъ. Кромѣ тлей, друзьями муравьевъ являются нѣкоторые виды жуковъ, маленькія мушки, родъ мокрицы и другія насѣкомыя. Дж. Леббокъ высказываетъ предположеніе, что всѣ эти насѣкомыя или играютъ роль мусорщиковъ или доставляютъ муравьямъ пищу. Возможно, наконецъ, что нѣкоторые изъ нихъ держатся муравьями просто для забавы. Безполезныхъ посятителей муравьи немедленно умерщвляютъ или удаляютъ изъ гнѣздъ.

Самое замѣчательное въ муравьиной психикѣ—ихъ хитрость, когда дѣло идетъ о защитѣ гнѣзда отъ враговъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, не нужно долгихъ научныхъ наблюдений, стоитъ только слегка наступить или положить руку на муравьиную кучу, и кто дѣлалъ такую попытку,

тотъ мгновенно чувствовалъ свой промахъ. Военная тактика муравьевъ, какъ это ни удивительно, весьма напоминаетъ приемы человѣческой тактики. Въ своей интересной книгѣ „Сравнительныя изслѣдованія душевной жизни муравьевъ и высшихъ животныхъ“ Э. Васманнъ передаетъ свои наблюденія надъ муравьями двухъ видовъ: краснаго муравья амазонки (*Polyergus rufescens*) и кровянокраснаго хищнаго муравья (*formica Sanguinea*). Первые, готовясь къ битвѣ, идутъ по тропѣ большими сомкнутыми колоннами, послѣдніе дѣйствуютъ малыми отрядами, въ разсыпную. Тѣ и другіе наступаютъ рѣшительно, стараются взять вражеское гнѣздо приступомъ, чтобы сразу ошеломить врага и заставить его обратиться въ бѣгство, что имъ довольно часто и удается. Но оба вида обнаруживаютъ при этомъ свою индивидуальность. Муравьи амазонки нападаютъ прямо, не справляясь съ численностью враговъ, какъ бы мало ихъ ни было. Кровянокрасные хищные муравьи поступаютъ иначе. Когда нѣкоторые изъ нихъ выслѣдили гнѣздо непріятеля, они возвращаются домой и сообщаютъ остальнымъ. снаряжается экспедиція, во главѣ которой идутъ нашедшіе гнѣздо, указывая путь остальнымъ. Затѣмъ вражеское гнѣздо не подвергается внезапному нападенію, какъ у амазонокъ, а подвергается формальной осадѣ. Во время штурма, часть осаждающихъ остается на мѣстахъ и смотритъ за тѣми, кто изъ вражескаго стана обращается въ бѣгство. Такихъ немедленно останавливаютъ и отнимаютъ у нихъ личинки и куколки. Къ великому удивленію, а можетъ быть, и къ стыду человѣчества, оба воинственные вида муравьевъ ведутъ свои войны и наступленія съ гораздо большей гуманностью, чѣмъ остальные животныя и люди. Всѣ ихъ военные походы предпринимаются только съ цѣлью грабежа, а не убійства, и, если послѣднее совершается, то только въ силу необходимости при отчаянномъ сопротивленіи враговъ. Главною цѣлью муравьиныхъ войнъ является отнятие куколокъ и личинокъ, которые уносятся побѣдителями въ свое гнѣздо для воспитанія изъ нихъ будущихъ рабовъ.

Какъ муравьи строятъ свое гнѣздо?

При постройкѣ замѣтны согласованность дѣйствій и правильность распределенія труда, а также отсутствіе шаблона. Гнѣзда птицъ одного вида поражаютъ своимъ одно-

образіемъ, напротивъ, нельзя найти двухъ муравьиныхъ гнѣздъ совершенно однообразной постройки до послѣдней детали. Согласованность дѣйствій не препятствуетъ отдѣльнымъ муравьямъ проявлять инициативу и слѣдовать собственному строительному плану. При этомъ никакой розни не получается, потому что ни у какихъ насѣкомыхъ такъ не развито чувство подражанія, какъ у муравьевъ. Болѣе энергичные экземпляры заражаютъ своимъ примѣромъ другихъ, и работа идетъ по плану энергичнаго строителя. Обыкновенно работа начинается весной, когда у муравьевъ просыпается лихорадочная охота къ строительству. Сотнями выступаютъ трудолюбивыя насѣкомыя изъ своихъ гнѣздъ и собираютъ матеріалъ для постройки новыхъ помѣщеній, ходовъ, камеръ, галлерей. Травяные стебли, вѣточки вереска, кусочки листьевъ идутъ на подпорки, устои, своды, покрытія; связующимъ же матеріаломъ служатъ кусочки земли. При этомъ бросается въ глаза цѣлесообразность постройки въ зависимости отъ условій влажности и температуры воздуха. Чѣмъ лѣто сырѣе и дождливѣе, тѣмъ выше, выпуклѣе и круче строится муравьиная куча, чтобы легче сбѣгала вода, легче происходило нагрѣваніе и испареніе. Наоборотъ, сухое и жаркое лѣто заставляеть муравьевъ строить свои гнѣзда ниже, съ плоскою поверхностью, для достиженія обратной цѣли сохраненія въ гнѣздѣ прохлады и влаги. Тѣ виды муравьевъ, которые строятъ гнѣзда изъ одной земли, постунаютъ такъ же: въ сырое лѣто ихъ земельные куполы изрѣшечены отверстіями настолько, что производятъ впечатлѣніе губки, для легчайшаго испаренія воды; въ сухое лѣто, напротивъ, отверстія въ куполѣ дѣлаются въ самомъ незначительномъ количествѣ<sup>1)</sup>.

Не менѣе удивительны явленія ухода за молодью въ муравьиномъ царствѣ. Здѣсь соціальныя инстинкты муравьевъ выдѣляются своимъ развитіемъ особенно ярко. Главная забота рабочихъ муравьевъ—сохраненіе молодежи въ чистотѣ. Въ этомъ отношеніи муравьи превосходятъ всѣхъ остальныхъ животныхъ. Ни одна кошка не облизываетъ своихъ котятъ такъ тщательно, съ такой педантичной акку-

<sup>1)</sup> Дж. Леббокъ. „Муравьи, пчелы и осы“. Стр. 32—49. Э. Васманнъ. „Итоги сравнительной психологіи“. Переводъ Караваева. Стр. 390—434.

ратностью и нѣжностью, какъ муравей своихъ личинокъ. Мало того, муравьи не только заботятся о чистотѣ, питаніи и защитѣ своей дѣтки, они цѣлесообразнымъ образомъ регулируютъ самую температуру дѣтскихъ помѣщеній. Пчелиный зародышъ остается въ одной и той же сотѣ, въ какую онъ былъ снесенъ, до полного развитія. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло у муравьевъ. Яйца и молодя личинки сохраняются въ самыхъ глубокихъ камерахъ гнѣзда, гдѣ температура болѣе прохладная и влажная. Когда личинки подрастаютъ, ихъ перемѣщаютъ въ средній этажъ, а совсѣмъ взрослыхъ личинокъ поселяютъ въ самыхъ верхнихъ камерахъ, гдѣ больше тепла, въ которомъ онѣ нуждаются. Если наступаетъ холодъ и дождь, всѣ дѣтки сносятся опять въ нижнія комнаты, какъ болѣе теплыя.

Было бы излишне говорить о самоотверженіи рабочихъ муравьевъ (какъ и пчелъ) въ уходѣ за дѣткой, когда дѣло касается защиты жизни. Если кучу лѣсного муравья потревожить палкой, вся колонія приходитъ въ ужасное волненіе, но это волненіе переходитъ въ настоящее бѣшенство, если попробовать отнять личинокъ или куколокъ: подобно полчищу дикихъ фурій муравьи накидываются на врага, брызжутъ ядомъ и кусаютъ. Можно сколько угодно растоптать и умертвить муравьевъ,—новыя полчища бросятся на врага съ тѣмъ же самоотверженіемъ. Никакая львица и никакая самка обезьяна не защищаетъ своихъ дѣтей съ такимъ героизмомъ, какъ муравей своихъ личинокъ и куколокъ. Онъ скорѣе дастъ раздавить себя, чѣмъ уступить куколку, которую несетъ въ своихъ челюстяхъ. И нужно замѣтить при этомъ, что куколка, которую онъ спасаетъ, даже не его собственное дитя, а только воспитанникъ. Но тотъ высшій законъ, который сохраненіе вида сдѣлалъ для муравья обязательнымъ велѣніемъ, этотъ законъ повелѣлъ и рабочему муравью посвятить свою жизнь молодому поколѣнію. Что при этомъ дѣйствуетъ въ муравьѣ,—собственный ли разумъ и сознаніе долга, или постороннее, невидимое, но высшее и непреоборимое велѣніе? Что такое инстинктъ, чѣмъ и какъ объяснить его; что такое душа животныхъ, есть ли въ ней что-либо разумное, или нѣтъ,—вотъ вопросы, которыми занимается зоопсихологія и безъ рѣшенія которыхъ царство животныхъ останется вѣчной загадкой.

## II.

Вполнѣ яснаго, общепризнаннаго пониманія инстинкта наука еще не установила, но общій наклонъ мысли въ сторону механическаго объясненія инстинкта несомнѣненъ, такъ какъ подобнымъ объясненіемъ подтверждаются господствующіе монистическіе взгляды. Правда, включить инстинктъ въ число явленій органической жизни, познаваемыхъ внѣшнимъ опытомъ, и подвергнуть его лабораторному изслѣдованію оказалось невозможнымъ, потому что онъ не имѣетъ ни вѣса, ни измѣренія, тѣмъ не менѣе опасеніе нарушить стройность монистическаго міровоззрѣнія беретъ верхъ и заставляетъ многихъ держаться указанной точки зрѣнія. Защитникомъ монистическаго взгляда явился Августъ Форель, профессоръ психіатріи Цюрихскаго Университета, который считаетъ, что, такъ какъ кромѣ работы нашихъ мозговыхъ клѣтокъ нѣтъ ничего болѣе реальнаго, то и все, что относится къ области психологіи, есть въ сущности вопросъ одной только нервной фізіологіи<sup>1)</sup>. Согласно монистическому пониманію Фореля; весь міръ есть лишь продуктъ дѣятельности нашего мозга; поэтому вѣчный дуалистическій споръ между матеріалистами и спиритуалистами не имѣетъ абсолютно никакого смысла. Все есть душа, точно такъ же, какъ сила и вещество; ни одно изъ этихъ нераздѣльныхъ явленій не можетъ быть первымъ или болѣе высокимъ, такъ какъ всѣ они въ сущности одно и то же. Выражаясь философскимъ языкомъ, Форель проповѣдуетъ монистическую теорію идентичности (тождественности), согласно которой, все психическое и матеріальное суть только различныя стороны одной и той же реальности. Такимъ образомъ, основу взглядовъ Фореля составляютъ извѣстные матеріалистическіе принципы Бюхнера, Геккеля и др., какъ извѣстно механизирующіе всѣ безъ исключенія органическія явленія и въ томъ числѣ инстинктъ.

На чемъ основывается механическая теорія инстинкта? На томъ предположеніи, что инстинкты можно свести къ простымъ рефлексивнымъ дѣйствіямъ, основаннымъ на раздраженіи нервнаго аппарата. Рефлексивныя движенія мы

<sup>1)</sup> Gehirn und Seele. Докладъ Фореля на 66 Съѣздѣ естествоиспытателей въ Вѣнѣ въ 1894 г. 25 сент.

встрѣчаемъ у всѣхъ живыхъ существъ, начиная съ человека и кончая самыми низшими животными и насекомыми, у которыхъ, несмотря на отсутствіе мозга, существуетъ своя нервная система и чувствительные нервные узлы (ганглии), замѣняющіе мозгъ. Въ одноклѣточныхъ животныхъ, которыя не имѣютъ нервного аппарата, но цѣлесообразно реагируютъ на внѣшнее раздраженіе, выступаетъ чувствительность протоплазмы. Но здѣсь уже область, граничащая съ тѣми реакціями, которыя наблюдаются въ растеніяхъ, благодаря химическимъ и физическимъ раздражителямъ. Здѣсь находится тотъ мостъ, который ведетъ отъ міра растительнаго къ міру животныхъ и обратно, перекинутый заботливой рукой и трудами ученыхъ дарвинистическаго лагеря. Движеніе растеній, ихъ ростъ и развитіе, положеніе листьевъ, ствола, вѣтвей и корней обязаны дѣйствующимъ механически силамъ тяжести, свѣточувствительности, {химическому воздействию и т. д. Это же объясненіе оказалось пригоднымъ и для міра низшихъ живыхъ существъ; были изучены законы, по которымъ опредѣленныя движенія животныхъ слѣдуютъ за опредѣленными внѣшними раздраженіями<sup>1)</sup>. Вслѣдствіе этого, нѣкоторые стали отвергать психическую жизнь у животныхъ, потому что такая жизнь не свойственна растеніямъ; другіе впали въ противоположную крайность и начали утверждать, что если движенія животныхъ сопровождаются и обуславливаются ощущеніями, то способность чувственнаго ощущенія слѣдуетъ признавать и за растеніями; словомъ, одни превратили животныхъ въ растенія, другіе поступили наоборотъ, растенія сдѣлали живыми существами. Но для тѣхъ и другихъ получилась одинаковая возможность отвергать психическую природу инстинкта и свести его къ механической дѣятельности, а животныхъ признать своего рода машинами, всѣ движенія и дѣйствія которыхъ только рефлексивны, о душѣ ихъ не можетъ быть и рѣчи. Всѣ животныя, благодаря нервному аппарату, дѣйствующему автоматически, превращаются въ искусно построенные автоматы; изучать дѣйствія этихъ автоматовъ, значитъ изучать нервный механизмъ, что относится къ области нервной физиологіи и физиологіи мозга.

<sup>1)</sup> Теорія тропизмовъ *М. Ферворна* и *Ж. Леба*. Сочиненіе перваго Allgemeine Physiologie есть въ русск. пер. Мензбира. Москва, 1897.

При всей кажущейся основательности механическаго объясненія инстинкта, оно содержитъ въ себѣ много непонятнаго, непослѣдовательнаго и противорѣчиваго. Внутреннее противорѣчіе этой теоріи заключается въ томъ, что, проводимая послѣдовательно, она должна быть распространена и на человѣка, потому что и въ человѣкѣ вся психическая жизнь, сознание и умственная дѣятельность тѣсно связаны съ мозговыми и нервными измѣненіями. Поэтому автоматизмъ животныхъ переносится и на человѣка со всѣмъ его психическимъ содержаніемъ. Вся наша познавательная дѣятельность, благодаря такому взгляду, должна сводиться къ извѣстнымъ молекулярнымъ мозговымъ измѣненіямъ, а потому всѣ знанія наши должны носить глубоко субъективный характеръ безъ всякаго объективнаго содержанія. Такое смѣшеніе фізіологическихъ мозговыхъ процессовъ съ объективнымъ содержаніемъ нашего познанія превращаетъ всѣ науки, въ томъ числѣ и нервную фізіологію, въ чистую субъективную иллюзію. Въ самомъ дѣлѣ, что же останется тогда отъ объективной цѣнности всего нашего познанія?— Ровно ничего. Гибнетъ не только психологія, но и фізіологія и всякая другая наука, и мы безнадежно падаемъ во власть абсолютнаго скептицизма.

Механическая теорія инстинкта несправедлива и по существу. Она основана на сравненіи простѣйшихъ одноклѣточныхъ животныхъ съ одноклѣточными же—растительнаго царства одинаково реагирующими на внѣшнее раздраженіе рефлексивными движеніями. А. Бине въ сочиненіи „Душевная жизнь мельчайшихъ живыхъ существъ“<sup>1)</sup>, настаиваетъ, что всѣ реакціи микроорганизмовъ не простыя рефлексивныя движенія, но приурочены къ извѣстной цѣли и свидѣтельствуютъ о зачаткахъ душевной жизни. Если же между ботаниками и зоологами доселѣ не установлено строгаго разграниченія между нѣкоторыми семействами мельчайшихъ энгутиковыхъ животныхъ и зеленой водорослью, то дѣло здѣсь въ простомъ недоразумѣніи. Тамъ, гдѣ проявляются слѣды инстинкта и способность выбора, гдѣ даютъ о себѣ знать зачатки чувственной жизни, тамъ мы имѣемъ дѣло съ жизнью животной, а не растительной, потому что ни одно изъ самыхъ высоко развитыхъ растений не обнаруживаетъ

<sup>1)</sup> А. Васманъ. Итоги сравнит. психологіи, стр. 158—159.

признаковъ живого существа. Стало-быть теорія тропизмовъ, которою Ж. Лебъ хотѣлъ объяснить инстинкты касѣкомыхъ, рѣшительно ничего не объясняетъ и объяснить не можетъ.

Самое существенное отличіе животныхъ отъ растений заключается въ томъ, что обладая внѣшними чувствами, они способны къ внутреннему чувственному влеченію, или, что тоже, инстинктивному познанію внѣшняго міра,—способность, которая у животныхъ является наследственной, хотя не исключаетъ возможности индивидуальнаго опыта, о чемъ рѣчь будетъ ниже. Эта способность выражается въ извѣстныхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ, цѣлесообразно направленныхъ къ достиженію извѣстной цѣли, но не сознаваемыхъ. Всѣ цѣлесообразныя инстинктивныя дѣйствія животныхъ соединяютъ цѣлесообразность съ безотчетностью, хотя и приводятъ къ результату, полезному не только для дѣйствующаго индивида, но еще болѣе для его рода. Не имѣя сознательности и преднамѣренности, инстинктивное дѣйствіе не становится, однако, дѣйствіемъ механическимъ, потому что требуетъ извѣстнаго чувственнаго влеченія, или стремленія, котораго нѣтъ у растений. Напримѣръ, большая часть растений размножается половымъ способомъ, но о половомъ инстинктѣ растений странно было бы говорить именно потому, что вся жизнь растений и процессъ ихъ размноженія есть процессъ физическій, не сопровождаемый никакимъ внутреннимъ стремленіемъ. Хотя мы иногда говоримъ о чувствительности растений, объ ихъ стремленіяхъ, движеніяхъ, даже побужденіяхъ, но это объясняется неточностью принятой терминологіи и употребляется въ смыслѣ метафоры, потому что для всякаго понятно, что говорить о чувствительности растений можно было бы только при томъ условіи, если бы растенія на самомъ дѣлѣ что либо ощущали или чувствовали.

Итакъ, чувственнымъ влеченіемъ, не сознательнымъ, но цѣлесообразнымъ, вотъ чѣмъ животныя выдѣляются изъ царства растений. Въ этомъ и состоитъ инстинктъ животныхъ, къ этому сводится вся ихъ психическая жизнь, „душа живая“, по выраженію Бебеля. Этимъ же предрѣшается вопросъ и о томъ, есть ли инстинктъ животныхъ нѣчто постоянное, неизмѣнное, или же въ немъ возможны измѣненія. Допустить постоянство инстинкта нельзя, въ виду явныхъ



фактовъ противоположнаго характера. Подъ вліяніемъ окружающихъ условій поколѣнія животныхъ и отдѣльныя особи накапливаютъ свой собственный опытъ, который и передаютъ потомству. На фактъ измѣнчивости инстинкта основывается возможность прирученія человекомъ животныхъ, ихъ дрессировки, при чемъ самая возможность измѣненія инстинкта обуславливаетъ собою ту или иную высоту душевнаго развитія у извѣстнаго вида животныхъ: напр., нѣкоторые виды поражаютъ своими умственными качествами: памятью, понятливостью, сообразительностью, догадливостью; другіе отличаются качествами моральнаго и соціальнаго характера — дружбы, благодарности, любви, самопожертвованія, вѣрности, трудолюбія и т. д. Все это возможно только при условіи, что инстинктъ не есть нѣчто постоянное, механическое и только рефлекторное, но предполагаетъ нѣкоторый прогрессъ и развитіе подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ условій внѣшняго опыта <sup>1)</sup>. Въ этомъ безпорномъ фактѣ измѣнчивости животнаго инстинкта Библия нашла бы прекрасное подтвержденіе своему ученію о томъ, въ какомъ отношеніи стоялъ животный міръ къ человеку до грѣхопаденія, когда животные не употреблялись человекомъ въ пищу, но господство разума надъ инстинктомъ, духа человѣческаго, какъ Образа Божія, надъ душою животныхъ, не имѣющею этого Образа, выражалось такъ наглядно въ безусловномъ послушаніи человеку (Быт. 11, 19—20) и отношеніемъ животныхъ къ человеку послѣ грѣхопаденія, когда они стали человеку служить пищей (Быт. IX, 3), и человекъ сталъ охотиться за ними и убивать ихъ (Быт. X, 9).

### III.

Итакъ, механическая теорія инстинкта явно несостоятельна. Въ инстинктѣ мы не находимъ того, что указывало бы на его исключительно физическую природу, но встрѣ-

<sup>1)</sup> На этомъ же основаніи возможенъ и регрессъ животной психики. Лишенные руководства виды прирученныхъ животныхъ снова возвращаются въ состояніе первобытной дикости. Нѣкоторые виды муравьевъ, привыкшіе жить трудомъ рабовъ, утрачиваютъ способность самостоятельнаго отысканія пищи и мало по малу вырождаются. Такихъ примѣровъ зоологія могла бы указать очень много, напр. рабочія пчелы, лишенныя полового инстинкта, такіе же рабочіе муравьи, представляющіе собою недоразвившихся самокъ и проч.

чаемъ и психическій элементъ, характеризующій новую и высшую по сравненію съ міромъ растений форму животной жизни. Хотя этотъ элементъ тѣсно связанъ съ объективною физическою основою, съ нервной и мозговой дѣятельностью, но его нельзя считать тождественнымъ съ послѣднею, какъ элементъ субъективный, обнаруживающій свою собственную специфическую природу. Въ инстинктѣ мы впервые встрѣчаемъ особую психическую реальность въ тѣсной связи съ физическою. Весь вопросъ въ томъ, въ какомъ отношеніи между собою находятся эти двѣ реальности, то-есть представляютъ ли онѣ собою двѣ стороны одной и той же сущности, или въ основѣ той и другой лежитъ особая сущность. Библия и наука рѣшительно высказываются противъ второго предположенія, отвергая принципиальный дуализмъ. Но если признать и первое, недоумѣнія не разрѣшаются. Уже давно извѣстна теорія такъ называемаго психофизическаго параллелизма<sup>1)</sup>, которая утверждаетъ самостоятельность психическихъ и физическихъ явленій, протекающихъ совершенно обособленно и независимо другъ отъ друга. Не смотря на всю привлекательность этой теоріи, обособляющей психическій міръ отъ физическаго, она полна глубокихъ неясностей и противорѣчій. Непонятнымъ становится параллелизмъ двухъ явленій, ничѣмъ другъ на друга не вліяющихъ и ничѣмъ взаимно не обусловленныхъ. Получается какой-то совершенно непонятный и невѣроятный дуализмъ при сохраненіи однородной субстанціи, лежащей въ основѣ обоихъ явленій. Если субстанціональная основа одинакова, ничто не можетъ препятствовать всѣмъ явленіямъ, физическимъ и психическимъ, быть между собою во взаимной причинной связи и закономерности. Библейская точка зрѣнія тутъ, какъ и вездѣ, является единственно возможною. Явленія физическія и психическія суть двѣ различныя реальности, существующія вмѣстѣ. Между ними есть различіе, котораго нельзя отрицать или затушевать никакими монистическими теоріями. Но это различіе не ведетъ необходимо

<sup>1)</sup> Представителемъ этой теоріи является Фехнеръ; ее же защищаетъ и Вундтъ, хотя понимаетъ ее въ смыслѣ психическаго монизма, сводя все физическое къ духовному. Противъ теоріи психофизическаго параллелизма вооружился К. Штумпфъ въ сочиненіи „Тѣло и душа“. Лейпцигъ 1903. Е. Васманъ, указ. соч. стр. 299—309.

къ принципальному дуализму: объ реальности находятся въ законмѣрной зависимости другъ отъ друга, какъ выраженіе и осуществленіе единой абсолютной Воли, призвавшей къ бытію вслѣдъ за физическими явленіями „душу живую“.

Самымъ яркимъ образомъ несостоятельность механическаго объясненія инстинкта обнаруживается въ его непослѣдовательности. Когда дѣло касается инстинктовъ животныхъ низшаго порядка, монисты готовы признать ихъ просто физическими или химическими реакціями, автоматическими движеніями, рефлекторными дѣйствіями, не болѣе; но когда дѣло идетъ о высшихъ видахъ животныхъ, напримѣръ, объ обезьянѣ, собакахъ, лошадяхъ и проч., инстинктъ приравнивается къ разуму, къ дѣятельности разсудка, къ работѣ почти полнаго сознанія; примитивныя психическія способности инстинкта вдругъ вырастаютъ до сознательныхъ разумныхъ актовъ, приближающихъ животныхъ къ человѣку съ устраненіемъ всякой существенной разницы между ними. Такая непослѣдовательность и неустойчивость въ монистическомъ пониманіи инстинкта получаетъ свое объясненіе отчасти въ принципахъ дарвинизма, отчасти въ воззрѣніяхъ ходячей психологіи, которая объ инстинктахъ животныхъ судитъ по сознательнымъ процессамъ человѣческой души. Если человѣческому дѣйствію предшествуетъ рядъ соображеній, логическихъ разсужденій, то обычно думаютъ, что и животное руководится подобными разсужденіями. Дарвинистическое толкованіе душевной жизни животныхъ не ушло дальше воззрѣній такой ходячей психологіи, въ которой отсутствуетъ критическій методъ психологіи научной. Объ инстинктахъ животнаго мы могли бы судить лишь на основаніи нашихъ собственныхъ инстинктовъ чувственной жизни, находя въ нихъ много аналогичнаго и общаго, но не на основаніи логическихъ сужденій, предполагающихъ сознательность, свободу и разумность, способность къ абстракціи, къ образованію высшихъ понятій. Интеллектуальная дѣятельность, выражающаяся въ формальной способности къ умозаключеніямъ, это не простая ассоціація чувственныхъ представленій, свойственная психикѣ животнаго, и если современная, ходячая психологія не различаетъ этихъ двухъ родовъ психической дѣятельности, это значитъ не то, что они на самомъ дѣлѣ однородны, а то, что г.г. натуралисты, легко разбирающіеся въ явле-

ніяхъ физическихъ, не совсѣмъ ясно представляютъ себѣ разнородность психическихъ процессовъ, протекающихъ въ душѣ безъ яснаго сознанія, съ процессами разумнаго сознанія.

Но какія бы ни были причины, лежащія въ основѣ механическаго пониманія инстинкта, непоследовательность этой точки зрѣнія бросается въ глаза и можетъ быть объяснена лишь предвзятостью взгляда и желаніемъ навязать законы и принципы физической жизни бытію высшаго порядка, жизни духа. Однако, это не совсѣмъ удается и, какъ было сказано, опровергается зоологическими изслѣдованіями о жизни насѣкомыхъ, ось, пчель и муравьевъ, обнаруживающихъ столь высокое развитіе социальнаго инстинкта. Этотъ безспорный фактъ, противорѣчащій всѣмъ принципамъ дарвинической теоріи трансформизма, старались затушевать совершенно произвольными соображеніями. Говорили, что жизнь муравьевъ, управляемая социальными инстинктами, лишена индивидуальной разумности, тогда какъ у высшихъ позвоночныхъ разумность выступаетъ на первый планъ, постепенно одерживая верхъ надъ инстинктомъ; у предполагаемыхъ же предковъ человѣка къ этой индивидуальной разумности присоединилось уже впоследствии развитіе социальнаго инстинкта, вслѣдствіе чего высшее животное и превратилось въ человѣка. Что это совершенно произвольное предположеніе, не имѣющее ничего общаго съ дѣйствительностью, особенно убѣдительно доказано Э. Васманномъ въ сочиненіи, на которое мы уже указывали, „Сравнительныя изслѣдованія жизни муравьевъ и высшихъ животныхъ“. Этотъ убѣжденный ученый, антидарвинистъ, безспорными фактами изъ жизни муравьевъ свидѣтельствуетъ, что муравьи не уступаютъ высшимъ позвоночнымъ ни въ развитіи социальнаго инстинкта, ни въ разумности“. Свидѣтельство Васманна тѣмъ болѣе цѣнно, что въ его лицѣ мирмекологія имѣетъ авторитетнаго ученаго, специалиста, прекрасно изучившаго жизнь муравьевъ, издаващаго много солидныхъ работъ.

Самое интересное въ указанной работѣ Васманна—сопоставленіе муравьевъ съ обезьянами и другими высшими животными <sup>1)</sup>. Нѣкоторыя детали сопоставленія поразительно

<sup>1)</sup> Третья глава указ. сочин. 333—349.

ярко обнаруживаютъ всю искусственность и натяжки, къ которымъ обычно прибѣгаютъ трансформисты. У Дарвина приведено очень много примѣровъ того, что у высшихъ животныхъ, особенно у обезьянъ, живущихъ стадами, имѣетъ мѣсто предупрежденіе объ опасности, общая охрана молодежи и общій трудъ въ дѣлѣ добыванія пищи, совмѣстное нападеніе съ цѣлью добычи<sup>1)</sup>. Совершенно ту же цѣль преслѣдуютъ и муравьиныя гнѣзда, но достиженіе цѣли здѣсь гораздо болѣе совершенно, чѣмъ на примѣръ, у обезьянъ. И ужъ если говорить о „сознательности“, то муравьи обнаруживаютъ ее ничуть не меньше высшихъ позвоночныхъ. Многія стада птицъ (журавли, гуси) и животныхъ (серны) предостерегаютъ объ опасности особымъ кличемъ и съ этою цѣлью выставляютъ особыхъ часовыхъ. Но то же самое дѣлаютъ и муравьи, только болѣе лучшимъ образомъ<sup>2)</sup>. Вся разница въ способѣ передачи; не владея голосомъ, муравьи предупреждаютъ своимъ усиковымъ языкомъ. Если отрядъ красныхъ хищныхъ муравьевъ приближается къ гнѣзду черныхъ, то первый черный муравей, замѣтившій врага, стремительно кидается назадъ въ гнѣздо и сообщаетъ ударами усиковъ свой ужасъ остальнымъ и даетъ сигналъ къ общему бѣгству. Личинки и куколки моментально переносятся въ глубокіе ходы и камеры, а если врагъ проникаетъ и сюда, то черные, сломя голову, удираютъ вонъ изъ гнѣзда противоположными ходами и спасаются со своими личинками на травяныхъ стебляхъ и кустарникахъ. Другіе виды слабосильныхъ муравьевъ употребляютъ другіе средства отъ нападенія: закупориваютъ доступы внутрь гнѣзда, устраиваютъ баррикады, строятъ земляныя укрѣпленія, и горе тѣмъ смѣлымъ врагамъ, которые проникнутъ въ одиночку за эти укрѣпленія; они тотчасъ схватываются несмѣтнымъ количествомъ защитниковъ за усики и ноги и умерщвляются. Указываютъ на общія согласованныя дѣйствія высшихъ животныхъ, когда дѣло идетъ объ охотѣ, о добываніи пищи, объ отраженіи врага, о защитѣ стада. Мы уже приводили выше примѣры солидарной работы и

<sup>1)</sup> Происхожденіе человѣка глава IV.

<sup>2)</sup> Аналогичное наблюденіе сдѣлано надъ осами. Они также имѣютъ часовыхъ. См. Эотинасъ. „Соціальная жизнь животныхъ“. Съ франц. 1893. Стр. 185.

охраны муравьями своихъ гнѣздъ. Все, что трансформисты замѣчаютъ у обезьянъ, въ болѣе совершенной степени обнаруживаютъ муравьи. Охота и нападеніе отрядами, дружная работа, когда дѣло идетъ объ общей пользѣ или нуждѣ—отличительныя особенности муравьиного царства. Стоитъ посмотрѣть на лѣсныхъ муравьевъ (*Formica rufa*), когда ихъ толпа тащить къ своему гнѣзду навознаго жука въ качествѣ добычи, или бревно, (кусочекъ вѣтки) для постройки гнѣзда: одни тащатъ спереди, другіе подталкиваютъ сзади, всѣ дружно работаютъ, и дѣло идетъ всегда съ успѣхомъ. Въ смѣшанныхъ колоніяхъ, гдѣ работаютъ совмѣстно разные виды муравьевъ, общая работа распредѣляется соотвѣтственно инстинктивнымъ склонностямъ и способностямъ, но при этомъ рабочіе каждаго вида принимаютъ посильное участіе, хотя бы и косвеннымъ образомъ, въ работѣ остальныхъ. Это особенно замѣтно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается воспитанія и ухода за молодью.

У высшихъ животныхъ замѣчаются зачатки моральнаго чувства въ инстинктѣ материнской любви, способной къ самопожертвованію, въ вѣрности своему долгу, въ гуманности при обращеніи съ рабами, больными и т. п. Все это имѣетъ мѣсто и у муравьевъ, хотя трансформисты и отказываютъ имъ въ этихъ качествахъ. Васманнъ приводитъ много примѣровъ муравьиного „моральнаго чувства“; на нѣкоторые мы уже указывали, но вотъ и еще.

Нерѣдко можно наблюдать, какъ муравьи оказываютъ другъ другу предупредительность и дружескія услуги. Васманнъ рассказываетъ о такихъ сценахъ въ устроенномъ для муравьевъ гнѣздѣ. Лежащаго неподвижно рабочаго муравья товарищи заботливо моютъ, то есть облизываютъ своими усиками сначала съ одной стороны, затѣмъ поворачиваютъ на другую и также моютъ. Въ стремленіи къ чистоплотности муравьи положительно превосходятъ позвоночныхъ. Не менѣе старательно ухаживаютъ за ранеными и больными товарищами, при чемъ употребляютъ то же самое средство, то есть мытье, или вѣрнѣе тщательное облизываніе. Леббокъ и Роменисъ за такой уходъ за больными называютъ муравьевъ нѣжными, заботливыми—качества, которымъ позавидывали бы высшія животныя<sup>1)</sup>. Тѣ же каче-

1) Леббокъ. Указ. сочин. стр. 89—112.

Васманнъ. Указ. сочин. стр. 339—340.

ства въ сильной степени обнаруживаются въ уходѣ за дѣткой.

Такимъ образомъ, въ какомъ бы отношеніи ни сравнивать муравьевъ съ высшими позвоночными, въ психическомъ отношеніи они не только не отстаютъ, но идутъ впереди. И совершенно естественно Леббокъ могъ сказать, что если искать человѣческую родословную, муравья нужно поставить въ самое близкое родство съ человѣкомъ, конечно, не по анатомическому строенію, а по психическимъ задаткамъ. Но если бы это было на самомъ дѣлѣ такъ,—падало бы дарвинистическое объясненіе происхожденія человѣка, обаяніе котораго на умы большинства зоологовъ доселѣ очень сильно. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ механическомъ міровоззрѣніи образовалась бы брешь, которую ничѣмъ нельзя было бы задѣлать. И вотъ остается идти противъ очевидности и съ одной стороны признавать, съ другой—отрицать: признавать у муравьевъ инстинктъ и отвергать разумъ, а у высшихъ животныхъ наоборотъ все инстинктивное считать индивидуальнымъ и разумнымъ.

#### IV.

При сопоставленіи муравьевъ и высшихъ позвоночныхъ зоопсихологія только и можетъ вывести заключеніе объ однородности ихъ инстинкта и объ отсутствіи между ними существенныхъ отличій въ указанномъ отношеніи. Но, разумеется, такой выводъ всего меньше гармонировалъ бы съ теоріей развитія и принципами трансформизма. Поэтому все, что касается муравьевъ, пчель и осъ, эволюционисты обычно относятъ къ области явленій инстинкта, а тѣ же явленія въ жизни высшихъ животныхъ объясняютъ какъ зачатки мышленія, разумности и сознанія. Чтобы разобраться въ справедливости подобныхъ сужденій, необходимо знать, какіе факты говорятъ о разумности высшихъ позвоночныхъ животныхъ и насколько эти факты свидѣтельствуютъ о превращеніи животнаго инстинкта въ разумность.

Когда дѣло касается разумности животныхъ, обыкновенно ссылаются на животныхъ домашнихъ—собакъ, кошекъ, лошадей, но всего больше на обезьянъ, относительно которыхъ разумность считается несомнѣннымъ фактомъ. Въ

своемъ сочиненіи „Мозгъ и душа“ Форель приводитъ со словъ Ромениса, о слѣдующемъ наблюденіи. Одна обезьяна въ звѣринцѣ имѣла обыкновеніе отворять къ обѣду дверь столовой комнаты, гдѣ кормили звѣрей. А такъ какъ она была мала, чтобы достать дверной ключъ, то она вѣшалась на веревку, раскачивалась и такимъ путемъ доставала ключъ. Раздраженный на обезьяну сторожъ въ одинъ прекрасный день сдѣлалъ на веревкѣ три узла, чтобы укоротить ее. Послѣ тщетныхъ попытокъ орангъ понялъ сущность препятствія, влѣзъ на веревку и развязалъ всѣ три узла. Тотъ же орангъ получалъ отъ сторожа 15 ключей и постепенно пробовалъ ихъ, чтобы отпереть дверь, пока не попадалъ на настоящій. О той же обезьянѣ рассказываютъ, что она пользовалась желѣзнымъ стержнемъ, какъ рычагомъ, самостоятельно открывъ этотъ способъ механическаго поднятія тяжестей. Передавая всѣ эти факты, Васманнъ <sup>1)</sup> не находитъ въ нихъ ясныхъ доказательствъ собственной мыслительной способности оранга, въ виду полной невозможности проконтролировать той роли, какую игралъ во всѣхъ этихъ случаяхъ сторожъ. Не достаетъ критическаго анализа передаваемыхъ Форелемъ чужихъ наблюдений. Между тѣмъ, чтобы судить о фактѣ, надо знать происхожденіе всѣхъ указанныхъ искусныхъ манипуляцій обезьяны. Такъ какъ всѣ факты имѣли мѣсто въ звѣринцѣ, то для заключеній о самостоятельной мыслительной способности обезьяны ихъ недостаточно. Надо доказать, что и въ свободномъ состояніи обезьяна способна также примѣнять свою способность. Но ничего подобнаго, никакихъ зачатковъ къ самостоятельному культурному развитію въ обезьянѣ не замѣчено, и все, что извѣстно о психической жизни обезьянъ, только искусственнымъ спаячнымъ методомъ можно связать съ человѣческой разумностью. У того же Фореля передается рассказъ о „разумности“ кошки, которая принесла своего котенка изъ гнѣзда въ столовую черезъ окно и положила на колѣни одного изъ сидѣвшихъ за столомъ. Когда котенку дали молока, мать принесла одного за другимъ всѣхъ остальныхъ котятъ и послѣ кормленія отнесла ихъ снова въ погребъ. Начиная съ этого дня, кошка стала

1) Указ. сочин. гл. 10. Образцы разумности нѣкоторыхъ высшихъ животныхъ, стр. 214.



ежедневно дѣлать то же самое. Передавая этотъ фактъ наблюденія, Форель отказывается установить границу того, что здѣсь принадлежитъ инстинкту и что самостоятельной разумной мысли кошки. По мнѣнію Фореля, такую границу устанавливать вообще нельзя, такъ какъ ея въ дѣйствительности нѣтъ. Между тѣмъ это неправда. Наблюденіе Фореля свидѣтельствуетъ не о произвольной и самостоятельной мысли кошки, а только о ея чувственной памяти. Достаточно чувственнаго опыта и простой чувственной ассоціаціи представлений, — чего животныя не лишены. — чтобы объяснить указанное инстинктивное дѣйствіе кошки. Никакихъ логическихъ умозаключеній со стороны животнаго тутъ не было, они были въ головѣ наблюдавшаго указанный случай Фореля.

Разумнымъ руководствомъ и дрессировкой со стороны человѣка больше всего пользуются собаки, и неудивительно, если сложилось убѣжденіе въ томъ, что собака понимаетъ человѣка лучше другихъ животныхъ. Но и это пониманіе не имѣетъ ничего общаго съ мышленіемъ и не возвышается надъ уровнемъ простыхъ чувственныхъ ассоціацій по смежности. Ллойдъ Морганъ продѣлалъ надъ собаками рядъ различныхъ опытовъ, чтобы установить, способны ли они къ проникновенію въ отношенія вещей и къ мышленію при помощи понятій, и результатъ оказался во всѣхъ отношеніяхъ отрицательнымъ. Собаки способны были учиться лишь въ предѣлахъ непосредственнаго чувственнаго опыта по законамъ ассоціаціи, но никакихъ мыслительныхъ способностей въ нихъ не обнаружено. Всякій разъ какъ только получается возможность обнаружить способъ возникновенія кажущихся разумныхъ дѣйствій собаки и подвергнуть ихъ психологической оцѣнкѣ, оказывается, что ничего самостоятельнаго въ такихъ дѣйствіяхъ нѣтъ, а наоборотъ всѣ они являются результатомъ чувственныхъ впечатлѣній при помощи дрессировки. Въ книгѣ Ромеяиса „Умъ животныхъ“ содержится много фактовъ собачьей разумности, но ни одинъ изъ нихъ не проанализированъ какъ слѣдуетъ, хотя и сдѣланы скороспѣлые выводы. Одинъ фактъ передается Ромеяисомъ въ слѣдующемъ видѣ. Собака, которая слѣдовала на улицѣ по слѣдамъ своего хозяина, дошла до мѣста, гдѣ развѣтвлялись три улицы. Послѣ того какъ она понюхала

двѣ улицы и не нашла слѣда, она побѣжала по третьей, не останавливаясь для обнюхиванія. Слѣдовательно, заключаетъ Роменисъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ настоящимъ актомъ умозаключенія: если на А и В нѣтъ слѣда, то онъ долженъ быть на С, такъ какъ другой альтернативы быть не можетъ. Васманнъ совершенно справедливо удивляется наивности подобнаго умозаключенія о собачьемъ мышленіи. Изъ фактическаго наблюденія вытекаетъ лишь то, что собака, послѣ того какъ безрезультатно обнюхала два пути, при поворотѣ на третій—нашла слѣдъ своего хозяина и пустилась въ догонку. Только и всего. Конечно, человѣкъ можетъ представить при этомъ обычное разсужденіе въ формѣ человѣческаго при помощи чистаго силлогизма: „слѣдъ находится на А, либо на В, либо на С; но его нѣтъ ни на А, ни на В, слѣдовательно онъ на С“. Такъ разсуждать можетъ человѣкъ, но утверждать, что и собака думала подобнымъ образомъ, это значитъ навязывать собакамъ свою человѣческую психологію, которой у нея нѣтъ.

Въ 1904 году для зоопсихологіи явилась настоящая загадка въ лицѣ умной лошади подъ кличкою Гансъ, обнаруживавшей необыкновенную понятливость и умъ. Лошадь принадлежала фонъ-Остену и отъ него получила свое „духовное“ развитіе. Шестому международному зоологическому конгрессу въ Бернѣ она была представлена въ такихъ чертахъ: „читаетъ превосходно, считаетъ великолѣпно, владѣетъ простыми дѣйствіями надъ дробями и возвышаетъ числа до 3 степени, различаетъ большое количество цвѣтовъ, знаетъ стоимость германскихъ монетъ, значеніе игральныхъ картъ, узнаетъ лица по фотографіямъ, понимаетъ нѣмецкій языкъ (лошадь русскаго происхожденія), словомъ обладаетъ понятіями, которыхъ нѣтъ у обыкновенныхъ лошадей“. Лошади былъ устроенъ экзаменъ въ отсутствіи хозяина, послѣ чего экзаменаторы убѣдились, что она самостоятельно мыслить, комбинируетъ, выводитъ умозаключенія и поступаетъ сообразно этому. При этомъ прибавлялось, что слово дрессировка къ данной лошади непримѣнимо и выражалось желаніе, чтобы члены конгресса лично убѣдились въ этомъ чудѣ.

Члены конгресса отнеслись очень холодно и недоувѣрчиво къ этому хвалебному отзыву о разумности Ганса. На

сенсационное сообщеніе они ничѣмъ ни реагировали. Научный инстинктъ и осторожность подсказали имъ правду, что во всемъ этомъ кроется ни болѣе не менѣе какъ искусная и тщательно сохраняемая въ тайнѣ дрессировка. Специальная ученая комиссія изъ 13 членовъ конгресса не вынесла никакого опредѣленнаго заключенія объ умѣ Ганса и выразила лишь пожеланіе, чтобы вопросъ подвергнутъ былъ новому экспериментальному научному изслѣдованію. За это изслѣдованіе дѣятельно принялся профессоръ и директоръ Берлинской психологической семинаріи К. Штумпфъ и далъ слѣдующее заключеніе.

Сама лошадь не способна ни читать, ни считать, ни производить наблюденія; она способна лишь реагировать на малѣйшіе знаки со стороны человѣка не только тогда, когда онъ сознательно дѣлаетъ ихъ, производя извѣстныя движенія, но и тогда, когда онъ не сопровождаетъ своихъ приказаній знаками; въ послѣднемъ случаѣ лошадь догадывается о желаніи человѣка по тѣмъ произвольнымъ движеніямъ, которыя появляются у человѣка, когда онъ желаетъ добиться отъ лошади извѣстнаго результата. Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ необходимо присутствіе человѣка и его произвольная или непроизвольная мимика, возбуждающая вниманіе лошади и производящая въ ней извѣстную реакцію. Если это условіе не соблюдено, и лошадь не видитъ человѣка (если, напр., у нея завязаны глаза), то не получается никакого эффекта, какія бы требованія къ ней не предъявлялись. Ясно, что здѣсь выражается не ея самостоятельное мышленіе, а искусная дрессировка, доведенная до послѣдней степени технического совершенства. Въ теченіе долгаго обученія счету лошадь должна была все точнѣе и точнѣе наблюдать за малѣйшими измѣненіями въ положеніи тѣла (глазъ, лица, рукъ), которыми учитель безсознательно сопровождалъ свои мысли и желанія, и затѣмъ передавать ихъ посредствомъ своего лошадиного языка, топтанія копытомъ. Лошадь дѣйствительно обнаружила блестящія способности въ рѣшеніи задачъ, вычисленіи десятичныхъ дробей, опредѣленіи календарныхъ датъ и т. п., но все это говоритъ только объ исключительномъ талантѣ инстинктивнаго чувственнаго воспріятія, но не разума: во всѣхъ рѣшеніяхъ и отвѣтахъ она автомати-

чески повторяетъ мысли хозяина. По мнѣнію Штумпфа, данный случай есть лишнее и самое вѣсское подтвержденіе старой истины, что животныя вообще не способны къ отвлеченному мышленію и поэтому никакого переворота въ нашихъ представленіяхъ о душѣ животнаго произойти не можетъ. Все остается по старому: инстинктъ остается инстинктомъ, и если умный Гансъ долгое время оставался загадкой, то это происходило благодаря тому, что раньше изслѣдованій Штумпфа долго не могли разобраться, въ чемъ заключаются тѣ знаки, по которымъ выдрессирована лошадь.

V.

Всѣ приводимые факты въ пользу разумности высшихъ животныхъ даютъ намъ право вывести слѣдующее заключеніе. Высшія млекопитающія не способны къ самостоятельной мыслительной дѣятельности сознательнаго характера ни при посредствѣ собственнаго чувственнаго опыта, ни при помощи обученія со стороны человѣка. Въ этомъ отношеніи они нисколько не превосходятъ членистоногихъ и перепончатокрылыхъ ось, пчель и муравьевъ. О тѣхъ и другихъ одинаково можно утверждать, что, обладая инстинктомъ, они не обладаютъ разумностью, какіе бы факты ни приводились въ доказательство противнаго. Если современная зоопсихологія подъ вліяніемъ разныхъ мотивовъ, основываясь на холячихъ мнѣніяхъ, утверждаетъ обратное и приписываетъ высшимъ животнымъ разумъ по образцу человѣческаго, то во всемъ этомъ кроется лишь простое недоразумѣніе, основанное на смѣшеніи понятій чувственнаго познанія или инстинкта съ сознаниемъ и разумностью. Никто не сомнѣвается въ томъ, что животное, благодаря такимъ же, какъ у человѣка, внѣшнимъ чувствамъ, способно къ чувственнымъ воспріятіямъ и такимъ же чувственнымъ, иногда довольно сложнымъ, представленіямъ и на основаніи ихъ поступаетъ цѣлесообразно. Но все это не выходитъ изъ области инстинкта, этой наслѣдственной основы всякой чувственной бессознательно - цѣлесообразной дѣятельности, и существеннымъ образомъ отличается отъ сознательныхъ психическихъ актовъ мыслительной способности человѣка. Не о высшихъ только млекопитающихъ, но и о муравьяхъ

и о послѣднихъ даже больше можно сказать, что они представляютъ собою примѣръ самаго высокаго развитія инстинктивной жизни въ животномъ царствѣ. Васманнъ не безъ основанія утверждаетъ <sup>1)</sup>, что въ развитіи общественныхъ инстинктовъ муравьи стоятъ ближе къ человѣку, чѣмъ антропоморфныя обезьяны, почему и пропасть между обезьяной и человѣкомъ гораздо больше, чѣмъ между муравьемъ и человѣкомъ; но разумностью въ настоящемъ смыслѣ слова, то-есть способностью къ сознательной работѣ мысли, къ самостоятельному культурному развитію, муравьи обладаютъ такъ-же мало, какъ и обезьяны. Такимъ образомъ, сближать человѣка съ животными въ психическомъ отношеніи было бы не только несправедливо, но и не научно. Психическая пропасть между человѣкомъ и животнымъ не можетъ быть заполнена инстинктомъ. Этому противорѣчатъ факты, которыхъ никакой добросовѣстный натуралистъ отвергать не можетъ. Только человѣкъ является существомъ, одареннымъ разумностью, существомъ совершенно другого порядка или другого царства, только въ немъ одномъ заложены потенціи къ настоящему духовному и нравственному развитію <sup>2)</sup>.

Итакъ, смѣшеніе инстинкта съ разумомъ противорѣчитъ біологическимъ фактамъ и явно несостоятельно въ научномъ отношеніи. Но не въ этомъ главная бѣда. Пренебреженіе научной истиной въ угоду господствующему мистически-механическому міровоззрѣнію оплачивается въ жизни болѣе дорогою цѣною, нравственнымъ приниженіемъ человѣка. Ходячая, общепринятая зоопсихологія, разрушающая существенную границу между человѣкомъ и животнымъ, не только не научна и не права, но прямо безнравственна: не будучи въ силахъ поднять животное до человѣка, она опускаетъ человѣка до состоянія животного. Говорятъ, что это лишь научная теорія; нѣтъ, — практическимъ слѣдствіемъ ея является нравственное озвѣреніе человѣка. Ибо только на почвѣ этой теоріи и подъ флагомъ науки появились въ наше время тѣ популярныя тенденціозныя

<sup>1)</sup> Указ. сочин. стр. 477.

<sup>2)</sup> О человѣкѣ, какъ высшемъ представителѣ въ царствѣ природы, будетъ особая рѣчь.

произведенія различныхъ авторовъ, которые, указывая основу разума въ инстинктѣ, выступаютъ апостолами свободной любви, разрушаютъ бракъ, семью, общество, высмѣиваютъ религію и всѣ идеальные порывы человѣка. Сознательно и бессознательно они направляютъ всѣ свои работы къ тому, чтобы человѣкъ отказался отъ своей духовной природы и повиновался чувственнымъ влеченіямъ, которыя у него общи съ неразумными животными. Поэтому каждый благородно мыслящій натуралистъ долженъ былъ бы во всеоружіи выступить противъ такого нравственнаго приниженія человѣка и указать всѣмъ научнымъ популяризаціямъ ихъ настоящую цѣну и значеніе. Но, къ сожалѣнію, этого нѣтъ, и мы являемся свидѣтелями всѣхъ послѣдствій неосторожныхъ научныхъ обобщеній и выводовъ. Натуралисты, взявшіе своею спеціальностью медицину, съ похвальной энергіею борются противъ разрушительнаго вліянія ядовитыхъ бактерій, служащихъ источниками эпидемическихъ болѣзней. Между тѣмъ, о духовныхъ ядахъ, которые лицемѣрно подъ флагомъ науки распространяются въ широкихъ кругахъ, тѣ же натуралисты, къ сожалѣнію, совершенно не заботятся.

Переживая въ настоящее время титаническую міровую войну, общественное мнѣніе всѣхъ странъ указываетъ на Германію, какъ на главную виновницу бѣдствія. Но что же въ самой Германіи могло создать психологію войны? Несомнѣнно, то самое міровоззрѣніе, которое съ такимъ пафосомъ защищается Геккелемъ и другими корифеями современнаго механическаго міропониманія, столь много потрудившимися къ разрушенію ограда, раздѣляющей человѣка отъ животнаго. И не напрасно многіе благомыслящіе ученые въ самой Германіи возвышали свой голосъ противъ общаго увлеченія научными ходячими взглядами, распространяемыми въ популярныхъ произведеніяхъ. Одинъ изъ такихъ ученыхъ, Васманнъ, горячо восталъ противъ популярныхъ произведеній Брэма, Бюхнера и другихъ, говоря, что если бы принципы, проводимые въ этихъ книгахъ, стали когда-нибудь общимъ достояніемъ человѣчества, то общество будущаго, отъ низшихъ до высшихъ слоевъ, стало бы подобнымъ стаду неразумныхъ животныхъ, „духовная жизнь“ которыхъ рас-

творяется въ безграничномъ удовлетвореніи самыхъ низшихъ страстей <sup>1)</sup>).

Голосъ Васманна оказался пророческимъ. И самая война, обязанная его соотечественникамъ—германцамъ, и всѣ приемы, которые они употребляютъ въ борьбѣ, показываютъ ихъ нравственное вырожденіе, полное духовное банкротство нашихъ враговъ, несмотря на всю ихъ культуру и совершенство техники.

Въ общемъ царствѣ природы міръ животныхъ составляетъ особое царство существъ, вполне обособленныхъ отъ остального органическаго растительнаго царства. Всѣ животныя, начиная съ простѣйшихъ и едва замѣтныхъ беспозвоночныхъ и кончая самыми высшими представителями класса

<sup>1)</sup> *Васманнъ*. Указ. соч. стр. 474—481. Въ заключеніи своей книги „Итоги сравнит. Психологіи“ Васманнъ напрасно винитъ А. Брэма и Л. Бюхнера. Недостаточностію психологическихъ познаній и неточностію выраженій, когда дѣло идетъ о психическихъ особенностяхъ животнаго, страдаютъ всѣ вообще натуралисты. Въ „Мирмекологическихъ замѣткахъ“ проф. *Русскаго* (Учен. Записки Казанскаго Ветерин. Инстит. т. XXIX—1912 г.) при описаніи наблюденій надъ муравьемъ *Lasius niger* профессоръ-зоологъ называетъ дѣятельность муравьевъ „разумною и цѣлесообразною“, говоритъ, что муравьи часто поступаютъ „ради утилизаціи труда и экономіи во времени“ и т. п. Всѣ такія и подобныя выраженія, употребляемыя иногда даже безъ намѣренія считать животныхъ такими-же разумными, какъ человѣкъ, даютъ поводъ неумѣреннымъ ревнителямъ дарвинизма къ отстаиванію своихъ взглядовъ на основаніи словъ ученыхъ, профессоровъ и т. д. Между тѣмъ многіе изъ послѣднихъ вовсе не раздѣляютъ дарвинист. взгляды (см. *Русскій*. „Муравьи Россіи“ 1905 г. Казань).

Работы *Васманна* встрѣчены были несочувственно всѣми дарвинистами, но съ его учеными работами пришлось считаться, такъ какъ ихъ добросовѣстность и ученый объективный характеръ говорятъ сами за себя. Пришлось волей неволей разграничивать понятія *инстинктъ и разумъ* и различать дѣйствія инстинктивныя отъ разумныхъ. *Вл. Вагнеръ* утверждаетъ („біологическій методъ въ зоопсихологіи“ Тр. Имп. Петрогр. Общ. Естествозн. т. XXXIII, 1903, стр. 89), что беспозвоночныя обладаютъ только инстинктомъ, а позвоночныя инстинктомъ и разумностію. Но всѣ эти утвержденія продиктованы явнымъ желаніемъ послужить дарвинизму и опровергнуть выводы *Васманна*. Поэтому цѣнность ихъ и научная объективность подлежатъ большому сомнѣнію.

позвоночныхъ и млекопитающихъ, отмѣчены особою низшею формою психической жизни, инстинктомъ. Какъ явленіе внутренняго субъективнаго бытія, инстинктъ не тождественъ съ явленіями бытія физическаго и поэтому къ нему вполне приложимо особое специфическое названіе „души живой“ въ отличіе отъ физическихъ матеріальныхъ явленій внѣшняго объективнаго бытія. Библейская точка зрѣнія остается неприкосновенной. Міромъ инстинкта творческое слово Божіе полагаетъ начало жизни психической, бессознательно цѣлесообразной, осуществляющей не свои цѣли, а цѣли Того, Кто далъ ее. Въ предѣлахъ этихъ цѣлей животныя пользуются свободой движенія, низшими проявленіями чувства, и интеллекта но только *въ предѣлахъ этихъ цѣлей*. Поэтому вся сфера инстинкта заключена въ тѣсныя и узкія рамки чувственности. По сравненію съ жизнью растений инстинктивная жизнь является нѣкоторымъ актомъ свободы и шагомъ впередъ, но въ сравненіи съ жизнью полного сознанія животныя суть автоматы. Они рабы существъ разумно свободныхъ, служатъ ихъ цѣлямъ и подчиняются ихъ велѣніямъ, ученію, дрессировкѣ. Не даромъ о людяхъ сказано: „и да обладаютъ они (люди), рыбами морскими и птицами небесными и всѣми скотами, сущими на землѣ“ (Быт. 1 гл. 26 ст.). Подчиняя себѣ внѣшнія стихіи, физическія силы, умѣя господствовать надъ своими чувственными влеченіями, человекъ подчиняетъ себѣ и животныхъ, ихъ инстинктъ. Душа животныхъ поддается вліянію духа человѣческаго, что особенно замѣтно въ жизни святыхъ, удалявшихся отъ міра въ пустыню и жившихъ съ звѣрьми <sup>1)</sup>. Святые не занимались дрессировкою дикихъ животныхъ, но умѣли дѣлать ихъ кроткими и безвредными силою своей святой личности, воли, побѣдившей чувственныя влеченія и страсти. Такъ и должно быть, ибо нравственный законъ свободы выше закона физической необходимости, выше инстинкта.

Многихъ интересуетъ вопросъ: что дѣлается съ душою животныхъ послѣ ихъ смерти. Въ псалмѣ 103, гдѣ рѣчь идетъ о животныхъ, дается исчерпывающій отвѣтъ: „вся къ Тебѣ чають дати пищу имъ во благо время. Давшу Тебѣ имъ соберуть: отверзшу Тебѣ руку, всяческая исполнятся

<sup>1)</sup> Напр. св. Серафимъ Саровскій.



благости. Отвращшу же Тебѣ лице, возмьются; отъимеши духъ ихъ и исчезнутъ и въ персть свою возвратятся“<sup>1)</sup>. Психика животныхъ не есть что-либо субстанціально автономное; совершенно независимое отъ матеріальныхъ и физическихъ явленій. Инстинктъ дѣйствуетъ лишь въ предѣлахъ чувственности и внѣ этого круга не имѣетъ и не можетъ имѣть самостоятельнаго бытія. Мы и представить себѣ не можемъ существъ, которыя обладали бы инстинктомъ, не имѣя внѣшнихъ физическихъ органовъ ощущенія и воспріятія, т.-е. не обладали бы зрѣніемъ, слухомъ, обонаніемъ, осязаніемъ, нервною системою, мозгомъ и вообще физическимъ тѣломъ. Правда, мы сказали, что инстинктъ есть субъективная основа, живая душа въ животномъ тѣлѣ, но въ то же время она и не есть духъ; она тѣсно связана съ міромъ чувственно матеріальнымъ, и потому всѣ ея проявленія лишены самостоятельности и свободы. Каждое животное есть не только объектъ, но и субъектъ, но его собственное субъективное я не полагается имъ самимъ произвольно и сознательно, но положено въ немъ необходимо, въ силу его чувственно-психической природы. Животное не обладаетъ самосознаніемъ и самоопредѣленіемъ, не ставитъ себѣ задачъ и цѣлей бытія, не знаетъ и не можетъ знать никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ тѣхъ, которые опредѣляются физической природою. Однимъ словомъ, живая душа животныхъ заключена со всѣхъ сторонъ въ рамки чувственно-матеріальнаго физическаго бытія. А если такъ, то она должна въ концѣ-концовъ раздѣлить судьбу послѣдняго, то-есть исчезнуть: „отъимеши духъ ихъ и исчезнутъ и въ персть свою возвратятся“. Умирая, животное исчезаетъ какъ объектъ и какъ субъектъ, ибо и послѣднее въ немъ такое же смертное начало, какъ и первое.

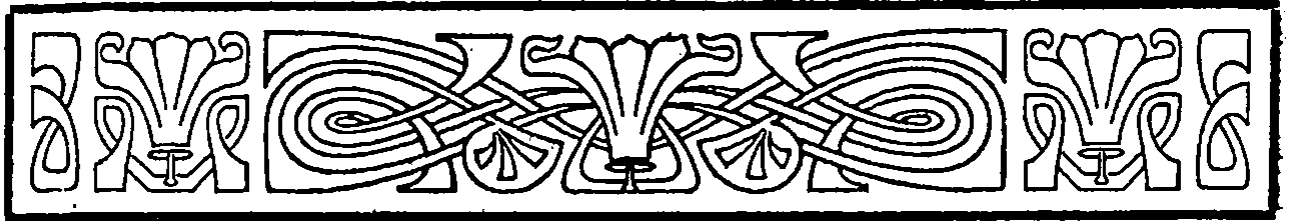
Однако величіе, красота и премудрость Творца нигдѣ и ни въ чемъ такъ себя не обнаруживаютъ, какъ въ царствѣ живыхъ существъ, въ мірѣ инстинкта. Здѣсь объективное бытіе впервые обнаруживаетъ субъективную сторону въ особаго рода художественномъ явленіи, въ психической цѣлесобразной реакціи на внѣшнее воздѣйствіе въ движеніяхъ, въ ощущеніяхъ и воспріятіяхъ, представлені-

1) Псал., 103, 27—29.

яхъ и понятіяхъ. Своею бессознательною психическою жизнью животныя отвѣчаютъ планамъ Того, Кто ее далъ, Кто даровалъ дыханіе всему живущему. Удивляясь явленіямъ инстинктивной жизни и видя въ нихъ обнаруженіе того, что мы замѣчаемъ въ себѣ, что намъ напоминаетъ наши умственные силы и нравственное чувство, мы должны считать ихъ особымъ даромъ Творца. Если пчела строить геометрически правильную фигуру шестиугольника, а муравей дѣлаетъ внутренніе ходы въ своемъ гнѣздѣ по всѣмъ правиламъ строительнаго искусства, то всѣ эти и имъ подобныя безчисленные факты свидѣтельствуютъ объ умѣ не пчелы и не муравья; это есть рѣшеніе задачи, напередъ заданной и рѣшенной, исполненіе работы по указанному плану, подсказанный отвѣтъ. Факты ума животныхъ кажутся намъ поразительными, но если вдуматься и взглянуть особенно въ тѣ изъ нихъ, которые не легко достаются самому человѣку путемъ долгой науки, неизбѣжно приходишь къ выводу, что животный міръ есть носитель и исполнитель заданій Божественнаго ума и вѣлній Божественной воли.

*Профессоръ Протоіерей Іаковъ Галаховъ.*

1916 г. 28 іюля.



## О тайнѣ искупленія.<sup>1)</sup>

Въ №№ 37 и 38 „прибавленій къ церковнымъ вѣдомостямъ“ напечатана статья Архіепископа Нікона: „Митрополитъ Филаретъ о тайнѣ искупленія“. Тонъ статьи полемическій, написана она съ нѣкоторымъ раздраженіемъ и продиктована, по словамъ владыки, „встревоженной архіерейской совѣстью“. Встревожилъ владыку мой докладъ „о тайнѣ искупленія“ сдѣланный мною на съѣздѣ законоучителей Харьковской Епархіи 29 декабря 1915 г.<sup>2)</sup>

Предположивши нѣсколько выдержекъ изъ проповѣдей митр. Филарета и своихъ печалованій, владыка говоритъ: „теперь я вопрошаю о І. Дмитревскаго“...

Посему долгомъ считаю отвѣтить высокопреосвященному мыслителю, такъ какъ дѣло идетъ не о личныхъ недоразумѣніяхъ, а о величайшей тайнѣ вѣры нашей.

Читатель указанной статьи Архіепископа съ несомнѣнностью видитъ, что она вызвана ревностію владыки о вѣрѣ; но не менѣе очевидно и то, что статья написана въ состояніи волненія и возмущенія. А когда человекъ волнуется, ему все кажется въ преувеличенномъ видѣ и онъ обо всемъ говоритъ языкомъ гиперболическимъ. Этимъ я объясняю то, что владыкѣ показались въ моемъ докладѣ задатки и ереси, и кощунства, и богохульства „грозящіе кораблю Христову“; что онъ называетъ меня „моднымъ церковнообновленцемъ“ и „современнымъ богоискателемъ въ духѣ Лютера“. Въ волненіи же владыки, конечно, причина и того, что моего доклада онъ не только не критикуетъ, но даже основъ его

<sup>1)</sup> Отвѣтъ Архіепископу Нікону.

<sup>2)</sup> Журн. „Вѣра и Разумъ“ за наст. годъ № 4.

не показываетъ читателю, ограничившись выдержкою начальныхъ вопросовъ въ моемъ докладѣ, которые онъ опять таки не разбираетъ, не критикуетъ, а только на нихъ возмущенно негодуетъ.

Я хотѣлъ-бы думать, что владыка такъ поступаетъ потому, что въ его задачѣ не критика доклада свящ. Дмитревскаго, а изложеніе ученія митр. Филарета о тайнѣ искупленія; но оказывается и ученія Филарета нѣтъ въ статьѣ Архіепископа Нікона, ибо нельзя-же, конечно, назвать ученіемъ три-четыре выдержки цѣликомъ и безъ системы взятыя изъ сборника проповѣдей знаменитаго покойнаго витія Церкви нашей. Въ статьѣ Архіепископа Нікона есть нѣчто изъ Филарета, и нѣчто о докладѣ Дмитревскаго; о первомъ говорится съ восторгомъ, но безъ мотивовъ, о второмъ—съ негодованіемъ и тоже безъ мотивовъ.

Однако мое оправданіе не въ психологическомъ состояніи моего высокопреосвященнаго критика, а въ содержаніи самаго доклада, которое осталось невѣдомымъ для читателей Церковныхъ Вѣдомостей по статьѣ Архіепископа Нікона и которое поэтому я считаю долгомъ огласить для лица, интересующихся вопросами вѣры нашей.

Тайна искупленія стоитъ въ неразрывной связи съ тайной грѣхопаденія. „Дабы мы удобнѣе могли вѣровать сей тайнѣ, говорится въ катихизисѣ митр. Филарета, слово Божіе вразумляетъ насъ о ней, сколько вмѣститъ“ можемъ чрезъ сравненіе Іисуса Христа съ Адамомъ!.. Какъ въ Адамѣ человѣчество отдѣлилось отъ жизни въ Богѣ, такъ во второмъ Адамѣ—Іисусѣ Христѣ оно воссоединилось съ Богомъ“. Но какъ это, какимъ путемъ?—Что чрезъ Адама, какъ „естественнаго главу“, или, сказали-бы мы, корень всего человѣчества зараза грѣха распространяется на всѣхъ людей,—это вполне понятно: если поврежденъ корень, то это поврежденіе скажется и на стволѣ, и на вѣтвяхъ и на каждомъ листкѣ дерева; но какимъ образомъ, какимъ процессомъ жизнь Христа (а не „заслуга“) передается всѣмъ людямъ,—и современникамъ Его, и бывшимъ до Него, и будущимъ послѣ Него? Адамъ соприкасается съ каждымъ изъ насъ чрезъ безконечную цѣпь преемственныхъ рожденій,—какимъ же путемъ соприкасается съ каждымъ изъ насъ Христосъ Спаситель?.. Отвѣтъ катихизиса: „посредствомъ вѣры“ если

и вѣренъ по существу, то во всякомъ случаѣ недостаточенъ и неясенъ, ибо вѣра—*это мое и отъ меня*, Господь-же даровалъ намъ спасеніе *отъ Себя*; вѣра можетъ быть, а можетъ и не быть (въ зависимости отъ чего спасается, или не спасается то или другое лицо), спасеніе-же отъ Спасителя дано *объективно* всему человѣчеству и *объективно касается всякаго человѣка* безотносительно къ тому, вѣритъ человѣкъ, или нѣтъ. Словомъ, то, что далъ каждому человѣку Христосъ, *это ранѣе вѣры*; вѣра-же есть только отвѣтъ на это Божественное „толку въ сердце“. Итакъ, что-же такое далъ Христосъ каждому человѣку и какимъ образомъ этотъ даръ (а не заслуга!) Спасителя передается всѣмъ людямъ?

Мы сказали уже, что сущность грѣхопаденія состоитъ въ *отдѣленіи* человѣка отъ Бога, въ потерѣ „древа жизни“, этого, по выраженію митр. Филарета „величественнаго образа благодатной жизни въ Богѣ“. Первые люди до паденія *„бесѣдовали съ Богомъ,“* а послѣ паденія были *изгнаны изъ этого рая непосредственнаго общенія съ Богомъ, отдѣлились отъ него, захотѣли жить сами, безъ Бога*, не по заповѣди ограниченія своей чувственной природы и подчиненія ея духовной (заповѣдь о невкусеніи плодовъ съ древа познанія добра и зла), а по закону преобладанія чувственности надъ духомъ. День нарушенія первыми людьми райской заповѣди былъ страшнымъ *днемъ рожденія въ мѣртъ эгоизма, т. е. обособленія, горделивой самости*, днемъ перемѣщенія центровъ: прежде центромъ жизни былъ Богъ, теперь этотъ центръ человѣкъ поставилъ въ самомъ себѣ. Отсюда и вся катастрофа перваго грѣхопаденія: *отдѣлившись отъ существа всесовершеннаго, люди обрекли себя на всевозможныя несовершенства, переставши быть едиными въ Бога*, они обрекли себя на *дробную множественность* съ эгоистическимъ вытѣсненіемъ воіми воіхъ и каждымъ каждымъ. Сотворенные по образу Божію, т. е. по образу Бога *единого при трехъ Лицахъ*, они показали въ себѣ этотъ образъ Божій настолько, что перестали сознавать свое *природное единство* и стали жить каждый *особо, отдѣльно отъ всѣхъ не въ другихъ—по закону любви, а въ себѣ—по закону эгоизма*. Отъ этого болѣзненно стали раздуваться личности, безконечно умножая свою *особность, индивидуальность, разстоянность* и все болѣе и болѣе стало *исчезать единое во*

*встѣхъ* природное единство. Такъ вошла всякая немощь, всякое несовершенство въ міръ, какъ естественное слѣдствіе все большихъ и большихъ ограниченій себя (*ограниченій* отъ единой жизни) человѣкомъ; такъ введена была въ міръ и смерть, какъ естественный результатъ противоестественной попытки *жить отдѣльно*.

Вотъ въ какую полосу введено было человѣчество въ Адамъ! Трагизмъ положенія усиливался еще болѣе отъ того, что и каждый человѣкъ послѣ этого получилъ природную склонность жить, двигаться, развиваться въ Адамовскомъ направленіи, т. е. въ направленіи дальнѣйшаго обособленія, удаленія отъ Бога и жизнь въ Богѣ, жизнь въ единеніи со всѣми была безнадежно потеряна. И вотъ потерянное въ первомъ Адамѣ непослушаніемъ, обособленіемъ, восстановлено Вторымъ Адамомъ, Христомъ Спасителемъ чрезъ послушаніе, любовь Божественную.

Какимъ-же путемъ и способомъ? Путемъ воплощенія Сына Божія: когда человѣкъ въ лицѣ Адама не захотѣлъ быть Сыномъ Божиимъ по любви, по усыновленію, тогда Единородный Сынъ Божій восхотѣлъ стать Сыномъ Человѣческимъ, чтобы Богообщеніе, потерянное чрезъ искушеніе дьявольское, восстановить любовію Божественной.

Совершилась „веля благочестія тайна: Богъ явился во плоти!“

Итакъ, по любви къ падшему творенію Сынъ Божій становится Сыномъ Человѣческимъ и чрезъ то *возсоединяетъ все человечество съ Богомъ*. Какимъ-же образомъ? Здѣсь тайна искупленія, здѣсь святое святыхъ вѣры нашей, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о полномъ, жизненномъ пониманіи этой тайны разумомъ нашимъ; но для насъ весьма поучительно понять то, почему намъ недоступно пониманіе этой тайны. Почему-же? Да потому, что мы ограничены со всѣхъ сторонъ природы нашей и чѣмъ болѣе обособляемся, тѣмъ тѣснѣе сдвигаемъ эти границы. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ „понять предметъ“? Это значитъ объять его со всѣхъ сторонъ нашимъ разумомъ. Но разумъ нашъ есть часть даже нашей жизни и всю ее не покрываетъ, какъ-же онъ можетъ мечтать о томъ, чтобы понять, объять жизнь Божественную?! Вѣдь тайна всякой жизни познается только *переживаніемъ* и чего не переживешь, того никогда во всей жизненной правдѣ

не поймешь. Вотъ почему „Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій“.

Но не имѣя возможности понять тайны искупленія во всей ея жизненной правдѣ, мы имѣемъ, конечно, возможность осмыслить ее теоретически, такъ сказать, перспективно. Для этого она и открыта намъ, чтобы мы созерцали ее вѣрою и разумно тяготѣли къ ней любовью. „Сія есть Жизнь вѣчная, да знаютъ Тебе, Единого Истиннаго Бога и его-же послалъ еси Іисуса Христа“. (Іоан. 17,—3). Въ этомъ смыслѣ, мы не только можемъ, но и *должны* углубляться въ эту тайну и тѣмъ болѣе осмыслимъ ее, *чѣмъ болѣе въ насъ любви*, ибо тайна искупленія есть тайна Любви Божественной. „Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего за насъ предалъ есть“.

Господь пріоткрываетъ намъ эту тайну, когда многократно называетъ себя *Сыномъ Человѣческимъ*. О чемъ говоритъ это наименованіе?

Имя это было хорошо извѣстно евреямъ, съ которыми бесѣдовалъ Христосъ. У пр. Іезекіиля, напр. каждая глава (за исключеніемъ тѣхъ, которыя служатъ продолженіемъ) начинается обращеніемъ: „Сынъ Человѣческій!“ Здѣсь это наименованіе означаетъ человѣка въ лучшемъ, совершенномъ смыслѣ этого понятія, человѣка, не утратившаго своей связи съ людьми и чувствующаго къ нимъ свой человѣческій долгъ.

Полнѣе и шире эта идея Сына Человѣческаго раскрывается въ VII гл. пр. Даниила. Тамъ подъ образомъ разныхъ звѣрей выводятся разныя культуры и народности и говорится, что „у звѣрей этихъ была отнята власть ихъ, и продолженіе жизни дано имъ только на время и на срокъ“... „И вотъ, продолжаетъ пророкъ, видѣлъ я, какъ облаками небесными шелъ какъ-бы *Сынъ Человѣческій*, дошелъ до Вѣчнаго днями и подведенъ былъ къ нему. И *Ему дана власть, слава и царство, чтобы всѣ народы, племена и языки служили Ему; владычество Его—владычество вѣчное, которое не пройдетъ, и царство Его не разрушится*“ (VII,—12—14).

Вотъ что въ конечномъ выводѣ соединяла іудейская мысль съ наименованіемъ Сына Человѣческаго. И Господь постоянно пользуется этимъ наименованіемъ въ приложеніи

къ Себѣ, т. е. утверждаетъ, что Онъ—человѣкъ въ совершенномъ смыслѣ этого слова и потому не только Царь надъ всѣми людьми, но и вѣчный царь, ибо Онъ—Сынъ Человѣческій.

Въ самомъ дѣлѣ, Сынъ *Человѣческій*, это значитъ—*Сынъ человечества*, т. е. всего рода человѣческаго, значитъ, Онъ—въ ближайшемъ родствѣ, единеніи находится со всѣмъ человечествомъ и съ каждымъ человѣкомъ. А это происходитъ отъ того, что Онъ есть безконечная Любовь. Отъ этого Онъ и за всѣхъ страдаетъ, и всѣхъ спасаетъ, ибо любя всѣхъ, Онъ живетъ жизнью всѣхъ.

Не напрасно говоримъ мы, что опредѣленіе: „Богъ—любы есть“ есть наиболѣе совершенное изъ всѣхъ опредѣленій жизни Божественной. Да, въ любви—все,—и законъ и пророки, и религія, и нравственность и объясненіе всѣхъ догматовъ; въ любви-же Божественной и тайна спасенія, искупленія Богочеловѣкомъ Иисусомъ Христомъ всего рода человѣческаго

Не трудно уяснить это болѣе детально по живымъ примѣрамъ жизни.

Гдѣ любовь, тамъ *единеніе жизни*, тамъ *любящій живетъ жизнью любимаго* и изъ двухъ жизней получается одна. Въ самомъ дѣлѣ, смотрите: вотъ мать и ребенокъ,—ихъ соединяетъ самая чистая земная любовь. Заболѣлъ ребенокъ и матери больно, даже физически больно; весело ребенку и матери весело. Ребенокъ—это въ собственномъ смыслѣ кусочекъ матери и существуетъ онъ отдѣльно отъ нея, какъ-бы, по недоразумѣнію. По несовершенству человѣческому это единеніе жизней, да и то въ очень относительной степени, существуетъ только въ маленькомъ кругу ближайшихъ родственниковъ. Совершенствованіе духовное расширяетъ этотъ кругъ: у святаго шире сердце и глубже внутренняя связь со всѣми. И вотъ воплощается на землѣ Любовь Божественная, всесовершенная,—что должно быть слѣдствіемъ этого?—Должно быть единеніе Воплотившагося со всѣми, единеніе столь полное, что Онъ будетъ жить жизнью всѣхъ, т. е. переживать эту жизнь всѣхъ, какъ Свою, и сообщать Свою жизнь всѣмъ, поскольку они ее принять желаютъ—вѣрують, и вмѣстить могутъ—живутъ подвигомъ вѣры.



Это именно и произошло въ воплощеніи Сына Божія и этимъ именно путемъ и процессомъ Божественная жизнь Христа сообщается всѣмъ людямъ, всѣмъ и бывшимъ до Христа (Онъ вывелъ изъ ада вѣровавшихъ Него) и бывшимъ во времена Христа и тѣмъ, которые были или будутъ послѣ, потому что прославившійся Богочеловѣкъ Христосъ вышелъ изъ условій—границъ пространства и времени и для него нѣтъ уже ничего бывшаго и будущаго, а есть только всегда пребывающее.

Выразите эту логику любви въ терминахъ немощнаго языка правъ юридическихъ и получится: и безмѣрная заслуга Христа, и удовлетвореніе Божественному правосудію, и приношеніе Христа на искупленіе, и безконечная цѣна Его дѣла, и прочее тому подобное.

А попробуйте о томъ-же заговорить на языкѣ дѣтскомъ и тогда, можетъ быть, появятся: и Боженька—папа, и Боженька—сыночекъ и глаголы—осердился, наказалъ, побилъ и т. п. неизбежныя въ предѣлахъ дѣтскаго пониманія и дѣтской терминологіи наивности. Но этотъ языкъ мы всѣ переросли физически и потому имъ никогда не пользуемся; языкъ-же и пониманіе юридическое, которое можно перерости только нравственно, къ сожалѣнію для многихъ остается своимъ языкомъ даже до гробовой доски. Осуждать за это недоросшихъ было-бы жестоко и не по христіански, но постоянно напоминать имъ, что они весьма несовершенно понимаютъ величайшую тайну вѣры,—это долгъ всякаго дорожащаго истиной.

Но, скажутъ: иногда и въ св. Писаніи встрѣчаются какъ бы юридическіе термины въ примѣненіи къ искупленію: выкуплены дорого цѣною; завѣтъ не бываетъ безъ крови и т. п. Вотъ что по этому поводу говоритъ Святой І. Златость: „Для чего, спрашиваетъ онъ, Господь такъ униженно говорить о Себѣ? Для того, чтобы сказанное было удобоприемлемо и проложило путь къ высшимъ понятіямъ. Для того Онъ и смѣшиваетъ въ Своихъ словахъ и возвышенное и униженное“<sup>1)</sup>. „Крайнее смиреніе въ словахъ, говоритъ тотъ-же Св. Отецъ, наиболѣе и вышцаетъ людямъ здравомыслящимъ

<sup>1)</sup> Творенія Св. І. Злат. изд. СПб. Дух. Академіи Т. VIII, с. 253.

не унижать смысла изреченій такъ, какъ по первому взгляду представляется, а въ разумѣніи ихъ восходить на высоту заключающихся въ нихъ мыслей“ <sup>1)</sup>. Или еще: „Многое въ словѣ Божіемъ встрѣчается недостойное величества Божія. Да и Самого Себя Богъ всегда ставитъ выше языческихъ боговъ—черезъ сравненіе Себя съ ними. Все это недостойно Бога, но достойно въ другихъ отношеніяхъ: Онъ столько человѣколюбивъ, что для нашего спасенія пренебрегаетъ выраженіями, подобающими Его достоинству. Вѣдь и то самое недостойно, что Онъ сдѣлался человѣкомъ, что принялъ зракъ раба, что произносилъ уничиженныя рѣчи, и облачался въ смиренныя одежды,—недостойно, если кто станетъ смотрѣть на Его величіе, но достойно, если кто помыслитъ о неизреченномъ богатствѣ Его человѣколюбія“ <sup>2)</sup>.

Послѣ этого ссылатся на то, что юридическіе термины, выражающіе тайну искупленія, взяты изъ слова Божія, значить *„ограничивать смыслъ этихъ изреченій и умалять неизреченное богатство человѣколюбія Божія“*.

Продолжаемъ о неизреченномъ человѣколюбіи Божіемъ.

— И пострадалъ Господь *не для удовлетворенія оскорбленнаго грѣхомъ правосудія Божія, а потому, что Онъ—любовь*. Въ самомъ дѣлѣ, уже диссонансомъ звучитъ самое выраженіе, что *оскорбилось правосудіе Божіе*.—Не Богъ оскорбился, а *правосудіе Божіе*. Какъ будто правосудіе есть самостоятельное существо, что оно можетъ оскорбляться?! Если же сказать прямо, безъ прикрытія, то выйдетъ, что оскорбился, разгнѣвался Богъ, какъ Существо правосудное. Но чѣмъ оскорбился, на кого разгнѣвался?—Оскорбился грѣхами людей, конечно, а не Сына Своего, который „грѣха не сотворилъ“; а разгнѣвался на кого? на Того, Кто понесъ этотъ гнѣвъ, принесъ удовлетвореніе,—*на невиннаго Сына Своего?* Ибо гнѣваться на грѣхи, а *взыскивать* съ безгрѣшнаго, это уже не только не любовь, но даже и *не правда*; да и грѣ-

<sup>1)</sup> ibidem. с. 260.

<sup>2)</sup> Т. VIII—430. Что касается митр. Филарета, то наряду съ господствующимъ юридическимъ освѣщеніемъ тайны искупленія есть у него и прозрѣніе въ нее, какъ въ тайну любви (См. объ этомъ ниже). Ар. Никонъ самъ процитовалъ подобное мѣсто, только онъ не захотѣлъ вдуматься въ него.

хами можно оскорбляться, гнѣваться на нихъ только тогда когда они—*грѣхи чьи-либо, т. е. служатъ проявленіемъ испорченной, грѣховной природы*, а если они—*чужіе и взяты на себя безгрѣшнымъ*, то развѣ можно на это гнѣваться? Вѣдь это-же подвигъ, необыкновенное самопожертвованіе, этимъ можно только восхищаться, а правосудіе Божественное оскорбляется этимъ и за *принятые, за чужіе грѣхи* взыскиваетъ, какъ за *свои*?! За любовь—наказываетъ?! Что-же?—не нужно, что-ли, любви?!.. Вотъ какія странности носить въ себѣ идея удовлетворенія, взысканія въ приложеніи къ тайнѣ искупленія и это, конечно, потому, что она неизмѣримо менѣе этой тайны и можетъ только закрывать, а не открывать ея неизреченное величіе. По безконечной любви воплотился Сынъ Божій и въ любви тайна Его Голговской жертвы. И любовь открываетъ здѣсь совершенно новое. Возьмемъ примѣръ.

Вотъ мать, у которой, допустимъ, пять сыновей. Они ставятъ ее ни во-что и ведутъ распутную жизнь. Она ихъ вразумляетъ, учитъ примѣромъ своей жизни. Но все-безрезультатно. Она молчаливо и безутѣшно страдаетъ. Они безобразничаютъ, а *страдаетъ она*, страдаетъ *за нихъ*, страдаетъ, потому что ихъ *любитъ*. И эти страданія ея потому такъ трогательны и сильно-дѣйственны, что они невинны и смиренны и въ этомъ ихъ глубоко-нравственное *оживляющее* значеніе. Быть можетъ, дѣти и не исправятся, или не всѣ исправятся, но любовь эта не пропадетъ даромъ, и первое условіе ея дѣйствія—это то, чтобы сынъ *побѣдилъ* въ нее, хотя-бы немного *почувствовалъ, что она есть*, далъ ей точку приложенія въ сердцѣ своемъ. Если это достигнуто, если эта любовь почувствована хотя-бы отчасти, то заложено начало *новой жизни*, которая, развиваясь, неизбежно проявится въ *подвигъ борьбы* съ противными началами и выразится, какъ все большее и большее *уподобленіе* той любви, которая зародила эту жизнь.

Подобное происходитъ и въ дѣлѣ спасенія людей крестною жертвою Христа Спасителя.—Богъ вразумлялъ людей чрезъ законъ и пророковъ, далъ живой примѣръ жизни Богочеловѣка въ лицѣ воплотившагося Сына Божія, сталъ Богочеловѣкомъ, т. е. *человѣкомъ обожившимся*, зна-

читъ, *чуждымъ эгоизма, отдѣленія, грѣха* и потому жившимъ *жизнію вѣхъ людей* и, значитъ, страдавшимъ *вѣми ихъ страданіями*, т. е. невинно, ибо Самъ грѣха не сотворилъ. И чрезъ все это не только указалъ на путь жизни Своимъ ученіемъ и Своимъ живымъ примѣромъ, но и даровалъ *самую жизнь—любовь Божественную* во всей ея безконечной безпредѣльности, во всей ея всеобъятной и всеобъединяющей полнотѣ.

Люди, какъ сотворенные по образу Божію, имѣли любовь и по грѣхопадѣніи, но они заключили ее въ тѣсную кору эгоизма и поставили центръ ея внутри себя, въ своемъ „я“; они забыли, что любовь есть жизнь всеобъединяющая и, не имѣя живаго факта, примѣра этой любви, плохо понимали ее, какъ таковую, изъ теоретическаго Богодухновеннаго ученія. Тогда Господь раскрылъ эту любовь въ жизни, именно, какъ жизнь Божественную, всеобъединяющую, т. е. далъ ее, *какъ фактъ, какъ величайшую возрождающую силу*, призывая прежде всего вѣхъ къ тому, чтобы *увѣровали въ Него*, т. е. открыли свое сердце для принятія этой жизни Божественной. И какъ порочный сынъ, впервые почувствовавшій величіе и силу сострадательной любви къ нему матери, съ этого момента вступаетъ съ нею въ нѣкоторое *иное, духовное единеніе*, какъ-бы узнавши ее съ другой, прежде невѣдомой стороны, и *получивши въ этомъ силу* для борьбы съ прежними своими страстями, такъ и вѣрующій *черезъ вѣру во Христа вступаетъ въ новое, прежде невѣдомое общеніе съ нимъ*, почерпая въ источникѣ Его жизни новыя силы для борьбы съ ветхимъ человѣкомъ и для возрастанія *новаго по идеалу уподобленія Христу*. „Подобни мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу“, говоритъ Ап. Павелъ. „Знаемъ, говоритъ Ап. любви, что когда откроется (полнота жизни), будемъ подобны ему“ (Іоан. 3,—2).—Не равны, не то-же, что Христосъ, а *подобны Ему по настроенію*. Ибо одно дѣло—быть равнымъ, другое—подобнымъ. Это и есть спасеніе, обоженіе, т. е. возможное для человѣка воспріятіе жизни Божественной.

Вступивши въ единеніе со Христомъ чрезъ вѣру въ Него (кому мы довѣряемъ, съ тѣмъ всегда по мѣрѣ довѣрія вступаемъ въ единеніе), вѣрующій становится общникомъ

жизни Его, поскольку вмѣстить ее можетъ, т. е. членомъ Его духовнаго тѣла или Церкви, въ которой все приспособлено для сокращенія чловѣка ветхаго и для возрастанія новаго.

Здѣсь—въ Церкви—и осуществляется субъективно, т. е. въ каждомъ субъектѣ, великая тайна искупленія. Какъ солнце вызываетъ развитіе жизни лишь въ томъ, что живо, мертвое-же по природѣ остается такимъ-же, какъ бы сильно оно лучами солнца ни согрѣвалось; такъ и Солнце Правды (т. е. оправданія) — Христосъ Спаситель спасаетъ, можетъ спасти, т. е. оживить Своею Божественной жизнію только, тѣхъ, которые пожелають принять Его. Объективно Онъ пережилъ жизнь всѣхъ, и значить, для всѣхъ открылъ источникъ Своей Божественной жизни,—какъ солнце освѣщаетъ все;—субъективно—же она оживляетъ только тѣхъ которые вѣрою и подвигомъ жизни ее воспринимають и только въ той мѣрѣ, въ какой воспринимають. Здѣсь нѣтъ ни заслугъ, ни удовлетворенія, ни наемнической расцѣпки,—здѣсь только одна любовь, возстановляющая единеніе, порванное паденіемъ. Чловѣкъ безъ общенія съ Богомъ захотѣлъ быть равнымъ Богу—въ этомъ катастрофа, обособленіе, отдѣленіе отъ жизни Божественной. Богъ по любви къ падшему созданію сталъ чловѣкомъ, т. е. воспринять естество чловѣческое въ нераздѣльное единеніе съ жизнію Божественной,—въ этомъ искупленіе, спасеніе.

Итакъ, въ любви освѣщеніе тайны, а не въ заслугахъ и правѣ, въ любви-же и освѣщеніе того, *какимъ образомъ* омертъ Иисуса Христа спасаетъ насъ отъ грѣха, проклятія и смерти, т. е. отъ богоотчужденія.

Вотъ то, что я говорилъ и опять повторяю о тайнѣ искупленія, что почему-то замолчалъ въ своей статьѣ Архіепископъ Никонъ, предпочтя легкой путь обличенія отвѣтственному пути критики.

Но владыку смущаетъ то, что въ нашемъ пониманіи тайны искупленія *не видно правосудія Божія*, а сияетъ одна только любовь. Значить, очень много, что-ли, любви? Въ этомъ бѣда и недостатокъ нашего пониманія? Но, вѣдь, „Богъ — любви есть“ (1 Іоан. 4, —16) и самъ Архіепископъ Никонъ говоритъ о *безконечной* любви Божественной и приводитъ

прекрасное разсужденіе по этому поводу митр. Филарета.— „Кажется, говоритъ святитель, мы и проникая въ тайну распятія, и усматривая въ страданіяхъ Сына Божія волю Его Отца, болѣе *ощущаемъ* ужасъ Его правосудія, нежели сладость любви Его. Но сіе долженствуетъ увѣрить насъ *не въ отсутствіи* самаго любви, а токмо въ *недостаткѣ* нашей готовности къ принятію ея *внушеній*... *Богъ есть любовь по существу и самое существо любви. Вся его свойства суть облаченія любви; вся дѣйствія—выраженія любви*“.

Въ чемъ-же дѣло? Только въ одномъ недоразумѣніи, не со стороны Филарета, конечно, который въ приведенномъ мѣстѣ такъ прекрасно выразилъ суть дѣла, а Архіепископа Нікона, который не вдумался въ эти слова Филарета. Въ самомъ дѣлѣ, если *вся свойства Божіи суть облаченія любви*“, то, значитъ, и правосудіе *то-же облаченіе любви, т. е. и въ немъ—любовь*; если *вся дѣйствія Божіи—выраженія любви*, то *выраженіемъ-же любви является и правосудіе Божіе*.

Но какъ это можетъ быть? Вѣдь любовь и правосудіе кажутся намъ качествами прямо противоположными! Вотъ въ этомъ „*кажутся*“ и все недоразумѣніе. Филаретъ чувствовалъ это, когда сказалъ, что мы „*ощущаемъ*“ ужасъ правосудія Божія вмѣсто сладости любви, т. е. *субъективно, несоответственно тому, что есть, воспринимаемъ*. И стоитъ только нѣсколько вдуматься въ это, чтобы понять, какимъ образомъ въ тайнѣ искупленія „*милость и истина сръѣтѣся, правда и миръ облобызастся*“. (Пс. 84;—11).

Какимъ-же образомъ?

Для уясненія дѣла опять обратимся къ примѣру любви материнской. Вотъ мать съ дѣтьми. Она ихъ любитъ, она жизнь свою готова отдать за нихъ. Но дѣти не слушаются ея, проявляютъ порочныя наклонности. Приходится не ласкать только ихъ и цѣловать, но и строго имъ выговаривать и раздражаться на нихъ. Скажите: развѣ эти выговоры, это раздраженіе не та-же любовь? Да, та-же, и измѣнился ея видъ, форма проявленія отъ того, что къ худшему измѣнились дѣти. Въ дальнѣйшемъ, быть можетъ, придется даже наказывать дѣтей, бить ихъ; но и это будетъ только по любви и въ этихъ дѣйствіяхъ будетъ любовь. Сметрѣть со внѣ, это будетъ наказаніе, воздаяніе, правосудіе, карающее

преступленія; съ внутренней же стороны—это та-же любовь и измѣнилась она, стала непохожа на себя *не въ себѣ*, а лишь въ формѣ своего проявленія, приспособительно къ паденію, къ немощи тѣхъ, кого она касается. Значить разница не въ существѣ, а лишь въ *ощущеніи*, а разное ощущение бываетъ отъ разнаго отношенія къ любви.

Кто ее принимаетъ открытой душой, для того—она—свѣтъ, ласка; а кто отвергаетъ, для того—наказаніе, кара.

Такъ и въ любви Божественной къ грѣховному роду человѣческому. Какъ свѣтъ солнца изливается она на всѣхъ, и хочетъ обнять всѣхъ, но люди, какъ кроты, какъ ночныя птицы прячутся въ дупла, въ норы своего эгоизма—отчужденности отъ Бога и прикосновеніе лучей свѣта и жизни ощущаютъ, какъ боль, какъ страданіе для ихъ, *инымъ живущей*, природы. И чѣмъ болѣе они обособляются отъ Бога, отдаляются, тѣмъ болѣе страдаютъ отъ Божественнаго посѣщенія. Такъ любовь ощущается, какъ правосудіе, кара, гнѣвъ Божій; такъ Богъ любви-источникъ неизреченнаго блаженства для праведниковъ, становится „огнемъ поядающимъ“, причиною мученія грѣшниковъ. Онъ—одинъ всегда и вездѣ, и неизмѣняемъ; Онъ—всегда и вездѣ—любовь; но различны люди по степени своего отношенія къ этой Любви, посему и различны субъективныя воспріятія ея. Чѣмъ болѣе они ей продиводѣйствуютъ, тѣмъ менѣе узнаютъ ее и тѣмъ болѣе страдаютъ.

Что любовь жжетъ грѣховную природу, ощущается ею, какъ нѣчто чуждое, вызывающее страданіе, а потому и нежелательное, это выясняется и съ другой стороны. Кто сталъ на путь любви, тотъ *тѣмъ самымъ* неизбежно сталъ на путь крестный. Почему? Да потому, что грѣховный міръ не выноситъ свѣта любви, этотъ свѣтъ колетъ ему глаза, поэтому онъ и возстаетъ противъ этого свѣта. „Аще отъ міра бысте были, сказалъ Господь Апостоламъ, міръ убо свое любилъ бы; якоже отъ міра нѣсте, сего ради ненавидитъ васъ міръ“ (Іоан. 15,—19). За что ненавидитъ? За любовь, за то, что вы живете этою „новою заповѣдію“. Такъ онъ за любовь, возненавидѣлъ Самого Христа Спасителя и донынѣ угрожаетъ Голговою всякому самоотверженному послѣдователю Христову. „Не мните, сказалъ объ этомъ Спаситель, яко придохъ воврещи міръ на землю; не придохъ воврещи

миръ, но *мечъ*“ (Ма. 10,—34). И это опять потому, что Онъ—Господь—любовь есть, любовь-же *судитъ міръ* и вызываетъ въ немъ борьбу, самозащиту, раздѣленіе. Эту-же идею всюду развиваетъ и Апостолъ любви, св. I. Богословъ. Да, „Богъ есть любовь по существу и самое существо любви и всѣ Его свойства, по прекрасному выраженію митр. Филарета, суть только *облаченія любви*“, т. е. только видимые ея покровы. Всмотритесь въ каждое изъ нихъ, вы всюду увидите одну единую, всеобъемлющую любовь.

„Богъ благъ всегда, выражаетъ эту мысль св. I. Златоустъ, а праведнымъ сталъ тогда, когда мы сдѣлались грѣшниками“. „Богъ, говоритъ о томъ-же Климентъ Алекс., благъ самъ въ себѣ, правосудіе-же его обусловливается отношеніемъ къ міру“.

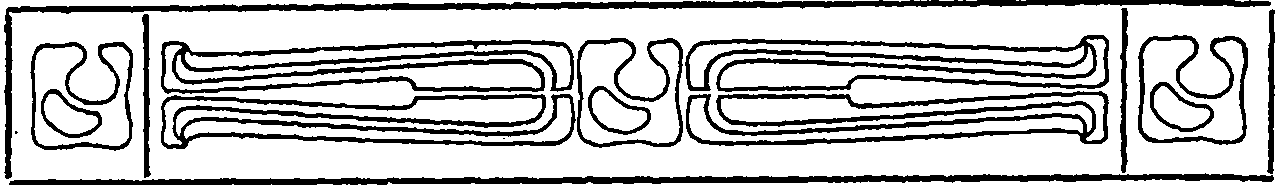
Къ сказанному необходимо добавить то, что подъ докладомъ моимъ о тайнѣ искупленія стоитъ не моя только подпись. Докладъ дѣлался на сѣздѣ законоучителей цѣлой Харьковской епархіи подъ предсѣдательствомъ безспорно просвѣщеннѣйшаго Архипастыря Русской Церкви, Архіепископа Антонія. И сѣздомъ этотъ докладъ былъ не только принятъ, но и горячо привѣтствованъ безъ возраженій. Въ этомъ, конечно, причина того, почему Архіепископъ Никонъ удостоилъ меня своимъ вниманіемъ, но потому-же и я столь рѣшительно владыкѣ возражаю.

Термины же — удовлетвореніе, заслуга — чужды и св. Писанію и св. отцамъ, а взяты отъ латинянъ. Правда, владыка и самъ чувствуетъ, что онъ сказалъ въ своей статьѣ пѣчто лишнее, когда говоритъ: „если Сынъ Божій... не стыдится насъ братьями называть, то Онъ *не осудитъ и насъ*, употребляющихъ термины человѣческаго правосудія въ отношеніи къ Его Божественному Правосудію“... На чловѣколюбіе Божіе надѣяться, конечно, всегда нужно, но... и испытывать его такъ едва-ли дозволительно.

Священникъ *Іоаннъ Дмитревскій*.







# О Ч Е Р К Ъ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ МАКАРІЯ

(Булгакова),

*Митрополита Московскаго и Коломенскаго.*

(19 сент. 1816—1916).

(Продолженіе \*).

## III.

Назначеніе преосв. Макарія на кафедру епископа Тамбовскаго и Шацкаго послѣдовало 1-го мая 1857 года. Служеніе его въ Тамбовѣ продолжалось около двухъ лѣтъ. (1857—1859 г.) По переводѣ въ Тамбовѣ на епископскую кафедру, преосв. Макарій былъ крайне опечаленъ различными безпорядками въ епархіальномъ управленіи, возникшими при его предшественникѣ епископѣ Николаѣ (Доброхотовѣ), вслѣдствіе болѣзни, продолжавшейся около шести лѣтъ съ 1851 года. Главный источникъ безпорядковъ былъ въ мѣстной духовной Консистеріи. Канцелярское дѣлопроизводство шло медленно, допускались и болѣе прямыя злоупотребленія въ нарушеніи законности, при рѣшеніи дѣлъ. Секретарь и члены Консистеріи возбуждали общее недовольство, какъ виновники такихъ злоупотребленій. Преосв. Макарій побудилъ секретаря Консистеріи подать прошеніе объ увольненіи отъ должности; членамъ Консистеріи сдѣлано надлежащее внушеніе о необходимости добросовѣстнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ. Мало по малу, при новомъ секретарѣ, консистерское дѣлопроизводство приведено было въ надлежащій порядокъ и были порѣшены остававшіяся безъ движенія различныя дѣла по епархіальному

\*). См. „Вѣра и Разумъ“ за 1916 г. кн. 10.

управленію. Затѣмъ, преосв. Макарій занялся ревизіею тамбовской епархіи для ознакомленія съ благоустройствомъ церквей, монастырей, а также съ состояніемъ духовенства и монашества. Ревизія преосв. Макарія не ограничивалась внимательнымъ обзорѣніемъ только одного внѣшняго благоуукрашенія приходскихъ церквей, но была всестороннею. При посѣщеніи приходоѡ, преосв. испытывалъ священниковъ и другихъ членоѡ причта въ знаніи ими догматовъ вѣры, церковной Исторіи, каноническихъ постановленій и церковнаго устава. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ преосв. Макарій принималъ мѣры къ созыву нѣсколькихъ окрестныхъ причтоѡ въ одно какое-либо опредѣленное мѣсто. Здѣсь еписк. Макарій велъ продолжительныя бесѣды съ собиравшимися священно-церковно-служителями и, путемъ такихъ собесѣдованій, онъ непосредственно знакомился съ духовенствомъ, а чрезъ него получалъ вѣрное представленіе о состояніи тамбовской паствы. Какъ во время подобныхъ собесѣдованій, такъ и вообще при посѣщеніи церквей, преосв. Макарій былъ ласковъ, вѣжливъ, и обходителенъ съ своими подчиненными. Но зато съ неисправными членами причта, или виновными въ чемъ-либо преосв. Макарій поступалъ строго. Не оставлялъ безъ духовной помощи преосв. Макарій и прихожанъ во время объѣзда епархіи. Въ каждой церкви онъ говорилъ поученія. Поученія его были всегда кратки, просты, для всѣхъ понятны и назидательны. Кроме того, въ подобныхъ своихъ бесѣдахъ преосв. Макарій преподавалъ иногда наставленія особенныя, соответственныя религиозно-нравственному состоянію того, или другого прихода, пользуясь тѣми свѣдѣніями, которыя имъ получались путемъ предварительныхъ объясненій съ мѣстными священнослужителями. Не ограничиваясь первою общою ревизіею тамбовской епархіи, преосв. Макарій и послѣ предпринималъ неоднократно путешествія для ознакомленія съ епархіальнымъ духовенствомъ. При непродолжительномъ пребываніи въ тамбовской епархіи, преосв. Макарій успѣлъ обзорѣть большую половину ея.

При управленіи тамбовскою епархіею, преосв. Макарій немало заботился о благоустройствѣ храмовъ, причемъ нерѣдко вновь устрояемые храмы онъ лично освящалъ. Къ выдающимся храмамъ, устроеннымъ въ тамбовской

епархіи при преосвящ. Макаріи и лично имъ освященнымъ, принадлежали: храмъ тамбовскаго монастыря, въ которомъ находился архіерейскій домъ, Тихвинская церковь Кирсановскаго женскаго монастыря, Моршанскій великолѣпный соборъ, строившійся около 20 лѣтъ, стоившій около двухъ милліоновъ ассигнаціями, и другіе храмы. Въ частности онъ заботился, чтобы храмы были вполне благоприлично обставлены и богослуженіе въ нихъ совершалось по возможности болѣе торжественно, имѣя въ виду при этомъ пробужденіе и укрѣпленіе въ народѣ благоговѣйнаго настроенія. Съ особою торжественностью богослуженіе совершалось въ высокоторжественные дни, причемъ преосвящ. Макарій требовалъ, чтобы все градское духовенство обязательно собиралось на молебны въ кафедральный соборъ, а уклонявшихся отъ исполненія такихъ обязанностей подвергалъ денежному штрафу на благотворительныя цѣли.

Преосвящ. Макарій принималъ мѣры къ достаточному обезпеченію духовенства тамбовской епархіи въ матеріальномъ отношеніи, по крайней мѣрѣ на мѣстныхъ средства; но встрѣтилъ въ этомъ отношеніи большія препятствія, вслѣдствіе возрастанія безмѣстнаго духовенства, отчисленнаго въ заплаты, со времени введенія штатовъ въ 1842 году. Для обезпеченія безмѣстныхъ священнослужителей и церковнослужителей приходилось увеличивать и безъ того значительныя причты по количеству въ приходахъ прежнихъ, болѣе населенныхъ и состоятельныхъ. Впрочемъ, немало такихъ лицъ пристраивалось въ новыхъ приходахъ, открывавшихся при вновь устрояемыхъ храмахъ. Испытавши въ раннихъ лѣтахъ бѣдность и отличаясь въ общемъ гуманнымъ характеромъ, преосвящ. Макарій не могъ равнодушно относиться къ осиротѣвшимъ семействамъ, почему, при невозможности обезпечивать ихъ пенсіями, или пособиями въ достаточныхъ размѣрахъ, зачислялъ за сиротами священнослужительскія и церковнослужительскія мѣста, дѣйствуя такъ частью по личному сочувствію къ сиротамъ, а частью по установившейся практикѣ. Впрочемъ, это зачисленіе мѣстъ производилось въ крайнихъ случаяхъ. Иногда приходилось дѣлать уступки и такимъ кандидатамъ на должности священнослужителей, которые не получали полнаго законченнаго образованія. Вообще же преосвящ.

Макарій былъ убѣжденъ, что успѣхъ въ пастырской дѣятельности духовенства обусловливается образованіемъ, почему при опредѣленіи на мѣста въ сельскіе приходы онъ не только обращалъ вниманіе на полученіе законченнаго образованія, но даже, руководясь разрядными семинарскими списками, отдавалъ предпочтеніе перворазряднымъ воспитанникамъ предъ второразрядными. Въ рѣшеніи дѣлъ по епархіи Преосвящ. Макарій избѣгалъ замедленій, побуждая духовную Консисторію не затягивать дѣлъ, а рѣшать ихъ своевременно, съ возможною скоростью. Въ томъ случаѣ, если извѣстное дѣло было несложно, Преосвящ. Макарій, обративъ вниманіе на его существенную сторону, при подаелѣ прошенія, высказывалъ свое рѣшеніе и при прошеніи полагалъ резолюцію.

Особенно озабочивала преосвящ. Макарію въ тамбовской епархіи борьба съ расколомъ и сектантствомъ. Эта епархіа издавна была пріютомъ различныхъ раскольническихъ толковъ. Общее число раскольниковъ въ тамбовской епархіи въ половинѣ XIX в. простиралось до 5308. Но кромѣ того, здѣсь стали появляться различныя секты рационалистическаго и мистическаго направленія—молокане, хлысты и скопцы, число которыхъ въ общемъ объемѣ простиралось до 3144. Самымъ важнымъ средствомъ въ борьбѣ съ раскольническими и сектанскими заблужденіями преосвящ. Макарій признавалъ проповѣдь со стороны священниковъ тѣхъ приходоу, въ которыхъ появлялись раскольники и сектанты.

Въ этомъ отношеніи преосвящ. Макарій подавалъ личный примѣръ своимъ проповѣдничествомъ когда посѣщалъ мѣстности, населенныя раскольниками и сектантами, причемъ, избѣгая рѣзкой полемики съ противниками православія, онъ предпочиталъ положительно раскрывать тѣ истины, которыя были отрицаемы, или извращаемы. Одно изъ сохранившихся поученій преосвящ. Макарію было направлено противъ раскольническаго заблужденія. Предметомъ слова служило разсужденіе о томъ, съ какою цѣлью мы воздвигаемъ на себѣ св. крестъ, когда молимся, и какъ должны воздвигать его. Два слова были направлены противъ молоканскаго лжеученія, отрицавшаго значеніе вещественныхъ храмовъ и общественнаго богослуженія. Одно произнесено на текстъ *„не вѣстемъ, яко храмъ Божій есть и Духъ Божій живетъ въ васъ*

(1 Кор. III, 16). Другое слово на текстъ: „И нынѣ избралъ и освятихъ домъ сей, да будетъ имя мое ту даже до вѣка и будутъ очи мои и сердце мое ту вся дни“ (2 Пар. VII, 16). Но независимо отъ общей борьбы съ сектантствомъ путемъ проповѣди, въ которой должны были принимать участіе приходскіе священники, преосвящ. Макарій признавалъ необходимую и специальную миссію. Въ мѣста, сильно населяемыя сектантами, назначались преосвящ. Макаріемъ особые миссіонеры изъ среды достойныхъ священниковъ по образованію и по нравственнымъ качествамъ. Если получались свѣдѣнія, что въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ, или сектантствомъ, находились священники недостаточно энергичные, или недостойные, то они были переводимы въ другіе приходы и замѣнялись болѣе достойными. Но зато особенное предпочтеніе въ наградахъ оказывалось преосвящ. Макаріемъ тѣмъ приходскимъ священникамъ, или миссіонерамъ, которые заявляли себя успѣхами въ охранѣ и поддержаніи православія, или въ обращеніи заблуждающихся въ православіе.

Отношеніе преосвящ. Макарія къ духовнымъ учебнымъ заведеніямъ тамбовской епархіи, не смотря на непродолжительность его служенія здѣсь, сопровождалось замѣтными добрыми результатами. Бывшіе при немъ ректора тамбовской семинаріи не удовлетворяли его своею дѣятельностью по отсутствію личной практичности и по направленію созерцательно-аскетическому, не благопріятствовавшему, по его мнѣнію, поддержанію въ заведеніи должнаго порядка, благоустройству заведенію въ матеріальномъ отношеніи и надлежащему рациональному воспитанію юношества. А такими ректорами тамбовской семинаріи были одинъ за другимъ архимандриты Теофилактъ (Праведниковъ) и Серафимъ (Аретинскій). По поводу смѣны ректоровъ въ тамбовской семинаріи преосвящ. Макарій такъ высказывался въ частномъ письмѣ къ своему брату о. Александру Булгакову, петербургскому протоіерею: „Прежняго ректора не стоить жалѣть, да и новому нельзя порадоваться: проку отъ него будетъ мало. Жаль семинаріи“. Положеніе преосвящ. Макарія въ отношеніи къ этимъ ректорамъ было крайне щекотливое. Архимандритъ Теофилактъ учился въ курской д. семинаріи одновременно съ Макаріемъ, а Серафимъ былъ его учите-

лемъ. Послѣдній по наукѣ былъ первенцемъ Кіевской Академіи, но по своей глубокой сосредоточенности и по отсутствію практическихъ свѣдѣній, былъ рѣшительно неспособенъ къ административной дѣятельности. По поводу назначенія его на должность даже извѣстный подвижникъ, товарищъ преосвящ. Макарія Теофанъ (Говоровъ), бывшій въ послѣдствіи также тамбовскимъ епископомъ извѣстный особою снисходительностью къ человѣческимъ немощамъ, въ частномъ письмѣ высказывался такъ: „жалъ! какъ это устроилось, непостижимо!“ При такихъ условіяхъ, преосвящ. Макарій признавалъ необходимымъ лично болѣе внимательно слѣдить за ходомъ дѣлъ въ тамбовской семинаріи. Онъ болѣе всего заботился о поддержаніи порядка въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, согласно съ требованіями Устава. Всякое уклоненіе отъ порядка онъ снѣшилъ устранить. Заботясь о поддержаніи дисциплины среди учащихся, Преосвящ. Макарій не позволялъ воспитанникамъ обращаться къ нему съ прошеніями лично, минуя свое ближайшее начальство. По одному частному поводу онъ черезъ духовную Консисторію предписалъ, чтобы „на будущее время ученики семинарій и духовныхъ училищъ, безъ дозволенія своего начальства, не подавали просьбъ епархіальному Архіерею“. За успѣхами учащихся въ наукахъ и за нравственнымъ воспитаніемъ преосвящ. Макарій внимательно слѣдилъ. Въ 1858 году онъ предписалъ Семинарскому Правленію „усугубить надзоръ какъ за нравственностью учениковъ, такъ и за преподаваніемъ преимущественно практическимъ, вмѣстѣ съ другими духовно-нравственными науками, предметовъ миссіонерскихъ, по коимъ и предлагать воспитанникамъ болѣе темъ для письменныхъ упражненій“. Лѣтомъ преосвящ. Макарій ежедневно присутствовалъ на экзаменахъ. Приходилось преосвящ. Макарію заботиться и о внѣшнемъ благоустройствѣ духовныхъ учебныхъ заведеній. При немъ тамбовское и липецкое духовныя училища по внѣшнему состоянію крайне ухудшились, требовался капитальный ремонтъ ихъ. Объ этомъ ходатайствовало Правленіе тамбовской духовной семинаріи. Но преосвящ. Макарій желалъ сдѣлать больше: съ своей стороны, онъ ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ объ устройствѣ новыхъ училищныхъ зданій. Благодаря ходатайству преосв.

Макарія, дѣйствительно была начата постройка тамбовскаго училища и перестройка липецкаго училища. Преосвящ. Макарій, насколько могъ, заботился объ улучшеніи матеріальнаго положенія наставниковъ духовныхъ учебныхъ заведеній, которое въ это время было очень скуднымъ. Онъ ходатайствовалъ о денежномъ вознагражденіи тѣхъ учителей семинаріи и училищъ, которые, независимо отъ своихъ прямыхъ обязанностей, безмездно выполняли нѣкоторые труды; дозволялъ учителямъ семинаріи давать уроки въ тамбовскомъ Кадетскомъ корпусѣ, съ условіемъ, чтобы они точно выполняли свои прямыя обязанности. Въ случаѣ смерти кого-либо изъ наставниковъ, преосвящ. Макарій заботился объ оказаніи помощи осиротѣвшей семьѣ.

Не смотря на то, что Тамбовъ не представлялъ благоприятныхъ условій для научно-литературной дѣятельности преосвящ. Макарія, особенно по отсутствію необходимыхъ научныхъ пособій, а труды по епархіальному управленію отвлекали отъ частныхъ кабинетныхъ занятій, преосвящ. Макарій и въ это время продолжалъ заявлять себя научно-литературною и проповѣдническою дѣятельностью. Изъ научно-литературныхъ трудовъ преосвящ. Макарія, кромѣ нѣсколькихъ статей церковно-историческаго содержанія, вошедшихъ потомъ съ нѣкоторою передѣлкою въ его обширный трудъ по Русской церковной Исторіи (о Григоріи Цамблакѣ, о сочиненіяхъ Кирилла II, о Новгородскихъ четъминяяхъ), заслуживаетъ вниманія его біографическая записка „о Преосвящ. Иннокентіи, архіепископѣ Херсонскомъ и Таврическомъ“. Эта записка была составлена въ концѣ 1857 года, по порученію Академіи Наукъ и помѣщена въ Ученыхъ Запискахъ за 1858 годъ. Записка эта отличалась обстоятельнымъ содержаніемъ и представляла не столько біографію преосвящ. Иннокентія, сколько характеристику его личности, какъ профессора, администратора, ученаго и проповѣдника. Съ особенною любовью и энергіею преосвящ. Макарій отдавался проповѣдническому дѣлу. Отъ времени двухлѣтняго управленія Тамбовскою епархіею сохранилось 56 проповѣдей преосвящ. Макарія, которыя были потомъ отпечатаны въ двухъ томахъ. Въ дѣйствительности проповѣдей было сказано гораздо болѣе, такъ какъ преосвящ. Макарій по собственному свѣдѣтельству говорилъ проповѣди

вѣди въ Тамбовѣ почти неопустительно при всякомъ священнослуженіи. Хотя всѣ проповѣди его приспособлялись къ частнымъ обстоятельствамъ и имѣли соотвѣтствующее имъ содержаніе, тѣмъ не менѣе большинство ихъ имѣло общій характеръ религіозно-нравственныхъ назиданій, или характеръ религіозно-аскетическій, когда произносились въ монастыряхъ и обращены были къ монахамъ и монахинямъ. Особенно же выдѣляются по своему содержанію три проповѣди Преосвящ. Макарія, которыя были обращены къ тамбовскимъ дворянамъ—высшимъ образованнымъ представителямъ паствы, по поводу выдающихся современныхъ событій. Онѣ были произнесены: а) предъ дворянскими выборами, б) при открытіи Комитета для устройства быта помещичьихъ крестьянъ тамбовской губерніи и в) въ торжественный день 7 декаб. 1858 года. Эти проповѣди производили весьма сильное впечатлѣніе на слушателей и вызывали въ средѣ дворянъ большіе толки. Въ первой проповѣди, сказанной на текстъ: „*Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ, глаголетъ Господь*“ (Рим. XII, 10), говорится о важномъ значеніи присяги для того дѣла, для котораго собрались дворяне. Во второй проповѣди, при указаніи сущности крестьянской реформы, задуманной императоромъ Александромъ II и важности ея, выставляются на видъ тѣ условія, при которыхъ она можетъ быть совершена успѣшно. Наконецъ, въ третьей проповѣди, отличающейся обличительнымъ тономъ, который допускался преосвящ. Макаріемъ въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, рѣзко порицаются взяточничество и лихоимство. Въ заключеніе проповѣдникъ, исходя изъ текста: „*Боже, судъ Твой царице даждь и правду Твою сыну царице*“ (Псал. 211), побуждаетъ слушателей молиться „да искоренитъ Господь всю эту неправду, которая такъ давно, глубоко и широко пустила свои корни во всѣхъ слояхъ нашего суетнаго міра и возрасла на почвѣ русской въ огромнѣйшее дерево, покрывающее своими вѣтвями многія и многія темныя дѣла“.

Въ бытность тамбовскимъ епископомъ, преосвящ. Макарій исполнялъ начальственные порученія ученого характера. Такъ, Св. Синодъ поручалъ ему дать свои заключенія о достоинствахъ курсовыхъ сочиненій студентовъ Московской д. Академіи а) Михаила Красина на тему „па-



мятники церковнаго законодательства въ Россіи съ XIII в. до временъ митрополита Макарія“, б) Николая Малиновскаго „объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ“ и в) Александра Кикина „разборъ и опроверженіе ученія безпоповцевъ о совершеніи таинства покаянія мірянами“. Всѣ эти сочиненія признавались заслуживающими степени магистра, но съ видимымъ снисхожденіемъ, такъ какъ въ нихъ особенной оригинальности не замѣчалось.

Благотворная архипастырская дѣятельность преосвящ. Макарія вызывала къ нему общее уваженіе и признательность какъ со стороны духовенства, такъ и со стороны тамбовской паствы, которыя нерѣдко выражались съ особою опредѣленностію, публично. Такъ, въ Моршанскѣ губернаторъ отъ лица дворянства, купечества и вообще всей епархіи благодарилъ преосвящ. Макарія за полезную дѣятельность въ тамбовской епархіи, а особенно за его проповѣди, доступныя для всѣхъ; при этомъ просилъ его полюбить тамбовскую епархію и не покидать ея.

Но Св. Синодъ признавалъ тамбовскую епархію недостаточною для проявленія архипастырской дѣятельности преосвящ. Макарія во всей широтѣ.

Ему предстоялъ переводъ въ другую епархію, соответствовавшую его достоинствомъ въ большей степени. 18 апр. 1859 года послѣдовало перемѣщеніе преосвящ. Макарія въ Харьковъ на мѣсто архіепископа Филарета Гумилевскаго, переведеннаго въ Черниговъ.

#### IV.

Харьковскою епархіею преосвященный Макарій управлялъ около десяти лѣтъ (съ 1859 года 16 апр. до 1869 г. 10 дек.). Первое знакомство преосвящ. Макарія съ Харьковскою епархіею, послѣдовавшее послѣ ревизіи церквей, произвело на него отрадное впечатлѣніе, сравнительною благоустроенностію—по состоянію храмовъ не только городскихъ, но и сельскихъ, по достаточной образованности духовенства и значительной религіозности народа. Объ этомъ преосвящ. Макарій заявлялъ Св. Синоду въ своемъ отчетѣ за 1859 годъ. Но замѣчались и темныя стороны въ Харьковскомъ епархіальномъ управленіи, требовавшія исправленія.

Особенно требовало улучшеній канцелярское дѣлопроизводство въ Харьковской духовной консисторіи, которое велось крайне небрежно и видимо сопровождалось злоупотребленіями. Изъ дѣлъ, представлявшихся преосвящ. Макарію, было усмотрѣно уже въ 1859 году, что по бумагамъ, сдававшимся въ Консисторію, не означалось времени ихъ сдачи преосвященнымъ въ Консисторію, не ставились числа, въ которыхъ онѣ исходили изъ Консисторіи, не означалось время, когда онѣ подавались секретаремъ для подписи членовъ Консисторіи, не объяснялось, почему онѣ иногда не подписывались нѣкоторыми членами Консисторіи и т. д. Преосвященный, заботясь объ исправленіи недостатковъ въ дѣлопроизводствѣ, призналъ необходимымъ побудить секретаря Консисторіи и двухъ столоначальниковъ къ увольненію отъ должностей. Но и при новомъ секретарѣ, избранномъ изъ среды преподавателей Харьковской семинаріи Н. В. П., канцелярское дѣлопроизводство не улучшилось. Рѣшеніе многихъ дѣлъ до крайности затягивалось и слѣдовало гораздо дольше положеннаго срока. Отъ этого накоплялось по разнымъ отдѣленіямъ большое количество дѣлъ нерѣшенныхъ. Нерѣдко въ дѣлопроизводствѣ замѣчались разныя частныя уклоненія отъ требованій закона. Преосвящ. Макарій вынужденъ былъ опять прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ, дѣлая неоднократно строгія замѣчанія секретарю, чиновникамъ и членамъ Консисторіи, а потомъ побудилъ второго секретаря къ увольненію отъ должности. И только при третьемъ секретарѣ Я. Д. Буханцевѣ, изъ преподавателей Воронежской духовной семинаріи, были достигнуты въ веденіи консисторскаго дѣлопроизводства желанныя результаты, 25 сентября 1863 г. оберъ-прокуроръ Св. Синода князь Урусовъ сообщилъ преосвящ. Макарію, что въ вѣдомостяхъ о дѣлопроизводствѣ по Харьковской дух. Консисторіи за три мѣсяца не оказалось ни одной бумаги неисполненной. Такіе результаты утѣшили Преосвящ. Макарія, почему онъ призналъ необходимымъ выразить свою признательность какъ новому секретарю Буханцеву, такъ и чиновникамъ Консисторіи. Можно предполагать, что съ 1863 г. дѣлопроизводство въ Харьковской духовной Консисторіи шло исправно, такъ какъ со стороны преосвящ.

Макарія не дѣлалось какихъ-нибудь указаній на значительныя опущенія, или злоупотребленія въ дѣлопроизводствѣ.

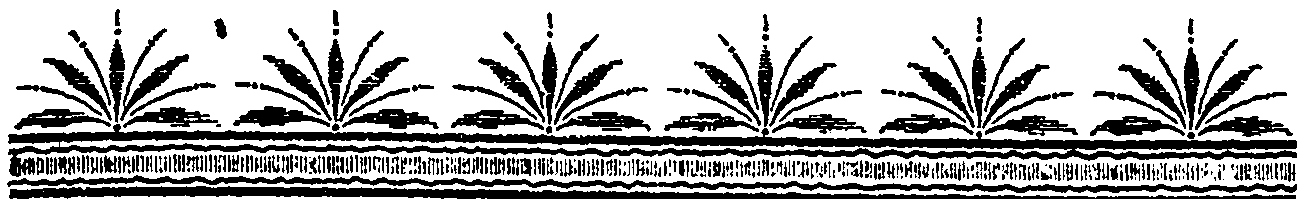
Какъ ни строгъ былъ преосвящ. Макарій въ отношеніи къ чиновникамъ духовной Консисторіи, тѣмъ не менѣе онъ принималъ живое участіе въ возможномъ облегченіи ихъ трудовъ по сложному канцелярскому дѣлопроизводству, насколько это касалось излишней переписки по нѣкоторымъ дѣламъ съ учрежденіями свѣтскими, а вмѣстѣ заботился объ улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія, крайне скуднаго, вполне сознавая, что бѣдность могла побуждать и къ злоупотребленіямъ.

Ежегодно преосвящ. Макарій дѣлалъ распоряженія о выдачѣ наградныхъ денегъ чиновникамъ Консисторіи, бѣднѣйшимъ изъ нихъ предоставлялъ казенныя помѣщенія и, въ случаѣ несчастій съ кѣмъ-либо изъ нихъ, старался оказывать имъ и ихъ семействамъ посильную помощь. Преосвящ. Макарій побуждалъ епархіальное духовенство къ изысканію источниковъ для возможно лучшаго обезпеченія консисторскихъ чиновниковъ, а равно и для вознагражденія членовъ духовной консисторіи, трудившихся бесплатно, постояннымъ опредѣленнымъ жалованьемъ; по его заботы не увѣнчались успѣхомъ, по недостатку мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ.

*Ал. Вертеловскій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).





## В. А. Жуковскій и его религіозныя воззрѣнія.

И въ обществѣ, и въ печати не рѣдко можно встрѣтить сѣтованія на безрелигіозность нашей интеллигенціи. Далекое не всегда эти жалобы надлежащимъ образомъ обосновываются, и безрелигіозность интеллигенціи очень часто признается фактомъ, не требующимъ доказательствъ. Безспорно, что наша интеллигенція въ значительной части своей весьма равнодушна къ жизни церкви и отрицательно относится къ вопросамъ вѣры. Но отсюда, еще нельзя дѣлать широкаго обобщенія и утверждать, что наша интеллигенція вообще, въ ея массѣ, вся безрелигіозна. Что это не совсѣмъ такъ, что наша интеллигенція не поголовно безрелигіозна доказываетъ тотъ фактъ, что многіе наши писатели—этотъ цвѣтъ интеллигенціи, ея духовные вожди и властители думъ—обнаруживали глубокой интересъ къ вопросамъ религіи. У однихъ изъ нихъ религіозная настроенность проявлялась, какъ порывъ, сопровождавшій поэтическое творчество и выливавшійся въ такіе, на примѣръ, перлы поэзіи, какъ ода „Богъ“ Державина, „Пророкъ“ Пушкина, „Ангелъ“ и „Молитва“ Лермонтова. У другихъ же религіозныя взгляды проникаютъ и идейно освѣщаютъ цѣлыя группы произведеній, которыя даютъ достаточный матеріалъ для того, чтобы систематизировать религіозное міросозерцаніе этихъ писателей. Таковы—Жуковскій, Гоголь, Достоевскій и Л. Толстой. И въ духовной и въ свѣтской печати послѣдняго времени замѣчается нѣкоторый интересъ къ изученію религіозныхъ исканій нашихъ писателей, и въ настоящее время можно отмѣтить уже нѣсколько работъ о религіи, на примѣръ, Гоголя, Л. Толстого и нѣкоторыхъ другихъ писателей.

Мы надѣемся, что и нашъ очеркъ религіозныхъ воззрѣній В. А. Жуковскаго не будетъ лишнимъ въ ряду другихъ работъ о религіозныхъ настроеніяхъ и взглядахъ нашихъ писателей. Религіозныя воззрѣнія Жуковскаго проникаютъ, можно сказать, всѣ его сочиненія, особенно же прозаическія. Но они здѣсь не объединены и далеки отъ того, чтобы представить изъ себя стройную систему. Мы постараемся представить ихъ въ нѣкоторой системѣ; затѣмъ; сдѣлаемъ ихъ краткую оцѣнку и, наконецъ, выяснимъ ту почву, на которой зародилось и развилось религіозное міросозерцаніе Жуковскаго.

## I.

Органомъ религіозной вѣры, по Жуковскому, является духъ человѣческой. Человѣкъ—трехсоставное существо; въ немъ: духъ, душа и тѣло. Высшая изъ этихъ областей—духъ, низшая—тѣло, а средняя между ними—душа. Между этими сторонами человѣческой личности происходитъ извѣстное взаимодействіе. Такъ, на примѣръ, процессъ мышленія—общъ для души и тѣла, но съ перевѣсомъ для души; въ процессъ воли участвуютъ духъ и душа, съ перевѣсомъ для души; процессъ творчества есть процессъ, взаимный для души и духа, но уже съ перевѣсомъ для духа; „въ процессъ же вѣры,—говоритъ Жуковскій,—первенствуетъ одинъ духъ, весь перевѣсъ на его сторонѣ, другіе элементы покорствуютъ“. <sup>1)</sup> Такую градацію устанавливаетъ Жуковскій по отношенію къ душевной жизни человѣка при восхожденіи ея отъ обычныхъ психологическихъ процессовъ къ процессу религіозной вѣры. Конечно, нельзя съ точностью указать, когда и въ какихъ отношеніяхъ находятся душа и духъ человѣка. Можно согласиться съ Жуковскимъ, что духъ—единственная область для религіозной вѣры, имѣющей дѣло съ Существомъ абсолютнымъ, и для идеаловъ истины, добра и красоты, имѣющихъ тоже абсолютный характеръ.

Религіозная вѣра, по мысли Жуковскаго, имѣетъ двѣ стороны: внѣшнюю и внутреннюю. Внѣшняя сторона религіозной вѣры это—признаніе извѣстной религіозной истины безъ ея доказательствъ, на основаніи только овидѣтельства

<sup>1)</sup> Сочиненія Жуковскаго, т. 11, стр. 45. Изд. 5-е.

Откровенія. Внутренняя сторона вѣры это—совершенное покореніе себя Богу, давшему Откровеніе. Истинная религіозная вѣра должна быть вѣрой во Христа, какъ открывшаго намъ Бога. „Но вѣра сія,—поясняетъ Жуковскій,—не одно признаніе Спасителя, она въ то же время и преданіе себя Спасителю, или смиреніе разсудка и воли и ихъ уничтоженіе предъ высшимъ разумомъ и высшею волею.“<sup>1)</sup> И это преданіе себя въ волю Божію необходимо: оно низводитъ на человѣка Божественную помощь, безъ которой человѣкъ не можетъ совершать добра. И только такая вѣра есть вѣра истинная, т.—е. вѣра живая, сопровождаемая добрыми дѣлами и низводящая Божественную благодать.

Описанная религіозная вѣра не есть результатъ очевидности: гдѣ очевидность, тамъ уже не вѣра, а необходимое принятіе разума, подъ дѣйствіемъ той или другой неоспоримой аксіомы; что, напримѣръ, часть меньше цѣлаго, это познается безъ вѣры, путемъ точнаго наблюденія; это—аксіома. Итакъ, религіозная вѣра не есть результатъ необходимой очевидности, она есть свободный актъ; „вѣра,—говоритъ Жуковскій,—есть свободное покореніе ума и воли Откровенію.“<sup>2)</sup> Эта вѣра въ Бога не должна быть механической и формальной; „она,—какъ выражается Жуковскій,—не есть плата Богу по таксѣ, не есть обмѣнъ нашего смиренія на Его милость; она есть смиренная, любящая, покоряющая умъ и волю вѣра.“<sup>3)</sup> Такова характеристика религіозной вѣры у Жуковскаго.

Но для такой вѣры не достаточно только человѣческаго участія, а нужно и Божественное содѣйствіе. „Вѣра,—пишетъ Жуковскій,—есть свободный актъ воли; но въ то же время никакая человѣческая воля, безъ содѣйствія воли высшей, не можетъ ввести въ душу вѣру, сколько бы душа того ни желала.“<sup>4)</sup> Воля человѣка только „открываетъ или запираетъ душу отъ вѣры“,<sup>5)</sup> начинъ же религіозной вѣры у человѣка отъ Бога.

<sup>1)</sup> Сочиненія Жуковскаго, т. 11, стр. 49. Изд. 5.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 51.

<sup>3)</sup> Томъ 11, стр. 14.

<sup>4)</sup> Тамъ же, стр. 53.

<sup>5)</sup> Тамъ же.

Итакъ, религіозная вѣра, по Жуковскому, есть не одно только свободное принятіе откровенной истины, но и совершенное преданіе себя въ волю Божию. Она—результатъ не одного только свободного произволенія человѣка, но преимуществу—дѣло Божественнаго содѣйствія. И такая религіозная вѣра заключаетъ въ себѣ великія блага: она не допускаетъ распущеннаго эпикуреизма въ пользованіи благами земной жизни; она исключаетъ тотъ неумолимый рокъ стоиковъ, который дѣлаетъ жизнь такую слѣпой и неразумной шуткой; эта вѣра избавляетъ насъ отъ самоубійства, какъ естественнаго и необходимаго выхода изъ трудныхъ обстоятельствъ жизни, которыя суть слѣдствіе неумолимаго рока, по ученію стоиковъ. Эта религіозная вѣра имѣетъ еще то великое значеніе, что она освящаетъ наши мірскія блага, внушая намъ ту мысль, что земныя блага отъ Бога, что они суть дары Божіи, но только низшіе по сравненію съ духовными дарами. Такимъ образомъ, земное счастье—„прекрасно и драгоцѣнно только Богомъ, его дающимъ.“<sup>1)</sup>

Религіозная вѣра есть достояніе всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ. Какъ таковая, она непререкаемо свидѣтельствуешь о томъ, что Богъ существуетъ. О существованіи Бога говорить намъ и видимая природа. Всякій непредубѣжденный человѣкъ, при внимательномъ созерцаніи природы, открываетъ въ ней слѣды Божества; въ особенности же поэтъ, отзывчивый къ явленіямъ природы и чуткій къ ихъ внутреннему смыслу. Всѣ явленія природы вѣщаютъ о Богѣ; вѣщаетъ о Немъ и лѣтній вечеръ. Вотъ поэтъ лѣтнимъ вечеромъ стоитъ у пруда, и что же онъ видитъ?

Семья молодыхъ березъ недвижимо стоитъ.

Надъ усыпленной водою.

Вхожу съ волненіемъ подъ ихъ священный кровъ;

Мой слухъ въ сей тишинѣ привѣтный голосъ слышитъ.

Какъ бы зѣрное тамъ вѣетъ межъ листовъ,

Какъ бы невидимое дышитъ...

*Душа незримая подымлетъ голосъ свой*

*Съ моей безсодоватъ душою.*<sup>2)</sup>

Такое созерцаніе въ природѣ Бога и высшаго духовнаго міра подымаетъ духъ поэта надъ этимъ земнымъ міромъ:

<sup>1)</sup> Т. 11, стр. 16.

<sup>2)</sup> Т. 2, стр. 227—228. (Изд. 5-е).

Какъ будто міръ земной въ ничто преобразился;  
 Какъ будто та страна знакомѣй стала ей (душѣ), <sup>1)</sup>  
 дополняетъ Жуковскій. Съ другой стороны, это ощущение  
 Бога въ природѣ возбуждаетъ въ поэтѣ высшія надежды:  
 И все, что жизнь сулитъ, и все, чего въ ней нѣтъ,  
 Съ надеждой къ сердцу прилетаетъ. <sup>2)</sup>

Итакъ, природа отражаетъ въ извѣстной степени величіе  
 Божества. Но человѣческой умъ, какъ бы онъ ни былъ ве-  
 ликъ, не сможетъ вскрыть весь тотъ смыслъ, которымъ про-  
 никнуты явленія природы; не можетъ умъ человѣка, на осно-  
 ваніи только явленій видимаго міра, составить яснаго понятія  
 о природѣ Божества съ Его свойствами, потому что—

Что нашъ языкъ предъ дивною природой?..

Она разсыпала повсюду красоту...

Но гдѣ, какая мысль ее изобразила?

Едва, едва одну ея черту

Съ усиленіемъ поймать удастся вдохновенью... <sup>3)</sup>

Эти пробѣлы естественнаго человѣческаго богопознанія  
 восполняются Божественнымъ Откровеніемъ. Откровеніе даетъ  
 человѣку болѣе полное познаніе природы Божества и Его  
 свойствъ. Да и вообще, только Откровеніе является источ-  
 никомъ высшаго знанія; только оно разрѣшило всѣ карди-  
 нальные вопросы бытія и жизни; только оно ясно опредѣлило  
 природу человѣка, какъ существа разумно—свободнаго, род-  
 ственнаго по своей природѣ Божеству; только Божественное  
 Откровеніе выяснило надлежащимъ образомъ отношенія Бога  
 къ человѣку и человѣка къ Богу; только оно опредѣлило  
 высшую цѣль человѣческой жизни; наконецъ, только Боже-  
 ственное Откровеніе удовлетворительно отвѣтило на запросы  
 ума человѣческаго о судьбѣ человѣка послѣ его смерти.

Но люди, несмотря на рѣшительный голосъ Откровенія,  
 не удовлетворяются имъ и стараются своимъ собственнымъ  
 маленькимъ умомъ доказать бытіе Бога. Ихъ попытки, не  
 руководствуемая Откровеніемъ, оказываются неудовлетвори-  
 тельными, потому что Богъ необъятенъ, а человѣческой ра-  
 зумъ ограниченъ, поэтому доказательства бытія Божія че-  
 ловѣческимъ разумомъ только искажаютъ истинное понятіе

<sup>1)</sup> Тамъ же.

<sup>2)</sup> Т. 2, стр. 228.

<sup>3)</sup> Т. 2, стр. 42. (Изд. 6).



о Богѣ. Эти доказательства неубѣдительны и возбуждаютъ возраженія. Наконецъ, человѣкъ вѣритъ въ Бога вовсе не потому, что бытіе Божіе ему доказано. Если бы было такъ, то человѣчество не имѣло бы вѣры въ Бога, потому что умозрительныя доказательства бытія Божія неубѣдительны; притомъ, не все же человѣчество и не всегда имѣло настолько развитое мышленіе, чтобы вѣровать въ Бога только въ силу доказательствъ отъ человѣческаго разума. Человѣку врождена идея Бога, потому онъ и вѣритъ въ Бога. Грѣхъ паденіе затемнило эту идею Божества, но Откровеніе прояснило ее, и вотъ теперь люди стараются доказать то, что, по выраженію Жуковскаго, „божественно поселено Откровеніемъ, и что свободно принято вѣрою.“<sup>1)</sup> Причина невѣрія, по Жуковскому, въ значительной степени и заключается именно въ горделивомъ умствованіи. Ученымъ представляется возможность опознать только часть вселенной, а они претендуютъ на знаніе всей вселенной и, зная только часть вселенной, думаютъ, что знаютъ всю вселенную. Отсюда ошибки, отсюда полная возможность впасть въ безвѣріе, потому что ложная самомнительность ученыхъ мѣшаетъ имъ сказать: „да будетъ воля Твоя!“

Признаніе бытія Божія это—основа религіознаго міровоззрѣнія. Какъ же представляетъ Бога Жуковскій? Богъ есть существо личное, самосознающее и безграничное. Онъ троиченъ: Отецъ, Сынъ и Духъ Святой. Это Богъ христіанскій. Онъ не есть „метафизическій богъ пантеизма, безжизненная идея, но Богъ живой, тройственный, лицо самобытное, постоянно, непрерывно, сознательно дѣйствующій какъ на каждую пылинку созданія своего отдѣльно, такъ и на все созданіе свое въ совокупности.“<sup>2)</sup> Христіанскій Богъ есть положительная истина, добро и красота. Отсюда истина, добро и красота въ человѣкѣ имѣютъ свое основаніе въ Богѣ. Отсюда и жизнь человѣческая двояка: естественная и высшая. Въ естественной жизни центромъ является самъ человѣкъ, а въ высшей—Богъ. Въ первой человѣкъ господствуетъ своимъ умомъ и волею, во второй—смирненно покоряетъ свой умъ и волю Богу.

<sup>1)</sup> Т. 11, стр. 73. (Изд. 5.).

<sup>2)</sup> Т. 11, стр. 133.

Таковъ христіанскій Богъ по Своей природѣ. По своимъ отношеніямъ къ людямъ Богъ являетъ себя то существомъ грознымъ, карающимъ неправду людскую, то существомъ добрымъ:

Съ хвалою первой къ Богу силъ,  
Друзья, подыдемъ длани!  
Онъ здѣсь, въ Кремлѣ, Себя явилъ  
Ужаснымъ Богомъ брани,—<sup>1)</sup>

воскликаетъ поэтъ.

Но не однимъ только грознымъ карателемъ людской неправды являетъ Себя Богъ въ отношеніи къ людямъ,— нѣтъ, Онъ любитъ человѣка, Онъ—существо благое. Богъ благъ, поэтому и все сотворенное Имъ—„добро зѣло.“ Хорошо оно и прекрасно не потому, что мы признаемъ его такимъ, но именно потому, что все сотворено Богомъ, какъ существомъ благимъ.

Будучи творцомъ вселенной, Богъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, является и искупителемъ падшаго человѣчества. Восхваляя невинныхъ юношей, которые

Отъ бурныхъ спасены страстей,  
Жуковскій далѣе спрашиваетъ съ глубокимъ благоговѣніемъ:  
Что уподобимъ торжеству,  
Которымъ чудо искупленья  
Они (юноши) въ восторгѣ вѣры чтутъ? <sup>2)</sup>

И искупленіе рода человѣческаго было необходимо. Нужду въ немъ, прежде всего, сознавали философскія религіи: онѣ пришли къ сознанию необходимости явленія Бога на землю, чтобы водворить порядокъ на землѣ, котораго не было. И идолопоклонническія религіи также ждали явленія Бога на землю въ человѣческомъ тѣлѣ; они желали, чтобы это воплощенное Божество было одно съ человѣкомъ, знавало его нужды, сострадало бы человѣку и любило его. И вотъ искупленіе, пришло и соединило человѣчество съ Божествомъ.

Будучи искупителемъ, Богъ является и промыслителемъ рода человѣческаго. Описывая тяжелое положеніе сиротки, Жуковскій говоритъ:

<sup>1)</sup> Т. 2, стр. 185.

<sup>2)</sup> Т. 2, стр. 45.

Едва она узрѣла свѣтъ,  
 Ужъ ей печаль знакома стала;  
 Веселье—спутникъ дѣтскихъ лѣтъ,—  
 А ей судьба въ немъ отказала.

Но,—аамѣчаетъ далѣе Жуковскій,—„провидѣніе хранило младенца тайною рукой.“<sup>1)</sup>

Такъ-же прекрасно изображаетъ Жуковскій поддержку человѣка Провидѣніемъ и въ стихотвореніи „Пловецъ.“ Вотъ пловецъ попалъ въ океанъ со своимъ челномъ „безъ кормила и весла.“ Онъ пришелъ въ ужасъ, при видѣ мрака, волнъ и опасныхъ скалъ, и началъ роптать. Но въ это-то время Провидѣніе и сдѣлалось тайнымъ его кормицикомъ:

Невидимою рукою,  
 Сквозь ревушіе валы..  
 И грозящія скалы  
 Мощный вель его хранитель.<sup>2)</sup>

Божественный Промыслъ непостижимымъ для насъ образомъ безопасно ведетъ насъ къ добру:

О Промыслъ, спутникъ невидимый!..  
 Сколь часто путь непостижимый  
 Къ спасенію набираешь ты!..  
 О ты, святое Провидѣнье!  
 Сколь намъ твой безопасенъ слѣдъ!..  
 Ведешь къ добру стезею бѣдъ.<sup>3)</sup>

Жуковскій не замалчиваетъ такихъ явленій, которыя, повидимому, исключаютъ благой Промыслъ. Такъ, Промыслъ предполагаетъ цѣлесообразность міровыхъ явленій, а между тѣмъ въ жизни иногда происходятъ событія, на нашъ взглядъ, нецѣлесообразныя. Жуковскій рассказываетъ объ одномъ фактѣ, прочитанномъ имъ въ французскомъ журналѣ, какъ крестьянскій мальчикъ упалъ съ воза еѣна внизъ на вилы и распоролъ себѣ животъ. Онъ долженъ былъ умереть. Какой же смыслъ въ этомъ событіи?—спрашиваетъ Жуковскій. Для кого это полезно? Можно ли въ этомъ событіи усмотрѣть благодѣющій Промыслъ? Повидимому, нѣтъ. Но нужно признать, что и здѣсь проявился Промыслъ Божій, потому что все отъ Бога, Который обо всемъ промышляетъ.

<sup>1)</sup> Т. 2, стр. 31.

<sup>2)</sup> Т. 2, стр. 37.

<sup>3)</sup> Томъ 2, стр. 32.

„Мы должны,—пишет Жуковский,— не по событіямъ судить Промыслъ Божій, а событія по Промыслу Божію“ <sup>1)</sup>.—Или, напримѣръ, въ мірѣ, какъ намъ кажется, много случайнаго. Какъ же, спрашивается, примирить Промыслъ со случаемъ? На этотъ вопросъ Жуковский отвѣчаетъ, что случая нѣтъ. То, что происходитъ съ нами какъ радостное или горестное, и что иногда кажется намъ случаемъ, это—тотъ же Промыслъ, только въ другой формѣ, непонятной для насъ. „У одного умнаго человѣка,—замѣчаетъ Жуковский,—спросили: что такое случай? Онъ отвѣтилъ: инкогнито Провидѣнія“ <sup>2)</sup>. — Еще возраженіе противъ Промысла: человѣку приходится много страдать, испытывать много несчастій. Не исключаетъ ли это благой Промыслъ? Не исключаетъ, такъ какъ страданія и несчастія, по Жуковскому, имѣютъ благоую цѣль, потому что они отъ Бога, а Богъ благъ. Посылаемая отъ Бога, несчастія необходимы въ духовной жизни человѣка, поэтому христіанинъ долженъ благодушно переносить ихъ. Впрочемъ, несчастія оказываютъ неодинаковое дѣйствіе на людей, въ зависимости отъ той или другой крѣпости ихъ духа. Великіе духомъ извлекаютъ пользу изъ несчастій, а люди малодушные претыкаются о несчастія и падаютъ. Несчастія, по картинному выраженію Жуковскаго, подобны великану съ прекраснымъ лицомъ и свинцовыми ногами. Кто высокъ, тотъ увидитъ прекрасное лицо великана и самъ озарится этимъ лицомъ. А кто низокъ, тотъ увидитъ только свинцовыя ноги великана, попадетъ подъ нихъ и будетъ раздавленъ. Подобно этому и человѣкъ съ великой душой увидитъ въ несчастіяхъ благодѣющій Промыслъ, тогда какъ слабодушные не замѣтятъ его. „Горе имѣющему слабый слухъ,—пишетъ Жуковский:—оглушенный громозвучностью голоса, онъ не разслушаетъ вѣсти великой“ <sup>3)</sup>. —Наконецъ, смерть является, повидимому, верхомъ всѣхъ золъ въ человѣческой жизни. Но и она заключаетъ въ себѣ великое благо. Она—благо для умершихъ, потому что умершіе перешли въ міръ, не ограниченный пространственными и временными отношеніями. Умершіе въ загробномъ мірѣ могутъ свободно предаваться своимъ хорошимъ ду-

<sup>1)</sup> Томъ 11, стр. 33.

<sup>2)</sup> Томъ 11, стр. 66.

<sup>3)</sup> Томъ 11, стр. 65.

мамъ, воспоминаніямъ и чувству любви. Явленіе смерти— благо и для живыхъ, но такихъ, которые имѣютъ основаніемъ своей жизни христіанское исповѣданіе. Смерть близкихъ не приводитъ такихъ людей въ отчаяніе, потому что они признаютъ въ смерти переходъ къ лучшей жизни. Притомъ же, въ жизни человѣческой, кромѣ горя и невзгодъ, много и такого, что мы можемъ назвать истиннымъ счастьемъ. Въ чемъ же это счастье? По этому вопросу люди часто заблуждаются. Многіе видятъ счастье въ роскоши, славѣ и чувственныхъ удовольствіяхъ. Но это счастье призрачно: оно изнуряетъ сердце, срываетъ цвѣтъ жизни; отъ этого счастья душа увядаетъ, и въ сердцѣ человѣка надежда смѣняется скукой. Это Жуковскій прекрасно выразилъ въ своемъ стихотвореніи „Теонъ и Эсхинъ“. Истинное счастье заключается не въ богатствѣ и славѣ, а въ честномъ трудѣ. Истинное счастье не въ вакхическомъ и эротическомъ веселіи, но въ духовной любви, въ созерцаніи красоты и въ возвышенныхъ идеалахъ:

Сердца нетлѣнныя блага: любовь

И сладость возвышенныхъ мыслей.

Вотъ счастье; о другъ мой, оно—не мечта...

Любовью моя освятилась душа,

И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала <sup>1)</sup>.

Итакъ, истинное счастье заключается въ духовной любви и идеалахъ. Да это и естественно. Человѣческая душа имѣетъ Божественное происхожденіе, и ея природа запечатлѣна идеалами истины, добра и красоты. Къ сожалѣнію, круговоротъ обыденной жизни часто сглаживаетъ эти идеалы. Но зато бываютъ и такіе моменты, когда человѣкъ отрывается отъ житейской суеты; позабытые имъ идеалы снова всплываютъ въ его душѣ, и тогда человѣкъ начинаетъ вѣрить, что истина, добро и красота, часто забываемыя здѣсь, на землѣ, найдутъ свое полное осуществленіе въ будущей жизни.

И нѣтъ выше счастья, какъ находится въ общеніи съ Богомъ.

Что же представляетъ изъ себя это общеніе съ Богомъ съ психологической стороны?

<sup>1)</sup> Томъ 2, стр. 58.

Это—не чувство, не мысль только, это—душа въ ея полномъ и чистомъ бытіи. Впрочемъ, это общеніе съ Богомъ не исключаетъ общенія съ міромъ, только набожный человекъ осмысливаетъ окружающій міръ съ точки зрѣнія Божества. Но это общеніе съ Богомъ до погруженія въ Него испытываютъ только особенныя натуры, обладающія особеннымъ Божественнымъ даромъ. Другіе люди такое общеніе испытываютъ только по временамъ и то въ слабой степени. Почему однимъ дается отъ природы этотъ даръ полного общенія съ Богомъ, другимъ—нѣтъ,—это зависитъ отъ воли Божіей, и не наше дѣло знать это: „нашъ главный долгъ,—говоритъ Жуковскій,—и въ то же время наше главное благо—покорность“<sup>1)</sup>.—Общеніе съ Богомъ достигается подчиненіемъ своей воли волѣ Божіей, чистотою сердца и внутренней духовной сосредоточенностью, когда человекъ копить добро въ своей душѣ, т.-е. беретъ изъ внѣшняго міра только лучшее и благородное, оставляя все, не соответствующее духовной чистотѣ. Дальнѣйшимъ средствомъ общенія съ Богомъ служитъ молитва. Но молитва въ данномъ случаѣ благотворна только тогда, когда человекъ изливаетъ въ ней свою душу; когда человекъ молится съ искренней вѣрой въ Бога и смиренно предаетъ себя Богу. Вообще же, общеніе съ Богомъ достигается не сразу; тѣ, которые отъ природы склонны къ этому общенію, рано вступаютъ въ общеніе съ Богомъ; другіе не надѣлены этимъ даромъ отъ природы, поэтому они сподобляются вступить въ полное общеніе съ Богомъ только послѣ продолжительнаго духовнаго труда и при содѣйствіи Божественной благодати. При чемъ, общеніе съ Богомъ различается у первыхъ и вторыхъ людей: первые созерцаютъ Бога, тогда какъ вторые только знаютъ Его и покоряются Ему. „Все земное сокровище послѣднихъ,—по выраженію Жуковскаго,—состоитъ въ словѣ: есть Богъ, знаю и покоряюсь“<sup>2)</sup>.—Возможность полного общенія съ Божествомъ дарована Христомъ; безъ Христа мы не могли бы вполне соединиться со всемогущимъ Богомъ. Христосъ сдѣлался нашимъ посредникомъ, потому что въ Немъ,—по словамъ Жуковскаго,—„все земное, прекрасное, драгоценное, чистое слилось

<sup>1)</sup> Томъ 11, стр. 24.

<sup>2)</sup> Томъ 11, стр. 23.

и Божественно преобразилось, дабы недоступный, непостижимый, неизглаголаный Богъ вселенныя сдѣлался яснымъ предметомъ любви и собесѣдникомъ всякой души человеческой отдѣльно“<sup>1)</sup>.—Плодомъ общенія съ Богомъ является то, что человекъ достигаетъ внутренняго спокойствія въ жизни при всѣхъ ея неурядицахъ; онъ становится подобнымъ больному, у постели котораго сидитъ любимый другъ. Больной тогда спокойно и безропотно переноситъ свою болѣзнь.

Въ основу нравственности Жуковскій полагаетъ христіанскую любовь къ Богу и ближнимъ, подобную любви къ самому себѣ. Любовь къ Божеству вообще должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ и любовью къ Богу, открывшему Себя въ Христѣ. Такъ какъ мы живемъ въ связи съ тѣломъ, и познаемъ все при посредствѣ внѣшнихъ образовъ, то поэтому мы и нуждаемся въ Богѣ видимомъ. Любовь къ Богу выражается въ исполненіи воли Божіей. Мы должны повиноваться Богу, зная, что все устрояется по Его Промыслу къ лучшему, ко благу. „Мы,—говоритъ Жуковскій,—сами никакого добра себѣ дать и никакого добра творить не можемъ: всякое добро намъ дается; но быть покорнымъ Богу, Творцу, источнику и подателю добра, во всякое время,—намъ возможно, это—единственное наше. Въ этомъ добровольномъ повиновеніи заключается все человѣческое достоинство и вся его свобода“<sup>2)</sup>.—Но любовь къ Богу не исключаетъ любви къ міру, потому что міръ—твореніе Божіе и въ Немъ отражаются свойства Божіи. „Мы,—замѣчаетъ Жуковскій,—любимъ Бога въ нашей любви къ созданіямъ Божіимъ, въ любви къ добру, въ любви къ природѣ. Сія любовь, обращающаяся на созданіе, есть, такъ сказать, видимый образъ нашей любви къ Создателю“<sup>3)</sup>. Только любовь къ міру должна подчиняться любви къ Богу.—Любовь къ Богу должна сопровождаться любовью къ ближнимъ. Эта любовь должна выражаться въ заботѣ о ближнихъ, въ оказаніи имъ нужной помощи; она заключается въ незлобіи и всепрощеніи даже ко врагамъ. Такъ послѣ русско-французской войны 12-го года Жуковскій писалъ: „Гнѣвъ Божій поразилъ ихъ. Не уподобимся имъ. Забудемъ дѣла ихъ; понесемъ къ нимъ

<sup>1)</sup> Томъ II, стр. 25.

<sup>2)</sup> Томъ II, стр. 34.

<sup>3)</sup> Томъ II, стр. 27.

не мечь и злобу, но дружелюбіе и простертую для примиренія руку“<sup>1)</sup>.—Забота о ближнихъ не исключаетъ заботы о самомъ себѣ, только иногда полезнѣе бываетъ благо ближняго предпочесть своему благу. А въ концѣ концовъ, и любовь къ ближнимъ, и любовь къ самому себѣ должны подчиняться любви къ Богу.

Къ главнымъ добродѣтелямъ христіанина относится также надежда на Бога.

Жизнь человѣческая *на землѣ* оканчивается смертію. Но со смертію не оканчивается жизнь человѣка *вообще*: человѣкъ и по смерти будетъ жить, только другою жизнію другого міра—загробнаго. Въ письмѣ къ одному близкому человѣку Жуковскій напоминаетъ ему друзей юности и говоритъ, что они умерли: одинъ умеръ еще молодымъ, и „онъ сѣтовалъ, навѣки теряя свѣтъ“; другой умеръ старикомъ, и онъ не ропталъ, но

Мыслию, безмолвный предъ судьбой,

Взывалъ къ Творцу: да пройдетъ чаша мимо!

Она прошла...

Умирающій переселился въ другой міръ.

И далѣе Жуковскій замѣчаетъ, что

И мы въ сей край незримый

Летимъ душой за милыми во слѣдъ.

Умираетъ только тѣло, а духъ остается жить и будетъ жить вѣчно. Человѣкъ не можетъ примириться съ мыслию, что онъ умретъ навсегда. Человѣку все видимое напоминаетъ о безсмертіи: и храмъ, и садъ, и мавзолей. Не только внѣшній, но и внутренній міръ души человѣка говоритъ о будущей жизни. „Прекрасно только то, чего нѣтъ“,—сказалъ Руссо. Эти слова, по мнѣнію Жуковскаго, имѣютъ громадный смыслъ по отношенію къ идеѣ безсмертія: они указываютъ на то, что человѣкъ не удовлетворяется земными благами и красотой, а ищетъ высшаго, чего нѣтъ предъ глазами, но что существуетъ гдѣ-то далеко. Это обстоятельство доказываетъ безсмертіе души. Только въ будущей жизни душа человѣка найдетъ полное удовлетвореніе всѣхъ своихъ идеальныхъ стремленій. Тамъ человѣкъ дастъ отчетъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ въ земной жизни. Люди грѣшныя будутъ въ загробной жизни наказаны, а благочестивые

<sup>1)</sup> Томъ 11, стр. 46.



вознаграждены. Но награды будущаго міра, по мѣткому выраженію Жуковскаго, не суть „плата по таксѣ за каждое особенное дѣло; награда заключается въ самомъ состояніи души, въ глубокомъ внутреннемъ мірѣ ея“<sup>1)</sup>.

Въ основѣ религіознаго міровоззрѣнія, по Жуковскому, какъ было сказано, лежитъ признаніе бытія Божія. Но къ признанію бытія Бога ведетъ и умозрительная философія. Какое же отношеніе между христіанской и умозрительной философіей? По мнѣнію Жуковскаго, отношеніе между ними въ вопросѣ о бытіи Божіемъ таково: умозрительная философія исходитъ изъ ума и логическимъ путемъ доходитъ до Бога, тогда какъ христіанская философія исходитъ уже изъ готовой идеи Бога и отсюда выводитъ остальное міровоззрѣніе. Христіанская философія превосходитъ философію умозрительную: умозрительная философія отстоитъ далеко отъ жизни, христіанская же философія входитъ въ жизнь и сливается съ нею; затѣмъ, умозрительная философія только стремится къ истинѣ, не достигая ея вполнѣ, тогда какъ христіанская философія уже исходитъ изъ истины.

Въ концѣ концовъ, Жуковскій задается вопросомъ: возможно ли спастись безъ христіанства? На этотъ вопросъ поэтъ даетъ довольно осторожный отвѣтъ. Правда, говоритъ Жуковскій, можно совершать добрыя дѣла и безъ христіанской вѣры: дѣлаютъ добрыя дѣла и невѣрующіе, но желающіе вѣровать; добрыя дѣла совершаютъ и язычники, ложно вѣрующіе. Намъ не извѣстенъ судъ относительно тѣхъ и другихъ. Но мы,—замѣчаетъ Жуковскій,—„можемъ знать ясно, что изъ всѣхъ, творящихъ благое, самый ближайшій къ источнику блага, т. е. къ Богу, есть вѣрующій христіанинъ.“<sup>2)</sup>

Своимъ религіознымъ взглядомъ Жуковскій освѣщаетъ и другіе вопросы жизни, напримѣръ: вопросъ о воспитаніи, о поэзіи, объ отношеніи къ власти гражданской и казни.

Земная жизнь человѣка, по мысли поэта, есть приготовленіе къ жизни будущей, поэтому и воспитаніе должно готовить къ жизни небесной. Вотъ какова конечная цѣль воспитанія. Такова же, можно сказать, задача и поэта. Поэтъ своимъ духомъ проникаетъ въ тайны природы, улав-

<sup>1)</sup> Томъ 11, стр. 39.

<sup>2)</sup> Т. 11, стр. 50.

ливаеть заключающуюся здѣсь красоту и выражаетъ ее въ художественномъ словѣ. Но, не ограничиваясь чисто художественными цѣлями, поэтъ долженъ освѣщать свои произведенія идеей Бога; тогда его произведенія будутъ оказывать облагораживающее вліяніе на окружающихъ людей. Правда, поэтъ можетъ изображать и дурныя стороны жизни. Но при идеѣ Бога онѣ не загрязнятъ души. Жуковскій призываетъ поэта „быть могучимъ крыломъ, подъемлющимъ сердца на высоту, глаголомъ правды, лѣкарствомъ душъ, крушимыхъ безвѣріемъ, сторожемъ нетлѣнной завѣсы горняго міра.“<sup>1)</sup> Поэзія должна быть „Богомъ въ святыхъ мечтахъ земли.“— Тѣмъ же религіознымъ свѣтомъ освѣщаетъ Жуковскій и гражданскій вопросъ. Власть гражданская, по Жуковскому, поставляется Богомъ для водворенія правды и порядка на землѣ. Поэтому граждане должны исполнять государственные законы, направленные ко благу общества.—Казнь, по мнѣнію нашего поэта, есть выраженіе правосудія гражданского. Въ этомъ—ея значеніе; казнь для общества то же, что для отдѣльнаго человѣка совѣсть. Казнь показываетъ, какъ караются преступленія, и чрезъ это она удерживаетъ отъ преступленій другихъ людей. Жуковскій вооружается только противъ ненормальной обстановки казни: такъ, на казняхъ присутствуютъ толпы народа, который смотритъ на казнь, какъ на интересное зрѣлище. Поэтъ совѣтуетъ измѣнить взглядъ на казнь. Казнь не должна быть варварскимъ убійствомъ человѣка, какъ быка на бойнѣ: „сдѣлайте,—говоритъ Жуковскій,—чтобы казнь была не просто арифметическимъ вычитаніемъ одной цифры изъ общей суммы, не однимъ актомъ правосудія гражданского, но и актомъ любви христіанской.“<sup>2)</sup> Жуковскій даже совѣтуетъ наказуемъ казни совершать въ церквахъ общественное богослуженіе, чтобы помолиться Богу за преступника, умягчить его душу и привести ее къ покаянію.—Положимъ, что казнь очень трудно оправдать съ христіанской точки зрѣнія, какъ это старается сдѣлать Жуковскій; но для насъ важно то, что нашъ поэтъ и казнь пытается осмыслить христіанскою религіею.

<sup>1)</sup> Т. 11, стр. 22.

<sup>2)</sup> Т. 11, стр. 181.

## II.

Таковы религіозныя воззрѣнія Жуковскаго и такова ихъ связь съ различными вопросами жизни. Охарактеризуемъ теперь эти воззрѣнія.

Нужно вообще замѣтить, что біографы Жуковскаго мало и неопредѣленно говорятъ о его религіозномъ міросозерцаніи. Вотъ какъ, напр., Загоринъ представляетъ себѣ міровоззрѣніе Жуковскаго: „Напрасно,—говоритъ онъ,—станемъ мы объяснять міровоззрѣніе Жуковскаго какимъ—либо однимъ изъ теченій времени. То—не метафизика деизма, не мистика масоновъ и не чистое воззрѣніе Церкви; такъ же мало оптимистъ, какъ и пессимистъ, онъ не былъ выразителемъ ни эвдемонизма, ни аскетическаго самоумерщвленія.“<sup>1)</sup> Если, при оцѣнкѣ религіозныхъ воззрѣній Жуковскаго, ограничиться разсмотрѣніемъ однихъ его стихотворныхъ произведеній, то, пожалуй, трудно будетъ охарактеризовать его міровоззрѣніе однимъ какимъ—либо направленіемъ въ его чистомъ видѣ. Но если стихотворныя произведенія Жуковскаго поставить въ связь съ его прозой, то нужно будетъ съ несомнѣнностью признать, что Жуковскій былъ христіанскимъ философомъ. Жуковскій излагаетъ ученіе о Богѣ, какъ верховномъ существѣ, притомъ, существѣ личномъ, вѣчномъ и благомъ; говоритъ о троичности лицъ въ Богѣ; о Христѣ, какъ искупителѣ человѣческаго рода; о Промыслѣ, о загробной жизни; излагаетъ чисто христіанское ученіе о вѣрѣ въ Бога, о надеждѣ на Него и любви къ Нему и людямъ. Однимъ словомъ, Жуковскій—христіанскій философъ—богословъ. И мало того, что онъ—христіанинъ по своимъ воззрѣніямъ: онъ—христіанскій мистикъ. Христіанскій мистицизмъ заключается въ погруженіи въ Бога и въ чистомъ созерцаніи Его. Таковъ мистицизмъ великихъ христіанскихъ подвижниковъ. Таковъ же по своему характеру и мистицизмъ Жуковскаго. Обратимся за доказательствами къ его собственнымъ словамъ. Такъ, опредѣляя религіозную вѣру, Жуковскій говоритъ: „Христіанская вѣра—не одно признаніе Спасителя, она въ то же время и преданіе себя Спасителю, или смиреніе разсудка и воли и ихъ уничтоженіе предъ высшимъ разумомъ и высшей волею.“<sup>2)</sup>

<sup>1)</sup> Загоринъ. Жуковскій и его произведенія. Предисловіе, стр. 7.

<sup>2)</sup> Т. II, стр. 49.

Нужно согласиться, что отъ этихъ словъ поэта вѣтъ мистицизмомъ, такъ какъ уничтоженіе своего разсудка и своей воли предъ высшимъ Божественнымъ разумомъ и есть мистицизмъ.—Высшее духовное благо Жуковскій поставляетъ въ общеніи съ Богомъ до погруженія въ Него. Анализируя психологическое состояніе этого погруженія въ Божество, Жуковскій говоритъ: „Въ этомъ чувствѣ нѣтъ ничего внѣшняго—предметнаго (objectif), ибо его предметъ не извнѣ на насъ дѣйствуетъ; ни личнаго (subjectif), ибо мы сами для себя въ немъ исчезаемъ.“<sup>1)</sup> Это мѣсто еще прямѣе и выразительнѣе говоритъ о мистическомъ элементѣ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ Жуковскаго. Итакъ, Жуковскій—христіанскій мистикъ.

Могутъ, пожалуй, сказать, что у Жуковскаго встрѣчаются мѣста съ нѣкоторыми отступленіями отъ христіанства. Такъ, повидимому, Жуковскій вѣритъ въ судьбу. Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ онъ со скорбію замѣчаетъ, что

Еще мы здѣсь—рука съ рукой!

Но близокъ часъ—и за Судьбою

Путиами разными поидемъ!<sup>2)</sup>

Но здѣсь у Жуковскаго, намъ думается, не болѣе, какъ поэтическая вольность. Это видно изъ того, что въ томъ же самомъ стихотвореніи, начавши упоминаніемъ о судьбѣ, поэтъ кончаетъ признаніемъ Промысла:

Здѣсь, въ тишинѣ уединенья,

Мы были дѣти Провидѣнья.—

Сказанное относится и ко всѣмъ подобнымъ мѣстамъ въ поэзіи Жуковскаго.

Рѣзкимъ диссонансомъ съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ Жуковскаго звучитъ, повидимому, меланхолическій тонъ его поэзіи. Дѣйствительно, поэзія Жуковскаго—поэзія печали. Въ своихъ стихотвореніяхъ Жуковскій жалуется на земныя горести, говоритъ о людской несправедливости; о любви, не нашедшей сочувствія въ любимомъ существѣ; о неосуществившихся идеалахъ и т. п. Все это возбуждаетъ въ поэтѣ меланхолическое чувство. Но эта меланхолія у нашего поэта далека отъ отчаянія. При тяжеломъ душевномъ состояніи Жуковскій находитъ выходъ въ вѣрѣ въ

<sup>1)</sup> Т. 11, стр. 21.

<sup>2)</sup> Т. 12, стр. 140.

Бога и въ будущую загробную жизнь гдѣ можетъ осуществиться все то добро, къ которому человекъ стремится здѣсь, на землѣ, и котораго онъ здѣсь не достигаетъ. „Чувствомъ вѣры скорбь Жуковскаго,—говоритъ Шевыревъ.—торжественно разрѣшается въ успокоеніе, даже иногда въ какую—то духовную радость.“<sup>1)</sup> Такой, напр., выходъ дѣлается въ „Теопѣ и Эсхинѣ“ и въ „Элегіи на кончину королевы Виртембергской:“

Такимъ образомъ, ни кажущееся признаніе Жуковскимъ судьбы, ни меланхолическій колоритъ его поэзіи не противорѣчатъ христіанско—православнымъ воззрѣніямъ Жуковскаго.

### III.

Такъ какъ душевная жизнь cadaго человека складывается подѣ вліяніемъ тѣхъ или другихъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій, то, несомнѣнно можно думать, и религіозныя воззрѣнія Жуковскаго сформировались подѣ вліяніемъ отчасти внутреннихъ свойствъ его натуры, отчасти тѣхъ внѣшнихъ условій, среди которыхъ проходила жизнь Жуковскаго. Поэтому мы и постараемся теперь опредѣлить ту почву, на которой сформировалась религіозная концепція Жуковскаго.

Изслѣдуя эту почву, мы должны принять во вниманіе, прежде всего, то обстоятельство, что Жуковский по своей природѣ былъ меланхоликъ. Уже первыя его стихотворенія обнаруживаютъ это: такъ, въ стихотвореніи „Мысли при гробѣ“, а также въ посланіи къ Тибулу Жуковский говоритъ о скоротечности жизни и ничтожествѣ всего, находящагося подѣ луною. И это Жуковский говоритъ, будучи еще, можно сказать, мальчикомъ, когда, естественно, жизнь должна была бы рисоваться въ радужномъ свѣтѣ. Здѣсь, очевидно, рано сказывается меланхолическій темпераментъ Жуковскаго, который, притомъ, нащелъ для себя обильную пищу въ тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни поэта. А меланхолическая настроенность, какъ извѣстно, въ значительной степени ведетъ къ религіозной настроенности: меланхоликъ сознаетъ ничтожество и пустоту окружающей его дѣйствительности,

<sup>1)</sup> Шевыревъ: О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи. Москва. 1853 г., стр. 40.

не удовлетворяется этою действительностію и находитъ исходъ въ мысли о другомъ мірѣ, не земномъ, а противоположномъ—небесномъ,—о томъ мірѣ, гдѣ будутъ примирены всѣ диссонансы земной жизни. Отсюда—вѣра въ Бога и въ будущую загробную жизнь. Къ мистицизму вело Жуковскаго и его воспитаніе. Воспитывался Жуковский въ домѣ своей крестной матери—Юшковой, въ обществѣ своихъ крестныхъ сестеръ, а также въ обществѣ любителей музыки и литературы, которые собирались въ домѣ Юшковой. Это было общество людей идеально настроенныхъ и христіански мыслящихъ. Такая обстановка дѣтской жизни Жуковскаго способствовала, съ одной стороны, мягкости и нѣжности его характера, а съ другой—идеалистической настроенности поэта. А то и другое въ совокупности представляютъ прекрасную почву для созданія религіозной настроенности. Первымъ наставникомъ Жуковскаго былъ нѣкто Ѳ. Г. Покровский. Это былъ филантропъ по своимъ убѣжденіямъ: онъ много говорилъ о просвѣщеніи народа, о справедливости по отношенію къ нему, о благотворительности и, вообще, о любви къ бѣднякамъ. Къ тому же, Покровский былъ глубоко—религіознымъ человѣкомъ, можно даже сказать—мистикомъ. Онъ звалъ всѣхъ несчастныхъ къ религіи, гдѣ всякій можетъ найти утѣшеніе въ мысли о будущей жизни. „Религія,—говорилъ онъ,—есть превосходная утѣшительница; она говоритъ о будущей жизни въ величественныхъ картинахъ.“<sup>1)</sup> Правда, въ школѣ у этого наставника Жуковский учился немного времени. Но дѣлю въ томъ, что Покровский былъ частымъ посѣтителемъ дома Юшковой и, несомнѣнно, вліялъ здѣсь своимъ міровоззрѣніемъ на всѣхъ, а также и на Жуковскаго, закладывая прочный фундаментъ для его религіознаго міросозерцанія. Послѣ домашняго обученія и воспитанія Жуковский въ 1797 году поступилъ въ Московскій пансіонъ. Обстановка пансіона также въ значительной степени располагала къ христіанской настроенности. Пансіонъ всецѣло былъ проникнутъ духомъ христіанской религіи. Онъ ставилъ своею цѣлію научить, „во—первыхъ, основательному познанію христіанскаго закона, потомъ самонужнѣйшимъ свѣтскимъ наукамъ, тако жъ философіи, особливо нравственной (мораль-

<sup>1)</sup> Покровский. Сокращенная историческая хрестоматія. Ч. 3. стр. 287,

ной).“ <sup>1)</sup> Религіозный духъ пансіона отразился и на жизни его воспитанниковъ. Такъ, на второмъ году пребыванія Жуковскаго въ пансіонѣ, а именно въ 1798 году, возникло здѣсь среди воспитанниковъ литературное общество, подъ названіемъ „Собраніе.“ Первымъ предсѣдателемъ его избранъ былъ Жуковскій. Сохранившійся уставъ этого общества всецѣло проникнутъ религіозно—нравственными тенденціями. Нравственная цѣль „Собранія“ это—„исправленіе сердца, очищеніе ума“. Занятія кружка направлялись преимущественно къ тому, чтобы „читать поочереды рѣчи о разныхъ, большею частію нравственныхъ (моральныхъ), предметахъ на русскомъ языкѣ.“ <sup>2)</sup> По выходѣ изъ Московскаго пансіона Жуковскій примкнулъ къ одному видному литературному кружку того времени, который также оказалъ громадное вліяніе на религіозныя воззрѣнія поэта. Въ этомъ кружкѣ, между прочими, были: Карамзинъ, семья И. П. Тургенева, Лопухинъ. Все это были люди гуманные и религіозные, вліявшіе въ томъ же духѣ и на другихъ людей, соприкасавшихся съ ними. Такъ, напримѣръ, было одно время, когда Жуковскій началъ, было, колебаться въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, но его поддерживалъ въ то время Лопухинъ, человекъ глубоко вѣрующій. Религіозное міровоззрѣніе Жуковскаго въ значительной степени зависѣло и отъ общаго направленія того времени, въ которое жилъ Жуковскій. Общество времени Жуковскаго въ большой степени было проникнуто мистицизмомъ. Известно, что раціонализмъ 18-го вѣка смѣнился въ концѣ того же столѣтія мистицизмомъ, потому что одно знаніе перестало удовлетворять европейское общество: вѣдь нельзя же было устранить жизни сердца изъ общей душевной жизни человека. Вотъ эта—то причина и привела европейское общество конца 18-го и начала 19-го столѣтія къ мистицизму. „Раздѣленіе между разсудкомъ и чувствомъ, между сферою мысли и сферою жизни,—замѣчаетъ Шевыревъ,—становилось уже тягостію, и естественно рождалась потребность цѣльнѣе обнять душу человека и помирить въ ней то, что хотѣли расторгнуть насильно ножемъ анализа.“ <sup>3)</sup> Изъ западной Европы мистическое направленіе проникло и въ намъ въ

<sup>1)</sup> Покровскій. Цитир. сочин., стр. 290.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 291.

<sup>3)</sup> Шевыревъ. Цитир. сочин., стр. 7.

Россию и захватило здѣсь образованное общество. Сказалось это вліяніе мистицизма, безъ сомнѣнія, и на Жуковскомъ. Наконецъ, на выработку религіознаго міросозерцанія Жуковскаго въ значительной мѣрѣ повліялъ и европейскій романтизмъ. „Презирая настоящую, дѣйствительную жизнь, уносясь въ очаровательное прошедшее и ища въ немъ идеаловъ для неопредѣленнаго будущаго, романтики,—по словамъ Караулова,—послѣдовательнымъ путемъ пришли къ туманному мистицизму.“<sup>1)</sup> Подобный романтизмъ, съ оттѣнкомъ мистицизма, Жуковскій заимствовалъ у Шиллера, Бюргера, Грея, Соути и у другихъ нѣмецкихъ и англійскихъ романтиковъ, со всѣми ихъ стремленіями къ прошлому, „порываніями отъ земли къ небу, съ мистическою вѣрою въ чудесное и сверхъестественное.“<sup>2)</sup> Къ чести Жуковскаго нужно, впрочемъ, замѣтить, что его романтизмъ не былъ туманнымъ и безжизненнымъ: онъ у поэта просвѣтлялся христіанскимъ свѣтомъ.

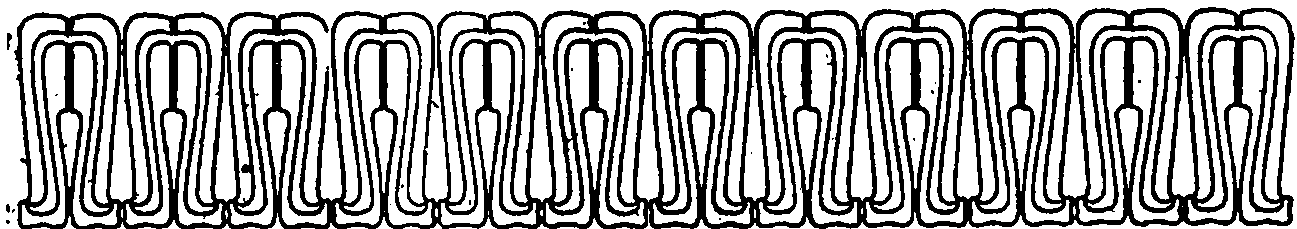
Итакъ, и темпераментъ Жуковскаго, и домашняя обстановка его дѣтской жизни, и Московскій пансіонъ съ его религіознымъ направленіемъ, и литературный кружокъ строго христіанскихъ людей, и мистицизмъ конца 18-го и начала 19-го вѣка, и, наконецъ, европейскій романтизмъ—все это въ совокупности составляло ту благодарную почву, на которой зародились и развились религіозныя возрѣнія В. А. Жуковскаго. Одни изъ указанныхъ условій (темпераментъ, домашняя обстановка, романтизмъ) способствовали просто религіозной настроенности Жуковскаго; другія (пансіонъ, литературный кружокъ, мистицизмъ 18 и 19 вв.)—сообщили христіанско—мистическую форму этой религіозной настроенности поэта.

*И. Чистяковъ.*

<sup>1)</sup> Карауловъ. Очерки исторіи русской литературы. Изд. 2. Т. 1, стр. 618.

<sup>2)</sup> Карауловъ. Цитир. сочин., стр. 619.





# Къ вопросу о поводахъ къ брачному разводу.

## ВВЕДЕНІЕ.

Въ послѣднее время, на ряду съ другими вопросами, выдвинуть самой жизнью и вопросъ о разводѣ, подвергшійся въ истекшее десятилѣтіе всестороннему обсужденію и разработкѣ въ законодательныхъ сферахъ, въ печати и въ обществѣ. „Вотъ уже второй годъ“, писалъ г. Осиповъ еще въ 1900 г. „въ нашей печати довольно горячо дебатруется вопросъ о разводѣ“<sup>1)</sup>. Проекты разныхъ комиссій, совѣщаній, журнальныя и газетныя статьи, брошюры, рефераты, содержаніе которыхъ посвящено рѣшенію этого вопроса, свидѣтельствуютъ о томъ, что рѣшеніе послѣдняго признается нынѣ своевременнымъ и нужнымъ, и что оно очень затрагиваетъ интересы не только Церкви и государства, но и общества и частныхъ лицъ<sup>2)</sup>.

Но на вопросъ о размѣрахъ и направленіи, какое должна принять реформа брачнаго закона, получаютъ далеко не одинаковые отвѣты. Еще въ 1870 г. Комитетъ, учрежденный согласно Высочайшему соизволенію послѣ введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ 1864 г., указывалъ въ своемъ „Проектѣ преобразованія духовной судебной части“ на недостатки бракоразвода, но онъ, какъ и современная ему печать и общество, призналъ средствомъ исправленія существующихъ недостатковъ передачу дѣлъ о прелюбодѣяннн супруговъ въ свѣтскій судъ, а за духовнымъ оставилъ лишь право развода. Эта мысль энергично защищалась и въ недавнемъ проектѣ Гражданскаго Уложенія, а Министерство

<sup>1)</sup> Церковный Вѣстникъ № 49.

<sup>2)</sup> Чит., напр., книгу В. Розанова. Семейный вопросъ. 2 тома.

Юстиціи въ свое время выработало даже проектъ о подсудности бракоразводныхъ дѣлъ судебнымъ установленіямъ на общемъ основаніи <sup>1)</sup>. Такъ же думали и думаютъ объ этомъ и частныя лица <sup>2)</sup>. Однако такое направленіе въ рѣшеніи вопроса о разводѣ встрѣтило оппозицію и со стороны учреждений и со стороны частныхъ лицъ <sup>3)</sup>. Какъ извѣстно, Предсоборное присутствіе, въ лицѣ 3-го отдѣла, высказалось противъ данной реформы <sup>4)</sup>. Въ настоящее время вопросъ объ этомъ, кажется, близокъ къ рѣшенію, въ томъ смыслѣ, что производство слѣдствія о прелюбодѣянніи нужно передать свѣтскому суду, которому болѣе прилично, чѣмъ духовному, заниматься этимъ, а послѣднему предоставить только самый фактъ развода. Въ началѣ 1906 года вопросъ былъ внесенъ на законодательное разсмотрѣніе.

Но ограничиться только такой реформой бракоразводнаго дѣла при современныхъ условіяхъ жизни нельзя. Дѣло въ томъ, что она почти не затрагиваетъ матеріальной стороны брачнаго закона, которая неудовлетворяетъ современнымъ условіямъ жизни и поэтому нуждается въ коренной реформѣ еще болѣе, чѣмъ процессуальная. Существенный недостатокъ ея заключается, по мнѣнію многихъ, въ „скудости“ поводовъ къ разводу, число которыхъ должно быть значительно расширено <sup>5)</sup>.

Слѣдовательно, сущность бракоразводной реформы компетентные люди сводятъ къ увеличенію поводовъ къ разводу и передачѣ процессуальной части развода въ свѣтскій судъ. Въ своей статьѣ дальше мы коснемся только поводовъ къ разводу и постараемся, по мѣрѣ возможности представить въ ясномъ видѣ исторію разработки даннаго вопроса въ Россіи, и выскажемъ нѣсколько принципиальныхъ соображеній.

<sup>1)</sup> „Россія“ 1906 г. № отъ 12 ноября.

<sup>2)</sup> См. СПбур. Вѣдомости за 1902 г. № 225, Церков. Вѣстникъ 1909 г. № 16, 1906 г. № 48.

<sup>3)</sup> „Дневникъ“ кн. Мещерскаго за 4 августа 1901 г. Церковныя Вѣдомости за 1909 г. № 43.

<sup>4)</sup> Журналы его, IV т. 97—119 стр.

<sup>5)</sup> Пр. Алмазовъ, Красноженъ, Горчаковъ, Григоровскій, — чит. Журналы засѣданій Предсоборнаго Присутствія (3-го отдѣла) IV т.; 114—119 стр.

## ГЛАВА I.

## Христіанскій взглядъ на разводъ.

Противъ желанія увеличить число поводовъ къ разводу раздались принципиальныя возраженія, состоявшія въ указаніи того, что увеличеніе поводовъ къ разводу противорѣчить Евангельскому ученію о бракѣ и разводѣ. Чтобы оцѣнить данныя возраженія, нужно сначала изложить ученіе объ этомъ Іисуса Христа. На вопросъ евреевъ относительно развода, Онъ сказалъ имъ: „не читали ли вы, что Сотворившій въ началѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ. И сказалъ: посему оставитъ человекъ отца и мать и прильзнетъ къ жени своей, и будутъ два одною плотью, такъ что они уже не двое, но плоть одна (*ἀλλὰ μία σαρξ*). Итакъ, что Богъ сочеталъ, того человекъ да не разлучаетъ“ (Мѣ. XIX, 4—6, Быт. I, 27; II, 24). Слово *σαρξ* означаетъ не одно тѣло, но всю человѣческую природу. Если такъ, то ясно, что бракъ состоитъ не въ одномъ плотскомъ союзѣ, а—кромѣ послѣдняго еще въ совокупномъ удовлетвореніи всѣхъ потребностей человѣческой природы <sup>1)</sup>, главнымъ образомъ, въ религіозно-нравственномъ общеніи. Сущность его заключается въ абсолютномъ единствѣ двухъ природъ, неразрывномъ, искреннемъ, тѣснѣйшемъ и любовномъ союзѣ, охватывающемъ всѣ стороны человѣческой жизни и основывающемся на естественныхъ стремленіяхъ человѣка. Вѣрно замѣтилъ К. П. Побѣдоносцевъ <sup>2)</sup>: „идея брака коренится въ основномъ законѣ природы: приведеніе къ единству и цѣльности раздвоенной на два пола природы человѣческой“. Поэтому человекъ инстинктивно ищетъ восполненія себя въ особѣ другого пола. Это природное влеченіе его Богъ и благословилъ какъ вполне законное и необходимое. Такимъ образомъ, бракъ является не только дѣломъ самого человека, но и таинствомъ, установленнымъ Богомъ. При такомъ взглядѣ на него разводъ является „аномаліей“. И при рѣшеніи вопроса о разводѣ нужно помнить объ этихъ сторонахъ брака, чтобы не остался при одностороннемъ рѣшеніи его. Историческій примѣръ на лицо. Протестанты, утверждая за бракомъ только простое житейское значеніе контракта, до-

<sup>1)</sup> И. С. Вердниковъ. Краткій курсъ церковнаго права. 59 стр.

<sup>2)</sup> Курсъ гражданскаго права. 1871 г. 2 ч.

пускаютъ легкость развода, а католики, упуская изъ виду человѣческую сторону въ бракѣ, выступаютъ съ категорическимъ заявленіемъ объ абсолютной нерасторжимости брака не только въ идеѣ, но и на практикѣ. По ихъ мнѣнію, „законъ о разводѣ имѣетъ противъ себя естественное право, религію, принципы мудраго правленія и исторіи“, и является „дверью полигаміи (Дидонъ)<sup>1)</sup>. Подобный взглядъ на разводъ высказалъ и Л. Н. Толстой. По мнѣнію послѣдняго, разводъ ведетъ къ безнравственности, т. к. оставленная жена соблазняетъ другого мужчину и вноситъ развратъ въ міръ<sup>2)</sup>. Православная Церковь, различая въ бракѣ Божественную и человѣческую стороны, избѣгаетъ односторонности въ рѣшеніи вопроса о допустимости развода. По ея ученію, когда обѣ стороны въ бракѣ гармонируютъ, тогда послѣдній осуществляетъ идею вѣчнаго союза Христа съ Церковью (Ефес. V, 32). Когда же въ немъ человѣческая сторона идетъ противъ Божественной, то, хотя въ идеѣ нерасторжимость брака остается во всей силѣ, но фактически она прекращается. Отсюда получается возможность и даже необходимость для святости брака и блага супруговъ расторгнуть и юридически самый бракъ, фактически уже уничтоженный измѣной супружеской вѣрности. Иначе получается оффиціальная ложь, такъ несвойственная христіанской Церкви, и вредъ для ея членовъ. Подтвержденіе этому она находитъ въ авторитетныхъ словахъ своего Божественнаго Основателя: „Я говорю вамъ: кто разводится съ женою своею, кромѣ вины любодѣянія (πορνείας, λογος πορνείας), тотъ подаютъ ей поводъ прелюбодѣйствовать“ (Мат. V, 32). Πορνεία—постоянный блудъ, вкоренившійся грѣхъ, перешедшій въ распутство, а не случайное прелюбодѣяніе, отъ котораго ни одинъ человѣкъ не застрахованъ, и которое по-гречески обозначается словомъ πορνεία<sup>3)</sup>. В. Розановъ пытался едѣлать и послѣднее необходимымъ поводомъ къ разводу<sup>4)</sup>, но встрѣтилъ достойную отповѣдь<sup>5)</sup>. Только при распутствѣ бракъ

<sup>1)</sup> Брачный разводъ. 52—166 стр., 79 стр.

<sup>2)</sup> Сочиненія подъ редак. Бирюкова, изд. 1913 г. XV т. 176—7. Въ чемъ моя вѣра?

<sup>3)</sup> Проф. Муретовъ. „Богословскій Вѣстникъ“ 1899 г., апрѣль 539 стр.; срав. 1895 г. 1 ч. 8—9 „Христіанское чтеніе“.

<sup>4)</sup> Новый путь за 1907 г., № 8.

<sup>5)</sup> Пр. Дерновъ. „Бракъ и развратъ?“

—сплошное беззаконіе и фактически разрушенъ. Разводъ при *porveia* является неизбѣжнымъ, какъ „естественное внѣшнее выраженіе внутренняго неисцѣльнаго распада въ бракъ“<sup>1)</sup>. Конечно, разводъ, какъ уже сказано выше, аномалія, но онъ долженъ быть совершенъ во избѣжаніе большаго, чѣмъ онъ, — грѣха, неизбѣжно слѣдующаго въ случаѣ дальнѣйшаго признанія Церковью таинствомъ фактически прекратившагося брака.

## ГЛАВА II.

### Внѣшняя сторона разработки даннаго вопроса за послѣднія 15 лѣтъ въ Россіи.

Итакъ съ принципиальной стороны можно признать законнымъ разводъ. Основываясь на этомъ, у насъ за послѣдніе 15 лѣтъ стали настаивать на увеличеніи поводовъ къ разводу. Толчекъ къ этому дала сама жизнь. Св. Синодъ въ свое время пошелъ навстрѣчу назрѣвшей потребности въ реформѣ матеріальной части брачнаго закона; третій Отдѣлъ Предсоборнаго Присутствія, образованнаго при Св. Синодѣ, постановилъ увеличить число поводовъ къ разводу<sup>2)</sup>. Хотя эта реформа была и слабо мотивирована, но по своему существу была значительной и коренной. Св. Синодъ ею не ограничился. Въ началѣ 1907 г., своимъ опредѣленіемъ отъ 28 февраля<sup>3)</sup> онъ учредилъ Особое Совѣщаніе для обсужденія и выработки проекта положенія о поводахъ къ разводу, согласно указаніямъ бывшаго Предсоборнаго Присутствія, „въ видахъ увеличенія поводовъ къ разводу“. А такъ какъ нѣкоторые поводы къ разводу могутъ найти надлежащую оцѣнку только въ медицинской наукѣ, то въ составъ Совѣщанія были приглашены и представители Медицинскаго Совѣта<sup>4)</sup>. Это совѣщаніе признало необходимымъ во-первыхъ, увеличеніе числа поводовъ къ разводу и, во-вторыхъ, видоизмѣненіе нѣкоторыхъ прежнихъ. Затѣмъ этотъ проектъ Св. Синодъ препроводилъ Членамъ Св. Синода<sup>5)</sup>, которые

1) Бердниковъ. Къ вопросу о поводахъ къ разводу.

2) Журналы и протоколы его... IV т. 97—138 стр. (III).

3) Церковныя Вѣдомости 1907 г. № 12.

4) Церковный Вѣстникъ за 1908 г. № 1.

5) Второй докладъ Предсѣдателя его Св. Синоду, находящійся въ „Проектъ положенія о поводахъ къ разводу съ объясненіями къ нему“.

и представили о немъ свои отзывы. Труды Совѣщанія печатью были приняты въ общемъ сочувственно. „Изъ этого видно, писали, что въ Церковномъ вѣдомствѣ найдено возможнымъ дать сравнительно широкую постановку этому вопросу, которымъ глубоко затрагиваются интересы нашей семьи и общества“ 1). Даже В. Розановъ, очень близко принимающій къ сердцу интересы семьи, остался доволенъ ими. „Въ нихъ видна“, писалъ онъ, „тенденція не сохранять болѣе видимости брака или, точнѣе, его юридическихъ послѣдствій тамъ, гдѣ въ наличности брака уже нѣтъ“ 2). „Въ общемъ проектъ“, замѣтилъ тогда проф. Загоровскій 3), „указываетъ на тѣ же поводы къ разводу, которые усвоены и западно-европейскій законодательной практикою“. Но со стороны специалистовъ по данному вопросу эти труды встрѣтили совершенно иную оцѣнку. Проф. Суворовъ заявилъ, что „почва, на которой стоитъ проектъ, не отличается опредѣленностью и устойчивостью настолько, чтобы на ней можно было возводить зданіе матеріальнаго бракоразводнаго права... Онъ допускаетъ поводы къ разводу, которыхъ не имѣется даже въ самыхъ радикальныхъ изъ современныхъ свѣтскихъ законодательствъ“ 4). По мнѣнію проф. Бердникова, нѣкоторыя нововведенія сего проекта, „не обѣщаютъ Церкви и обществу ничего хорошаго“ 5). „Вообще“, замѣтилъ проф. Загоровскій, „туть многое спутано и невыяснено“ 6). Отзывы Членовъ Св. Синода также указали существенные недостатки его 7). Поэтому въ ноябрѣ 1908 г. Св. Синодъ „поручилъ Преосв. Иннокентію, еп. Тамбовскому, возобновить занятія Совѣщанія для пересмотра проекта положенія о поводахъ къ разводу по соображенію съ означенными отзывами. Это Совѣщаніе подвергло коренному пересмотру проектъ положенія подѣ влияніемъ, по руководству и указаніямъ этихъ отзывовъ. Приняты были въ соображеніе и отзывы проф.

1) Церковный Вѣстникъ за 1908 г. № 1.

2) Новое Время № 11206.

3) Спб. Вѣдомости за 1907 г. № 225.

4) Замѣчаніе на Проектъ положеній о разводѣ 48—52 стр.

5) Къ вопросу о поводахъ къ разводу, 38—9 стр.

6) Спб. Вѣдомости за 1907 г. № 225.

7) Проектъ положенія о поводахъ къ разводу, выработ. Особымъ Совѣщаніемъ 1908—9 г.

И. С. Бердникова и проф. Н. С. Суворова“<sup>1)</sup>. Это Совѣщаніе хотя и признало необходимымъ увеличеніе числа поводовъ къ разводу, но нѣкоторые поводы, предложенные Совѣщаніемъ 1907 г. совсѣмъ отвергло, а нѣкоторые видоизмѣнило“<sup>2)</sup>. Существенныхъ практическихъ результатовъ дѣятельности его пока не видно. Съ своей стороны и правительство не осталось безучастнымъ къ этому: оно внесло во 2-ую Государственную Думу законопроектъ о поводахъ къ разводу; а въ 1914 г. издало законъ (12 марта), по которому разрѣшается раздѣльное жительство супруговъ въ случаѣ доказаннаго жестокаго обращенія одного супруга съ другимъ и съ дѣтьми, нанесенія тяжкихъ оскорбленій, вообще явнаго нарушенія супружескихъ обязанностей, безчестнаго и порочнаго поведенія, тяжелой душевной болѣзни, прилипчивой и отвратительной болѣзни, опасной для здоровья другого супруга. Такова вѣншняя сторона разработки даннаго вопроса въ Россіи за послѣднее время. Чтобы оцѣнить ее, необходимо еще ознакомиться и съ внутренней стороной ея, а для этого слѣдуетъ указать тѣ основанія, которыми руководствовались авторы проектовъ, члены совѣщаній, комиссій, записокъ и т. п. при рѣшеніи вопроса о возможности и необходимости увеличенія поводовъ къ разводу и введеніи каждаго повода въ отдѣльности.

*Внутренняя сторона разработки этого вопроса.* Мы выше сказали, что бракъ имѣетъ двѣ стороны. Благодаря такой сложной структурѣ и вопросъ о поводахъ къ разводу является сложнымъ и труднымъ для разрѣшенія. Этотъ вопросъ, по мнѣнію проф. Загоровекаго<sup>3)</sup>, „принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ вопросовъ семейнаго права. Съ одной стороны, бракъ, по существу своему, принадлежитъ къ числу союзовъ пожизненныхъ: нельзя представить себѣ, съ точки зрѣнія христіанской этики, брака временнаго, свободнаго, по желанію той или другой стороны расторгаемаго, а съ другой—супружеская жизнь нерѣдко принимаетъ такое направленіе, что нельзя, считаясь съ этой же этикой, оставить его въ силѣ. Но гдѣ найти законодателью норму

<sup>1)</sup> Второй докладъ Предсѣдателя Св. Прав. Синоду.

<sup>2)</sup> Проектъ положеній... 4—180 стр.

<sup>3)</sup> Спб. Вѣдомости за 1907 г. № 225.

для опредѣленія границы? Бракъ по важности своей—соціальной, государственной, моральной—не можетъ быть исчерпанъ однимъ предписаніемъ юридической нормы. Въ числѣ другихъ элементовъ онъ заключаетъ въ себѣ и элементъ религіозный“. Конечно, для тѣхъ, которые считаютъ бракъ чисто человѣческимъ учрежденіемъ, вопросъ о поводахъ къ разводу представляется сравнительно легкимъ. По мнѣнію, напр., Розанова разводъ, будучи „постояннымъ каналомъ, чрезъ который совершается очищеніе главнаго соціальнаго института“, долженъ быть свободнымъ, зависящимъ вполнѣ отъ воли супруговъ <sup>1)</sup>. Если жизнь требуетъ развода, то онъ долженъ быть данъ супругамъ. Не такъ смотрятъ на него признающіе бракъ Божественнымъ установленіемъ, напр. митр. Владиміръ. Послѣдній отвергъ въ свое время нѣкоторые поводы къ разводу, предложенные Совѣщаніемъ 1907 г., какъ противорѣчащіе заповѣди Іисуса Христа о разводѣ, и заявилъ <sup>2)</sup>, что работы Совѣщанія 1908—9 г.г. не должны сходить съ точки зрѣнія строго церковной.

Такъ какъ оба въ данномъ случаѣ обратили свое вниманіе главнымъ образомъ на одну сторону брака, то и сужденія ихъ о разводѣ оказались нѣсколько односторонними. Ошибочность мнѣнія г. Розанова ясна и оно неприемлемо для насъ, признающихъ Божественный характеръ христіанства. Съ другой стороны, при строго буквальномъ пониманіи Евангелія и церковной почвы, не дано мѣста фактической сторонѣ дѣла. Евангеліе и церковное ученіе не дадутъ прямого отвѣта на многіе насущные запросы жизни, при буквальномъ ихъ пониманіи придется отвергнуть всѣ поводы, кромѣ прелюбодѣянія. Указывая на это, нѣкоторые члены Особаго Совѣщанія 1908—9 не согласились съ митр. Владиміромъ <sup>3)</sup>. И церковная печать, особенно Церковный Вѣстникъ, отвергла буквальное пониманіе Евангелія и церковной почвы. Указывая на безспорный фактъ исчезновенія чистой семьи, гдѣ супружеская вѣрность была бы дѣйствительностью, а не пожеланіемъ только, и на уклоне-

<sup>1)</sup> Семейный вопросъ I т., 72—84.

<sup>2)</sup> Проектъ... Совѣщанія 1908—9 г., 36 стр., Журн. № 8 и отзывъ его.

<sup>3)</sup> Проектъ Совѣщанія... 37—40.



не всей жизни современнаго общества отъ христіанской нормы, она заявила, что дѣйствующій законъ о поводахъ къ разводу оказывается не подѣ силу нравственно ослабѣвшему современному обществу. Примѣненіе его не только не служить смягченію нравовъ, а напротивъ, ложится тяжелымъ гнетомъ на голову слабѣйшей половины супружеской четы, особенно въ крестьянскомъ быту, гдѣ, напримѣръ, жена осужденнаго за жестокое обращеніе съ ней должна оставаться въ бракѣ съ нимъ. Нельзя найти болѣе глубокаго противорѣчія между идеей брака и дѣйствительностью, чѣмъ какая существуетъ въ несчастномъ бракѣ въ родѣ указаннаго. „Въ раскрѣпощеніи рабства въ бракѣ и заключается одна изъ неотложныхъ реформъ брачнаго законодательства“<sup>1)</sup> Даже монашествующіе вполне согласились съ этимъ, напр., епископъ Евлогій, который заявилъ, что нельзя безъ нравственнаго и даже физическаго вреда оставлять въ силѣ такіе браки, въ которыхъ „развратные супруги являютъ собою преступное олицетвореніе глумленія надъ словами св. Апостола: бракъ честенъ и ложе нескверно“<sup>2)</sup>. Эти доводы оказались столь убѣдительными, что многіе признали ихъ вполне правильными<sup>3)</sup>, и выражающими дѣйствительныя потребности современной русской жизни. Последняя мысль подтвердилась слѣдующимъ фактомъ. Когда въ Комиссіи по Церковнымъ дѣламъ, образованной еще въ Государственной Думѣ 2-го созыва, выдвинули вопросъ о бракѣ и разводѣ (въ 1908 г.), то докладчикъ по этому вопросу и члены Комиссіи были засыпаны письмами со всѣхъ концовъ Россіи, письмами людей, ждущихъ облегченія развода, измученныхъ, доведенныхъ до раззоренія и отчаянія. Подобныя же письма были получены и В. В. Розановымъ, который напечаталъ ихъ въ своей книгѣ „Семейный вопросъ“. Сообщенныя аномаліи современной брачной жизни поставили „ребромъ“ вопросъ о цѣлесообразности дальнѣйшаго признанія таинствомъ брака, фактически уже не существующаго. Основываясь на этомъ, члены Предсоборнаго Присутствія, напр., архіепископъ Іаковъ, прот.-профессоръ Горчаковъ, члены Совѣщаній

<sup>1)</sup> Церковный Вѣстникъ. 1906 г. № 48, 1566—7 стр.

<sup>2)</sup> Проектъ положеній... Особаго Совѣщанія 1908—9 г., 51—2 стр.

<sup>3)</sup> Христіанское чтеніе. 1906 г. № 12. Журналы Предсоб. Присутствія, IV т., 97—138.

1907—9 г.г. и многіе другіе сочли необходимымъ увеличить число поводовъ къ разводу и принять во вниманіе требованія современной жизни. По мнѣнію проф. Горчакова, „бракъ есть не только религіозный институтъ, но и юридическій, общественный, политическій и экономическій“<sup>1)</sup>, и поэтому вполне законно принимать во вниманіе требованія жизни.

Но на практикѣ нерѣдко бываетъ, что послѣднія противорѣчатъ канонамъ и евангельскимъ завѣтамъ. Какъ же быть въ данномъ случаѣ? При рѣшеніи этого вопроса вышеуказанными лицами и Совѣщаніями получились разные отвѣты. Такъ, профессоръ Суворовъ почвой для обсужденія вопроса объ увеличеніи поводовъ къ разводу призналъ вниманіе не столько къ каноническимъ правиламъ, сколько къ условіямъ современной культурной жизни, нашедшимъ для себя наиболѣе компетентное выраженіе въ западно-европейскихъ законодательствахъ<sup>2)</sup>. Но проф. Бердниковъ, не отрицая важности знакомства съ ними, настаивалъ на томъ, что въ вопросахъ брачнаго права необходимо имѣть предъ глазами идеалы церковной дисциплины и нормы византійскихъ законодательствъ и признавать ихъ руководственное значеніе<sup>3)</sup>. Каноны, по мнѣнію проф. Глубоковского, „будутъ служить здѣсь авторитетами, руководящими аналогіями для выясненія способовъ примѣненія нормъ „Божественнаго права“ къ нуждамъ наличной дѣйствительности“<sup>4)</sup>. И Особое Совѣщаніе 1908—9 г. приняло послѣднюю точку зрѣнія на разводъ, и потому постановило: „вопросъ о поводахъ къ разводу обсуждать съ точки зрѣнія церковно-канонической и современныхъ требованій жизни“<sup>5)</sup>.

Такое постановленіе нужно признать правильнымъ, соответствующимъ ученію о бракѣ Іисуса Христа, а, слѣдовательно, и Православной Церкви: здѣсь приняты во вниманіе обѣ стороны въ бракѣ: Божественная и человѣческая, и отдано предпочтеніе первой, что является вполне естествен-

1) Журналы. Т. IV, 137 стр. (III).

2) Замѣчанія на проектъ положенія о поводахъ къ разводу 27—49 стр.

3) Къ вопросу... 14—16 стр.

4) Проектъ... Совѣщанія 1908—9 г., 48—9 стр.

5) Журналь № 8, 40 стр.

нымъ, т. к. жизнь и воля человека должны направляться и корректироваться Божественной волей. Оно же оправдывается и Церковной исторіей. Церковь въ первые вѣка свято хранила Заповѣдь Христа о разводѣ, понимая ее буквально. Это гармонировало со строгими нравами, съ возвышеннымъ настроеніемъ первенствующихъ христіанъ, старавшихся, не смотря на свободные нравы и свободу развода, бывшую въ окружавшемъ ихъ языческомъ мірѣ, жить по завѣтамъ своего Божественнаго Учителя. Но „начиная съ четвертаго вѣка, когда Церковь вступила въ союзъ съ государствомъ, прежняя строгая вѣрность Заповѣди Господа о разводѣ стала ослабѣвать... Государство стало прислушиваться къ голосу Церкви и дѣлать попытки къ ограниченію свободы брачныхъ разводовъ чрезъ установленіе опредѣленныхъ, законныхъ причинъ развода, а Церковь, возставая противъ своеволія въ разводѣ, вынуждена была пойти на взаимную уступку“. Приспособляясь къ духу времени (*οἰκονομία*), дѣлая снисхожденіе къ слабостямъ тогдашняго общества въ видахъ предотвращенія большаго зла, могущаго иногда произойти отъ неуклоннаго примѣненія строгаго церковнаго требованія, въ видахъ устраненія семейныхъ раздоровъ, тяжкихъ страданій одного или даже обоихъ супруговъ, при отсутствіи нормальныхъ условій для супружескаго сожитія“ <sup>1)</sup>, помня слова Спасителя нашего: „*Милости хочу, а не жертвы;... ибо Я пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію*“ (Мѣ. IX, 13), она приняла въ свое руководство и государственныя постановленія относительно развода. Въ концѣ XII в. уже не знали на практикѣ свободнаго развода. У насъ въ Россіи, вмѣстѣ съ христіанствомъ приняты были и греческіе законы о разводѣ, которые дѣйствовали въ допетровскій періодъ, съ нѣкоторыми существенными измѣненіями, обусловленными особенностями русскаго быта. Послѣ Петра I начали выдвигать религіозное значеніе брака и свобода развода стала ослабѣвать, хотя были введены и новые поводы къ разводу <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Напр., Законъ имп. Юстиніана, запрещавшій свободный разводъ. (Новел. 117, гл. 10, 13; 134, гл. 11).

<sup>2)</sup> Проф. Бердяковъ. Краткій курсъ церковнаго права 119—28, и въ вопросу о поводахъ къ разводу, 17—26, 5—7, 106—9 стр., Григоровскій. Причины... развода: 9—12 стр.

Изъ вышеизложеннаго видно, что большинство компетентныхъ русскихъ реформаторовъ бракоразводнаго дѣла въ послѣднее время—при рѣшеніи вопроса о разводѣ, стало на вѣрную почву, указанную исторіей Церкви. Стоя на ней, можно твердо рѣшать вопросъ о томъ, какія изъ предлагаемыхъ жизнью поводовъ къ разводу можно признать законными. Этимъ опредѣляется и степень вниманія къ запросамъ жизни при обсужденіи вопроса о разводѣ: жизненные требованія могутъ быть удовлетворяемы до тѣхъ поръ, пока они не противорѣчатъ христіанскому ученію о разводѣ. И вопросъ о, т. н. свободномъ разводѣ, который нѣкоторые считаютъ „Гордіевымъ узломъ брачнаго права“<sup>1)</sup>, при такомъ взглядѣ на разводъ получаетъ рѣшеніе, согласное съ Евангеліемъ и свободой человѣка.

### ГЛАВА III.

#### Поводы къ разводу, подвергшіеся обсужденію.

Теперь посмотримъ, какіе поводы къ разводу признали законными русскіе реформаторы брачнаго права, обсуждая ихъ съ точки зрѣнія церковно-канонической и современныхъ требованій жизни.

*Прелюбодѣянiе.* Мы уже видѣли, что Самъ Іисусъ Христосъ допускаетъ разводъ при прелюбодѣяніи одного изъ супруговъ. И дѣйствующій нынѣ бракоразводный законъ также признаетъ этотъ поводъ къ разводу, но онъ значительно сѣузилъ понятіе прелюбодѣянiя, какъ повода къ разводу. Не давая точнаго опредѣленія его, онъ, кажется, разумѣетъ подъ нимъ внѣбрачное плотское общеніе, установленіе котораго, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, можетъ служить поводомъ къ разводу<sup>2)</sup>. Нѣкоторые реформаторы нашли необходимымъ этотъ поводъ дополнить. Такъ, Григоровскій предложилъ „погашеніе прелюбодѣянiя, какъ повода къ разводу, путемъ пятилѣтней его давности“<sup>3)</sup>. Комиссія 1902 года постановила отвергать искъ о разводѣ въслѣдствіе прелюбодѣянiя, если прошелъ годъ съ того времени, какъ невинный супругъ узналъ о прелюбодѣянiи другого

1) Максимовъ. Законы о разводѣ... М. 1909 г.

2) Уставъ Дух. Консисторій, 240 ст.

3) Причины развода, 15—18 стр.

супруга, или если прошло 10 лѣтъ со времени совершения прелюбодѣянiя. Св. Синодъ эти предположенiя Комиссiи нашелъ полезнымъ осуществить<sup>1)</sup>. У евреевъ (Второзаконiе 22 гл.) и въ Византiи добрачная потеря невинности служила поводомъ къ разводу. Проф. М. Красноженъ предложилъ ее считать поводомъ къ разводу, но проф. А. Алмазовъ справедливо возразилъ, указавъ на то, что и наука не всегда можетъ съ точностью установить факта добрачной потери невинности<sup>2)</sup>.

Если прелюбодѣянiе одного изъ супруговъ служить поводомъ къ разводу, то обоюдное—можетъ служить имъ съ большимъ основанiемъ. Поэтому многiе реформаторы развода предложили послѣднее считать законнымъ поводомъ къ разводу. Они указывали на то, что оставлять бракъ при такихъ условiяхъ въ силѣ—значить отдавать его на поприще непонимающимъ его значенiя, или неспособнымъ сохранять его въ чистотѣ. Какое же нравственное общенiе могутъ создать такіе супруги?<sup>3)</sup>

Комиссiя 1902 г., считая, что при этихъ условiяхъ святость брака оскверняется болѣе, чѣмъ при измѣнѣ одного супруга, что при этомъ наступаетъ нерѣдко такая сложность семейныхъ отношенiй, которая дѣлаетъ совершенно невозможнымъ совмѣстную жизнь согрѣшившихъ супруговъ, не нашла справедливымъ охранять такой бракъ<sup>4)</sup>. Третій отдѣлъ Предсоборнаго Присутствiя<sup>5)</sup> и Особое Совѣщанiе 1907 г. признали обоюдное прелюбодѣянiе супруговъ поводомъ къ разводу почти по тѣмъ же мотивамъ, только послѣднее добавило отъ себя „что съ нравственной и общественной стороны оно есть явленiе крайне предосудительное; распространенiе разврата объясняется и оправдывается при этомъ примѣрами обоудно-прелюбодѣйной жизни супруговъ, при которой бракъ фактически не существуетъ<sup>6)</sup>“. Проф.

1) Журналы... Предсоб. Присутствiя, IV т., 103—4 стр. (III отд.).

2) Журналы... Предсоб. Присутствiя IV, 119—120 стр.

3) Григоровскiй. Причины развода... 18—22; Воровиковскiй. Бракъ и разводъ. Журналъ Мин. Юстиціи 1902 г. № 8. Поповъ. „Право“ за 1909 г. № 19.

4) Журналы... Предсоб. Присутствiя IV, 112 стр. (III).

5) Журналы... 124—5, 138 стр.

6) Проектъ... Совѣщанiя 1908—9 г. 6—11 стр. 41—63.

Суворовъ „охотно“ къ этому мнѣнію присоединился <sup>1)</sup>; но проф. Бердниковъ нашелъ его слабо обоснованнымъ: помимо оскорбленнаго супруга, никто не можетъ возбуждать вопроса о брачномъ разводѣ по прелюбодѣянiю, а здѣсь невинный сначала супругъ своимъ прелюбодѣянiемъ нанесъ оскорбленіе другому супругу и чрезъ это лишился права искать развода. Дарованіе имъ этого права введетъ въ бракоразводное право новое, чуждое ему, начало принудительнаго развода, по соображеніямъ постороннимъ для семьи. Сомнительно, чтобы послѣ развода супруги эти исправились, а положеніе дѣтей можетъ еще ухудшиться подѣ надзоромъ отчимовъ и мачихъ. „Теперь же мы думаемъ“, писалъ умершій русскій канонистъ, „очистить семейную среду отъ нравственныхъ паденій и аномалій предоставленіемъ полной свободы расходиться и такимъ супругамъ, которые ни во что ставятъ супружескую вѣрность. Гдѣ же тутъ задатокъ къ улучшенію, къ оздоровленію этой среды“ <sup>2)</sup>. Члены Св. Синода въ своихъ отзывахъ также высказались противъ этого повода къ разводу. Но Совѣщаніе 1908—9 г. включило его въ число законныхъ <sup>3)</sup>. Въ оправданіе своего постановленія оно, кромѣ вышеуказанныхъ мотивовъ и оговорокъ, высказало еще слѣдующія соображенія: прелюбодѣянiе не есть личная обида, а грѣхъ передъ Богомъ, и расторженіе брака совершается не ради претензіи оскорбленнаго супруга, ибо, по-христіански, скорѣе требовалось бы прощенье, а во имя тайнодѣйственной святости брака; расторгая бракъ, Церковь лишь удостовѣряетъ фактъ, что, при взаимномъ прелюбодѣянiи, брачнаго союза, какъ таковаго, не существуетъ. Обоюдное прелюбодѣянiе болѣе, чѣмъ одностороннее, создаетъ трагическое положеніе обоихъ супруговъ, поему слѣдуетъ помочь супругамъ освободиться отъ вѣчной лжи и фальши и вступить на лучший жизненный путь. Возможность христіанскаго возрожденія <sup>4)</sup> виновныхъ супруговъ въ новомъ бракѣ или жизни перевѣшиваетъ отрицательныя стороны развода.

1) Замѣчанія... 2 стр.

2) Къ вопросу... 43—50 стр.; см. 42 статью дѣйствующаго гражданскаго закона.

3) Проектъ... Совѣщанія 1908—9 г. 47—8 стр., 6—11 стр.

4) См. любопытное письмо С. М-вой въ „Семейномъ Вопросѣ“. II т. 401—2 стр.

*Двоебрачіе.* Съ прелюбодѣянiемъ нерѣдко смѣшиваютъ двоебрачіе, о которомъ говорится въ 40—41 ст. Гражд. Зак. и 214 ст. Уст. Дух. Консistorій. Совѣщаніе 1907 г. и проф. Суворовъ не упомянули его въ числѣ поводовъ къ разводу: виновный въ немъ можетъ не совершить оскорбительнаго, безстыднаго дѣйствія <sup>1)</sup>. Проф. Бердниковъ высказалъ противоположный взглядъ на него, но за то оба <sup>2)</sup> они содомію и скотоложство признали законнымъ поводомъ къ разводу, такъ какъ ими бракъ оскверняется не меньше, чѣмъ въ прелюбодѣяніи, и въ англійскомъ, нѣмецкомъ и венгерскомъ законѣ они ставятся на ряду съ прелюбодѣянiемъ и у насъ наказуются по Уложенію о наказаніяхъ 1845 г. Проф. Бердниковъ, кромѣ сего, предлагалъ въ качествѣ повода къ разводу вытравленіе плода и намѣренное воспрепятствованіе зачатію, совершаемое по обоюдному желанію супруговъ, наказуемое уголовно.

*Жестокое обращеніе одного супруга съ другимъ.* Не менѣе разрушительно вліяетъ на бракъ и жестокое обращеніе одного супруга съ другимъ. Оно въ древней Церкви, въ византійскомъ законѣ <sup>3)</sup> и у насъ до XIX столѣтія было поводомъ къ разводу <sup>4)</sup>. Комиссія 1902 г., Предсоборное Присутствіе и Совѣщаніе 1907 года, признали его поводомъ къ разводу. „Думаю“, замѣтилъ тогда проф.-прот. М. Герчаковъ, „что эта мѣра можетъ благотворно подѣйствовать на супружескую жизнь, остановить среди простого народа многихъ буяновъ-мужей отъ жестокаго обращенія <sup>5)</sup>. Правительство въ данномъ случаѣ пошло навстрѣчу облегченія положенія обиженной стороны въ бракѣ, выдавая паспортъ помимо согласія другой стороны, разрѣшая не слѣдовать за супругомъ, переселяемымъ по приговору общества <sup>6)</sup>, а по закону 12 марта 1914 г., обязывая обидчика

<sup>1)</sup> Замѣчанія... 49 стр.

<sup>2)</sup> Замѣчанія 11; Къ вопросу...

<sup>3)</sup> Бердниковъ, И. С. Курсъ церк. права.

<sup>4)</sup> Кулишперъ. Разводъ. 177—182 стр.

<sup>5)</sup> Журналы 136—138 стр. IV т. (II). Проектъ. Совѣщанія 1908—9 г. 24—7 стр.

<sup>6)</sup> Уставъ о осылкахъ, 225 ст. (Томъ XIX, изд. 1890 г.).

содержать обиженного супруга, имѣющаго жить раздѣльно съ нимъ. Хотя приведенное постановленіе Совѣщанія и вызвало кое-какія возраженія и указанія на субъективный характеръ понятія о жестокомъ обращеніи <sup>1)</sup>, но въ общемъ было поддержано Совѣщаніемъ 1908—9 г., вопреки митр. Владиміру, который, основываясь на 9 правилѣ св. Василия Великаго, настаивалъ на отклоненіи этого повода къ разводу. Это Совѣщаніе, вмѣстѣ съ авторами Новаго Гражданскаго Уложенія, признало поводомъ къ разводу и покушеніе одного супруга на жизнь другого, связавъ его съ жестокимъ обращеніемъ <sup>2)</sup>, что, по мнѣнію проф. Суворова, несправедливо, потому что оно можетъ исходить отъ супруга, который держитъ себя тише воды, ниже травы <sup>3)</sup>.

*Продолжительное злонамѣренное оставленіе однимъ супругомъ другого.* Въ корнѣ подрываетъ семейную жизнь продолжительное злонамѣренное оставленіе однимъ супругомъ другого. Въ дѣйствующемъ законѣ и въ проектѣ Новаго Гражданскаго Уложенія оно не упомянуто, хотя на Западѣ съ недавняго времени признается поводомъ къ разводу: послѣдній является юридическимъ санкціонированіемъ фактически расторгнутаго брака. Проф. Заозерскій представилъ Предсоборному Присутствію докладъ, въ которомъ, основываясь на 9, 35 и 46 правилахъ св. Василия Вел., провелъ мысль о необходимости послѣдовать примѣру Запада. Основаніемъ для нея онъ выдвинулъ слѣдующія положенія: разводъ по этой причинѣ дастъ выходъ изъ ужаснаго положенія многимъ супругамъ, ежитіе которыхъ въ первомъ бракѣ не удалось по причинамъ, нерѣдко отъ нихъ независящимъ; оно будетъ средствомъ обуздывающимъ легкомысленное отношеніе къ супружескимъ обязанностямъ со стороны вѣтренныхъ мужей и женъ, какъ постоянная угроза утраты супружескихъ правъ; при принятіи его исчезнутъ фиктивные браки, служащіе нынѣ юридическимъ прикрытіемъ распутства. Предсоборное Присутствіе (3-й отдѣлъ его), выслу-

1) Суворовъ. Замѣчанія: 21—27, 49 стр. проф. Загоревскій. Слб. Вѣдомости, 1907 г. № 225.

2) Проектъ... 24—27 стр.

3) Замѣчанія... 49 стр.



шавъ этотъ докладъ, признало пятилѣтнее злонамѣренное оставленіе однимъ супругомъ другого поводомъ къ разводу<sup>1)</sup>. Совѣщаніе 1907 г. поступило такъ же, только сократило срокъ до 3 лѣтъ, такъ какъ и „каноны признавали его и Русская Церковь въ XVIII в., и оно влечетъ за собою глубокой семейный разладъ, въ корнѣ подорванную супружескую жизнь“<sup>2)</sup>. Однако эти доводы оказались неубѣдительными для членовъ Совѣщанія 1908—9 г., не признавшего этотъ поводъ; по слѣдующимъ мотивамъ: каноны и византійскіе законы не знаютъ его; на практикѣ онъ встрѣчается рѣдко; съ христіанской точки зрѣнія невозможно согласиться на введеніе этого явленія въ число поводовъ къ разводу, такъ какъ въ этомъ случаѣ бракъ, освященный таинственно, поставлялся бы въ зависимость отъ простаго произволенія человѣка; открылся бы широкій просторъ для злоупотребленій, особенно нынѣ, при необходимости отлучаться на заработки вдали отъ семьи<sup>3)</sup>.

Есть еще одинъ видъ оставленія однимъ супругомъ другого: ссылка, причина которой лежитъ въ дурныхъ поступкахъ перваго супруга. По дѣйствующему закону, ссылка на каторгу съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, на житіе въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ, — служитъ поводомъ къ разводу, право же иска развода принадлежитъ обоимъ супругамъ<sup>4)</sup>, т. к. они лишаются единства плоти и духа. Григоровскій предложилъ предоставить это право и ссылаемымъ въ отдаленныя, не сибирскія губерніи, и въ Сибирь за бродяжничество „ибо тогда уменьшилось бы число раббоекъ, побѣговъ, сократилось бы бездомство, развратъ и пьянство ссыльныхъ, которые бы вступили въ новый бракъ“<sup>5)</sup>. Предсоборное Присутствіе (3-й отдѣлъ) поводомъ къ разводу признало всякую административную и судебную ссылку<sup>6)</sup>, а Совѣщаніе 1907 г. — только ссылку съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и право иска развода предоставило только невиновному супругу, т. к. бракъ фактически тогда уничто-

1) Журналы... IV т. 125—138.

2) Проектъ... Совѣщанія 1908—9 г. 30—33 стр. Кулишеръ. Разводъ... 204—276; ст. Розанова въ „Новомъ Времени“ — №№ 8986 и 11206.

3) Проектъ 30—38, 165—174 стр.

4) Томъ X, 1 ч. 48, 50 стр.

5) Причины развода... 1898 г. (89 стр.) 62—72 стр.

6) Журналы IV т. 188 (III).

женъ, виновный супругъ лишенъ и семейственныхъ правъ, а невиновнаго—нельзя заставить нести незаслуженное наказаніе, и такимъ образомъ лишило, виновнаго супруга права дарованнаго ему гражданскимъ закономъ. Совѣщаніе же 1908—9 г., сообразно съ проектомъ новаго гражданскаго Уложенія, изд. 1905 года, признало поводомъ къ разводу ссылку на каторгу и на поселеніе и право иска о разводѣ дало и виновному супругу. <sup>1)</sup>

Жизнь выдвинула въ качествѣ повода къ разводу еще видъ намѣреннаго оставленія однимъ супругомъ другого: обращеніе въ православіе или же отступленіе отъ православія; дозволеніе развода въ этомъ случаѣ мотивируется высшимъ принципомъ свободы совѣсти и опасностью протекающихъ изъ религіозныхъ несогласій, вражды и притѣсненій между супругами. Впервые этотъ поводъ, обсуждался на Всероссійскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ въ Кіевѣ и рѣшенъ имъ положительно. <sup>2)</sup> Совѣщаніе 1907 г. подробно разобрало этотъ поводъ и включило его въ число законныхъ, однако не дало православному супругу права просить развода, согласно заповѣди ап. Павла, (1 Коринѣ., VII, 12—14). Проф. Бердниковъ И. С., Сувововъ, митр. Антоній (Вадковскій) тоже высказались за этотъ поводъ, послѣдній съ предоставленіемъ права иска и православному супругу. <sup>3)</sup> Профес. Загоревскій замѣтилъ, что этого повода Западная Европа не знаетъ, кромѣ Саксонскаго Закона. <sup>4)</sup> Совѣщаніе 1908—9 г., считая, что при отпаденіи въ „нехристіанство“, совершенно невозможно осуществленіе цѣлей православнаго брака; въ цѣляхъ огражденія религіозной совѣсти и нравственной личности православнаго супруга и дѣтей его, высказалось за этотъ поводъ, предоставивъ инициативу развода и ему, согласно заповѣди ап. Павла <sup>5)</sup> (1 Коринѣ. VII, 16).

*Поступленіе въ монашество.* Оба эти Совѣщанія не упоминали о поступленіи въ монашество, какъ поводѣ къ разводу. По закону разрѣшается вступать въ монашество

1) Проектъ... 16—20, 136—142 стр.

2) Церковный Вѣстникъ за 1908 г. № 31, ср. Миссіонерское Обозрѣніе за 1908 г. № 12.

3) Къ вопросу... 55—60; Замѣчанія... 45—8 стр.

4) Спб. Вѣдомости, 1907 г. № 225.

5) Проектъ 20—25, 68—91.

только одновременно обоимъ супругамъ. 1) И. С. Бердниковъ предложилъ включить это въ число поводовъ, хотя при нѣкоторыхъ условіяхъ, причисливъ его къ числу безобидныхъ поводовъ къ разводу (*bona gratia*), что было въ Византіе. 2)

*Безвѣстное отсутствіе одного изъ супруговъ.* Бракъ *de facto* перестаетъ существовать, когда супруги разлучаются, поэтому безвѣстное отсутствіе одного изъ супруговъ, явившееся слѣдствіемъ непредвидѣнныхъ и печальныхъ обстоятельствъ, признается поводомъ къ разводу и Закономъ. 3) Но т. к. теперь жизнь течетъ быстрѣе и сношенія значительно облегчились, то Совѣщаніе 1907 г. сократило срокъ до 3 лѣтъ, для женъ воиновъ до 2 лѣтъ, 4) что признано и новымъ Закономъ, 5) 19 сентября 1907 г. м. Владиміръ, основываясь на 31 правилѣ св. Василія Великаго высказался противъ этого повода, но Совѣщаніе 1908—9 г. согласилось съ Совѣщаніемъ 1907 г., признавъ лишь необходимымъ улучшить процессуальную часть развода, чтобы не было развода по фиктивному безвѣстному отсутствію. 6)

*Сумасшествіе.* Жизнь подарила намъ еще новымъ видомъ оставленія одного супруга другимъ, разрушающимъ бракъ: неизлѣчимой душевной болѣзнію. По мнѣнію 6-го и 7-го Пироговскихъ съѣздовъ, душевнобольной супругъ, хотя своимъ тѣломъ и присутствуетъ вблизи другого супруга, но своимъ самосознаніемъ не имѣетъ никакого общенія съ нимъ, потому что эта болѣзнь знаменуетъ собою психическую смерть. Поэтому въ Швейцаріи, Саксоніи, Пруссіи, у русскихъ лютеранъ и въ Византіи она признается поводомъ 7). У насъ же таковымъ признается лишь добрачное сумасшествіе 8). Вопросъ о разводѣ по этой причинѣ былъ поднятъ у насъ докторомъ Штейнбергомъ въ 1895 г. на съѣздѣ русскихъ

1) Зак. т. IX. 413 ст. 1 п.; 252 ст.

2) Къ вопросу... 116—117 стр.

3) Уставъ Дух. Консисторій ст. 230—31; зак. X, 1 ч. ст. 54.

4) Проектъ... 16—17 стр.

5) Красноженъ М. современное законодательство, 4 стр.

6) Проектъ... 119—128 стр.

7) Бердниковъ. Кр. курсъ церковнаго права, 115—116.

8) Уставъ дух. консисторій 205, 208 ст.; Зак. томъ X, ч. I, 37; 38.

врачей. Послѣдній рѣшилъ его въ благопріятномъ смыслѣ. Въ томъ же году Полежаевъ прочелъ докладъ объ этомъ въ Юридическомъ Обществѣ, а проф. Воротынской — въ Казанскомъ университетѣ. Послѣдній въ своемъ докладѣ, указавши на то, что душевная болѣзнь, измѣняя всю психическую личность человѣка, прекращая духовное единеніе между супругами, этимъ нарушаетъ основную мысль брака, какъ союза любви, единомыслія и единопущія, — пишетъ: „несправедливо“ и „безчеловѣчно“ „обрекать здоровую сторону на пожизненное несеніе на себѣ всей тяжести брачныхъ узъ, лишать ее радостей жизни, подвергать ее при этомъ матеріальнымъ лишеніямъ и нравственнымъ страданіямъ“, подвергать „большой опасности потомство, которое можетъ наслѣдовать предрасположеніе къ душевнымъ заболѣваніямъ“. Когда брачныя узы являются тягостію и брака *de facto* нѣтъ, тогда запрещеніе развода способно лишь ускорить начавшееся нравственное разложеніе семьи и подавить всякую вѣру въ святость брака и въ нравственную силу брачнаго союза. Даже католичество подъ давленіемъ жизни должно было допустить *séparation de corps* (*separatio quoad mensam et torum*). Поэтому, по его мнѣнію, нужно разрѣшить разводъ по неизлѣчимой душевной болѣзни при условіи обезпеченія больного супруга, что только упрочитъ святость брака и укрѣпитъ основы семейнаго счастья<sup>1)</sup>. Психіатрическія общества въ столицахъ и въ Казани, столичныя собранія врачей и Юридическое Общество признали, что пятилѣтнее неизлѣчимое сумасшествіе, заовидѣтельствовавшееся 3 психіатрами, при условіи помѣщенія больного въ спеціальную больницу, должно служить поводомъ къ разводу<sup>2)</sup>. Если въ этомъ виновенъ здоровый супругъ, то онъ лишается, по мнѣнію Юридическаго Общества, права искать расторгенія брака. Возникшія возраженія вызвали дальнѣйшую разработку даннаго вопроса: указывали, что со стороны Св. Синода не встрѣчается препятствій, что больной супругъ не испытываетъ потери, если здоровый вступитъ въ другой бракъ, что эта болѣзнь неизлѣчима и т. п. На

1) Душевная болѣзнь... какъ поводъ къ расторгенію брака... 8—14 стр.

2) Напр., Журн. М. Юстиціи 1899. № 3.

основаніи всего этого Медицинскій Совѣтъ М. В. Дѣлъ призналъ введеніе закона о разводѣ по сумасшествію одного изъ супруговъ необходимымъ и въ 1906 г. возбудилъ вопросъ въ св. Синодѣ о включеніи его въ число поводовъ къ разводу<sup>1)</sup>. Въ печати многіе высказались горячо за этотъ поводъ<sup>2)</sup>, но, несмотря на это, проектъ Новаго Уложенія счелъ „недостаточно осторожнымъ“ внести въ число поводовъ къ разводу неизлѣчимую душевную болѣзнь одного изъ супруговъ, потому что „русскій бракъ построенъ на началахъ религіозныхъ“. Исходя изъ того, что бракъ есть таинство, расторженіе его можетъ быть допущено только въ случаѣ нарушенія святости брака<sup>3)</sup>. Въ защиту этой мысли приводили то соображеніе, что выздоровѣвшій супругъ лишается семейнаго очага. Ни въ чемъ неповинному несчастному, въ случаѣ развода, закрываются двери его пріюта, который занять теперь чужими людьми. Но картина ужасна и безъ выздоровленія: съ одной стороны несчастный безумный, сидящій въ больницѣ, а съ другой — здоровый супругъ, основывающій новую семью, пользующійся всѣми радостями жизни. Эти мысли и были приняты во вниманіе авторами Уложенія, придерживавшимися проекта нѣмецкаго Уложенія<sup>4)</sup>.

Предсоборное Присутствіе высказалось за этотъ поводъ, хотя проф. Чижъ, имѣя въ виду излеченіе сумасшествія, высказался противъ него<sup>5)</sup>. „Бракъ“ съ сумасшедшимъ „одна форма“, можетъ быть толчкомъ ко злу: можетъ повести здороваго супруга къ прелюбодѣянью. Если законъ не находитъ возможнымъ признать дѣйствительными браки, заключенные при сумасшествіи одного изъ брачующихся, то, оставаясь послѣдовательнымъ, долженъ не признавать и возможности продолженія такихъ „браковъ“ (Алмазовъ проф.). Совѣщаніе 1907 г. включило въ число поводовъ къ разводу трех-

1) Журналы Предсоб. Прис. IV, 131—135 стр.

2) Напр., Григоровскій „Причины развода“ 85—6, „Христ. Чтеніе“ 1906, № 12. Ср. Журналъ Юрид. Общества 1896 г. № 10.

3) Мысль эта Завадскаго (Право 1899 г. № 15, 797—8), но принята авторомъ проекта.

4) Вланшъ и Дашамбръ въ засѣданіи Медицин. Академіи 9 мая 1882 г. Журн. Юрид. Общ. 1896 г., окт., 49 стр.; Христ. Чт. 1906, № 12 стр. 832—4.

5) Журналы 114—138 стр.

дѣтнее сумасшествіе, при условіи обезпеченія больного<sup>1)</sup>. Къ этому въ общемъ отнеслись сочувственно проф. Загоровскій и И. С. Бердниковъ, заявившій, что „цѣлесообразно“ дозволить оставшемуся супругу приобрѣсти для дѣтей новаго отца или другую мать. Моральныхъ препятствій къ разводу по душевной болѣзни... не оказывается<sup>2)</sup>. Совѣщаніе 1908—9 г. согласилось съ этимъ съ нѣкоторыми оговорками. Членами его были высказаны принципиальныя соображенія по этому поводу, напр., „Супруги должны заботиться объ обнаруженіи чувствъ взаимнаго доброжелательства, а не о расторгеніи брака... Ежели всякое тяжелое несчастіе будетъ поощрять супруговъ не къ нравственному скрѣпленію ихъ союза, а къ стремленію расторгнуть этотъ союзъ, то едва ли не утратится существенный смыслъ самого брака... Причины душевной болѣзни... темны, но угнетающаго свойства психическія воздѣйствія занимаютъ среди нихъ первое мѣсто. Можетъ быть, здоровый супругъ и виновникъ. Нравственное мучительство получаетъ незаслуженную привиллегію... Хочешь добиться развода, обращайся съ супругомъ, какъ можно хуже“. (С. М. Лукьяновъ). На слова проф. Н. Н. Глубоковскаго, что „мотивы нравственно-психическаго свойства, конечно, симпатичны, но они не имѣютъ никакой рѣшительной силы для законовъ, для которыхъ требуется строгаго юридическаго основаніе“, справедливо отвѣтилъ ец. Евлогій, что „они все же должны лежать въ основѣ юридическихъ нормъ“<sup>3)</sup>.

*Неспособность къ брачному сожитію.* Въ жизни часто наблюдаются и другія явленія, также вредно отзывающіяся на бракъ, извращающія его идейный смыслъ, напр., неспособность къ брачному сожитію, тяжкія заразныя болѣзни, пьянство.

Первая у разныхъ народовъ служила поводомъ къ разводу<sup>4)</sup>, а у насъ по закону природная, добрачная неспособ-

1) Проектъ... 26—29 стр.

2) Спб. Вѣд. № 225 за 1907 г.; къ вопросу... 31—40 стр. Въ допущеніи его „не видятъ риска“ и авторы Новаго Уложенія...

3) Проектъ... 131—144.

4) Кулишнеръ. Разводъ, 34—55, 194—200; Малышевъ. Курсъ Общ. Гражд. Права. I т. 384—6 стр.

ность къ брачному сожитію является поводомъ къ разводу, если прошло три года со времени совершенія брака<sup>1)</sup>. Хотя законъ ее не опредѣляетъ, но, изъ практики св. Синода видно, что она понимается исключительно, какъ физическая неспособность къ совершенію полового акта. Противъ такой узкой точки зрѣнія на нее, нѣкоторые возражали; говорили, что она не менѣе смерти, ссылки разрушаетъ бракъ, такъ какъ представляетъ изъ себя естественное и непреодолимое препятствіе къ осуществленію всей полноты идеи брака, существо котораго слагается не только изъ элемента этического, т. е. полнаго и всесторонняго общенія разнообразныхъ жизненныхъ интересовъ между супругами (*consortium omnis vitae*), но и изъ физическаго, вполнѣ естественнаго: бракъ есть „мужеви и жени сочетаніе“ (Кормчая), *coniunctio carnis*, т. е. половой союзъ мужа и жены (Мѡ. XIX, 5—6 ст.). Нужно половую неспособность — признать за поводъ, чтобы оградить здороваго супруга отъ постоянной опасности прелюбодѣянія<sup>2)</sup>. За границей и у лютеранъ и евреевъ въ Россіи<sup>3)</sup> послѣбрачная неспособность къ брачному сожитію служитъ поводомъ къ разводу. На этомъ основаніи, между прочимъ, и у насъ высказались за включеніе ее въ число поводовъ къ разводу, а для добрачной — предложили сократить срокъ<sup>4)</sup>. Совѣщаніе 1907 г.<sup>5)</sup> согласилось съ этимъ, но съ маленькой оговоркой, не измѣняющей существа дѣла, включивъ въ понятіе неспособности и субъективную психическую импотенцію, при чемъ проф. Бертенсонъ и Отто указали, что надо обратить главное вниманіе на неспособность къ дѣторожденію. Церковь, расторгая браки по неспособности къ брачному сожитію и не допуская развода въ случаѣ неспособности къ дѣторожденію, освящаетъ какъ бы стремленіе супруговъ лишь къ плотскому наслажденію.<sup>6)</sup>

1) Т. X, ч. 1, ст. 48—49; Уставъ дух. консисторій 242—243 ст.

2) Вердниковъ И. О. Краткій курсъ церк. права... 74, 113, 129 стр.

3) Малышевъ. Курсъ Общ. гражд. права. I т. 384—6 стр.

4) Церк. Вѣстникъ за 1906 г. № 48; Григоровскій. Причины развода 74—5; Журналы Предсоб. Присут. IV т. 117—118 стр. (10).

5) Проектъ... 12—17 стр.

6) Руководство для сельскихъ пастырей 1910 г. № 7. Въ Римскомъ правѣ эта неспособность смѣшивалась съ безплодіемъ. Кулишеръ. Разводъ... 129 стр.

Такое постановленіе, конечно, вызвало серьезные и справедливыя возраженія со стороны компетентныхъ лицъ въ данномъ вопросѣ. Указывали на то, что Совѣщаніе, подъ вліяніемъ откровеній медицинской экспертизы, расширило рамки неспособности до невозможнаго. Неспособность, нажитая въ періодъ супружества, можетъ явиться слѣдствіемъ полового переутомленія или распутства, она временна и не можетъ равняться съ природной. Признаніе за нею значенія повода къ разводу не согласно съ духомъ церковной дисциплины, дѣлающей снисхожденіе только въ случаяхъ положительной необходимости и не въ ущербъ общему правилу. Психическая субъективная неспособность не можетъ подлежать регламентаціи; законъ устанавливаетъ нормы для обыкновенныхъ явленій жизни. Признаніе за нею значенія повода къ разводу широко раскрыло бы дверь произволу и распущенности, дверь для ухищреній въ дѣлѣ развода для водворенія у насъ осужденной Церковію системы свободныхъ разводовъ. „Нѣтъ, сохрани насъ Богъ“, восклицаетъ проф. И. С. Бердниковъ <sup>1)</sup>, „отъ такихъ вредоносныхъ узаконеній, могущихъ льстить только разслабленному физически и нравственно обществу“. Нельзя это нововведеніе признать, „полезнымъ“, и по мнѣнію проф. Суворова, и нѣтъ достаточныхъ основаній <sup>2)</sup> для его признанія законнымъ.

Затѣмъ, совѣщаніе внесло новое основаніе для развода: неспособность къ дѣторожденію. Такъ какъ дѣторожденіе не считается исключительною и единственною цѣлью брака, то оно неизвѣстно какъ положительному западно-европейскому праву, такъ и нашему въ качествѣ повода къ разводу, только въ старину у насъ безплодіе считалось такимъ поводомъ. Если признать этотъ поводъ то явится недоумѣніе: какъ понимать „появленіе неспособности къ дѣторожденію до брака?“... Кромѣ самыхъ исключительныхъ случаевъ можно ли говорить о безспорной и несомнѣнной неспособности къ дѣторожденію? „Вообще тутъ“, по мнѣнію проф. Загоровскаго „многое спутано и невыяснено“ <sup>3)</sup>. Проф. И. С.

1) Къ вопросу... 38—39 стр.

2) Замѣчанія... 13—15 стр. 50.

3) Спб. Вѣд. № 225 за 1907.



Бердниковъ <sup>1)</sup> указалъ еще на то, что дѣторожденіе „не главная цѣль брака. Узаконеніе этого повода къ разводу повело бы къ укорамъ и распрямъ между супругами въ случаѣ неурожая на дѣтей. А съ другой стороны, бездѣтность давала бы супругамъ самый легкій способъ достигнуть развода въ случаѣ ихъ обоюднаго желанія разойтись. И эта легкость представляла бы громадную опасность для общества, особенно въ виду распространяющейся нынѣ среди интеллигенціи моды искусственно прививать неспособность къ дѣторожденію, чтобы избѣжать хлопотъ, съ которыми сопряжено рожденіе и воспитаніе дѣтей“... Стави наравнѣ съ природной неспособностью насильственное оскопленіе, онъ предлагаетъ какъ его, такъ добровольное оскопленіе, считать поводомъ къ разводу, тѣмъ болѣе, что первое служило поводомъ къ разводу съ 1824 г. <sup>2)</sup>, а Новое Гражданское Уложеніе распространило это правило на мужей, въ случаѣ оскопленія ихъ женъ <sup>3)</sup>.

Совѣщаніе 1908—9 г., принявъ во вниманіе эти разсужденія, и основываясь на канонахъ, законѣ <sup>4)</sup> и практикѣ Синода, признало поводомъ къ разводу „органическую, добрачную неспособность къ брачному сожитію (*impotentia coeundi*) или дѣторожденію (*imp. generandi*), и намѣренное оскопленіе послѣ брака“. Оно исключило изъ числа поводовъ къ разводу субъективную неспособность, причина которой заключается въ отвращеніи одного супруга къ другому, потому что такихъ настроеній, какъ уклоненіе отъ обязательныхъ для православнаго брака христіанскихъ чувствъ любви и уваженія одного супруга къ другому, Церковь никогда не можетъ признавать за бракорасторгающіе поводы. Исключена имъ и послѣбрачная неспособность, — въ соотвѣтствіи съ церковной точкой зрѣнія на христіанскій бракъ, который для вступающихъ въ бракъ и уже вступившихъ въ него долженъ представляться не средствомъ къ наслажденію, а подвигомъ..., тяжелымъ крестомъ, при несеніи котораго супруги

<sup>1)</sup> Къ вопросу... 36—39 стр.; Замѣчанія..., проф. Суворова 50 стр. Онъ того же мнѣнія объ этомъ.

<sup>2)</sup> 8 янв. 1824 г. II-Собр. Зак. № 29728.

<sup>3)</sup> Комис. Н. Гр. Улож. 1 т. 330.

<sup>4)</sup> Номоканонъ м. Фотія. Уставъ Духовн. Конс.; Зак. т. X, ч. I. Проектъ... 18—17, 108—114 стр.

должны направлять свои усилія ко взаимной поддержкѣ, а не устремляться изъ брака въ сторону плотскихъ вождельній. Съ этой, и житейской точки зрѣнія человѣкъ обязанъ напередъ, при вступленіи въ бракъ, знать и предвидѣть возможность потери другимъ супругомъ половой способности, вѣроятную или даже неизбѣжную при человѣческой болѣзненности, наступающую для всѣхъ съ годами, слѣдовательно, независящую отъ произволенія человѣка. Добрачная же неспособность, какъ привносящая элементъ разложенія въ самыя основы брака, имъ принята... Поэтому имъ исключени право больного супруга вступать въ новый бракъ.

*Заразныя болѣзни.* Что касается сифилиса, то онъ самъ по себѣ, какъ извѣстно, нынѣ хотя и не является поводомъ къ разводу, но какъ результатъ прелюбодѣянія, считается въ качествѣ послѣдняго <sup>1)</sup>. У протестантовъ въ Россіи онъ является поводомъ къ разводу <sup>2)</sup>. Новое Уложеніе упомянуло „о прилипчатой болѣзни“, какъ причинѣ развода. Имѣя въ виду вредъ, приносимый имъ, многіе сочли нужнымъ внести его въ число поводовъ къ разводу. „Существованіе такого брака,“ писалъ, напр., Григоровскій, „гдѣ одинъ изъ супруговъ страдаетъ сифилитическою болѣзнію, прямо таки невысказано... Супружеское сожителство съ сифилитикомъ присоединить къ одному больному другому, а въ случаѣ появленія потомства отъ такого сочетанія, дастъ цѣлую семью несчастныхъ больныхъ людей... Здѣсь разводъ необходимъ въ интересахъ всего общества“ <sup>3)</sup>. Третій Отдѣлъ Предсоборнаго Присутствія, Совѣщаніе 1907 г. <sup>4)</sup>, проф. И. С. Бердниковъ и Суворовъ высказались за этотъ поводъ, но съ нѣкоторыми оговорками <sup>5)</sup>. Съ ними не согласился м. Владиміръ. Совѣщаніе 1908-9 г., считая, что при немъ „невозможно достиженіе цѣлей христіанскаго брака, особенно же благословеннаго рожденія“, и онъ, хотя и вымѣчивается и дѣлается безопаснымъ, но „вредныя его послѣдствія для потомства не-

1) Пр. Св. Синода 1809 г. 26 мр. № 96.; 1833 г. 15 м. № 69.

2) Уставы: Ин. Исп. 260 и Еванг. Церкви 1832 г. § 127.

3) Причины развода... 88-9 стр.; ср. Чистяковъ. Осн. леч. борьбы съ сифилисомъ 1897 г. 4-5 стр.

4) Журналы... IV, 115, 138 стр., Проектъ 28-31 стр.

5) Къ вопросу... 41; Замѣчанія... 21.

сомнѣнны," высказалось за него. 1) Вопросъ о сифилисѣ дебатировался очень оживленно у насъ въ Россіи. Причины этого заключаются во-первыхъ, въ быстромъ и широкомъ распространеніи его у насъ, 2) и, во-вторыхъ, въ губельномъ вліяніи его на самого больного и окружающихъ его людей. 3) Губельное вліяніе его неотвратимо, заразиться имъ можно и путемъ простаго житейскаго взаимообщенія. Плохо залѣченный у здороваго на видъ человекъ можетъ вызвать душевное заболѣваніе. Общій параличъ и табесъ есть послѣдствіе его 4). Достаточно вспомнить дѣло Кипарисова, въ свое время очень на шумѣвшее 5). Средство пр. Эрлиха „606“ произвело много шума и получило широкое употребленіе, но „специалисты воздерживаются отъ окончательной формулировки своего мнѣнія о немъ. 6) Поэтому вопросъ о немъ окончательно не рѣшенъ. Да и на Западѣ, кромѣ Пруссіи и Саксоніи, не знаютъ сифилиса въ качествѣ повода къ разводу. 7)

Въ качествѣ поводовъ къ разводу предлагали еще другія болѣзни напр., хроническія, венерическія, принятыя въ качествѣ поводовъ Предсоборнымъ Присутствіемъ. 8) Совѣщаніе отклонило это предложеніе. Одинъ епископъ Гурій (Новгородскій) предложилъ принять проказу въ качествѣ повода къ разводу, но м. Владиміръ, основываясь на правилѣ св. Василія В. (9-мъ), еп. Инокентій, пр. Глубоковскій, высказались противъ проказы, какъ повода къ разводу, ввиду ея незаразительности, излечимости и рѣдкости. 9)

*Пьянство.* Въ качествѣ повода къ разводу предлагали принять „русскую болѣзнь“—пьянство, такъ широко распространившееся у насъ и съ такимъ трудомъ искореняемое. Оно съ очевидностью разрушаетъ физическія и моральныя силы, вноситъ ужасъ и разореніе въ семьи, особенно въ крестьян-

1) Проектъ 1908-9 г. 158 стр., ср. 28-31, 131-158 стр.

2) По признанію сѣзда сифилитологовъ въ Спб. 1901 г.

3) Мечниковъ И. И. Биржевыя вѣдомости. № 11103 за 18 мая 1909 г.

4) Русскія вѣд. за 1910 № 147.

5) См. напр. Новое Время № 11438.

6) Докладъ д. Агадшяянца въ обществѣ психіатровъ. Рѣчь за 1910 г. № 193. Русскія вѣд. за 1910 г. № 147.

7) Загоровскій, Спб. вѣд. № 225. за 1907 г.

8) Журналь IV, 137-8 (III).

9) Проектъ 193, 158—163.

скія, влечетъ перерожденіе организма, особенно нервной ткани, такъ что рассчитывать здѣсь на улучшение, пожалуй, невозможно. <sup>1)</sup>

Таковы поводы къ разводу, выдвинутые жизнью, и одновременно обсуждавшіеся компетентными учрежденіями и лицами, въ отношеніи къ которымъ большинство ихъ пришло къ болѣе или менѣе единогласному рѣшенію.

#### ГЗАВА IV.

##### Раздѣльное жительство супруговъ.

Чтобы поднять уровень современной семейной жизни, многіе предложили введеніе въ жизнь раздѣльнаго жительства, узаконеннаго 12 марта 1914 г., потому, что этотъ институтъ имѣетъ тѣсную связь съ брачнымъ разводомъ и <sup>2)</sup> вызванъ къ бытію потребностями современной жизни. Онъ часто бываетъ необходимъ для прекращенія хотя и на время семейнаго неурядства и полезень, потому, что заставитъ враждующихъ супруговъ опомниться, придти къ примиренію и возстановитъ нормальную брачную жизнь, во многихъ случаяхъ онъ можетъ замѣнить разводъ. Онъ меньшее зло, чѣмъ разводъ, поэтому онъ долженъ быть предпочитаемъ разводу. Нужно его рекомендовать (Бердниковъ), и онъ прямо желателенъ. (Суворовъ). Въ Совѣщаніи 1908-9 г. были высказаны сужденія противоположныя, и оно постановило, что „на церковной почвѣ онъ ни возникнуть, ни допущенъ быть не можетъ“. <sup>3)</sup> Въ 1910 г. 73 Депутата Государственной Думы внесли законодательное предложеніе о немъ.

Такъ какъ здѣсь затрагивается самое церковное установленіе брака, то Министерство Юстиціи, чтобы избѣжать затрудненій, выработало новый законопроектъ о немъ, не какъ самостоятельномъ юридическомъ институтѣ, а какъ нормѣ взаимоотношеній супруговъ, въ случаѣ фактическаго разножительства нихъ. Св. Синодъ указалъ, что къ осуществленію этого не встрѣчаетъ препятствій, но не можетъ допустить установленіе этого института, какъ противорѣчащаго

<sup>1)</sup> Проектъ Совѣщанія. 133. Мысль С. М. Лукьянова, см. Рѣчь за 1910 г. № 293 Бехтерева Новое время № 12438.

<sup>2)</sup> Бердниковъ И. С. къ вопросу... заключеніе.

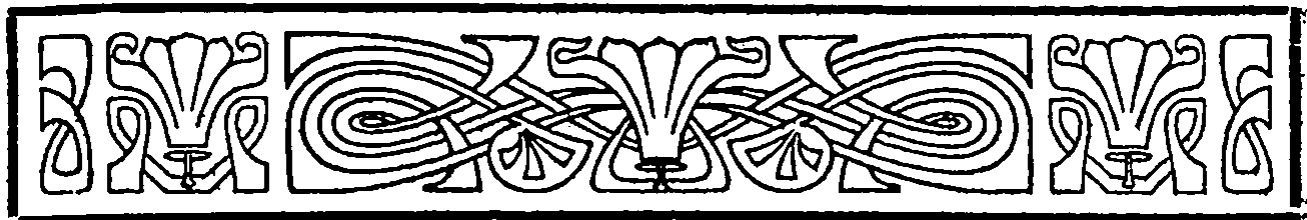
<sup>3)</sup> Проектъ... 166—182 стр.

канонамъ. Печать встрѣтила этотъ законопроектъ сочувственно, хотя и были высказаны опасенія, что онъ можетъ повести къ ослабленію брачныхъ обязательствъ, внести въ семью разложеніе, вызвать легкомысленное отношеніе къ браку. Въ 1914 г. онъ былъ узаконенъ. <sup>1)</sup>

*Сергій Богословскій.*



<sup>1)</sup> Новое Время № 12444. Церковный Вѣстникъ 1910 г. № 45; Колокольць № 1886, Рѣчь 1910 г. № 297, Колокольць 1379, Русское Слово 1910 г. № 257. Новое Время № 12447.



## Тайна вліянія одной личности на другую<sup>\*)</sup>.

### Убѣжденіе.

Надо жить! Вотъ они роковыя слова!  
Вотъ она роковая задача!  
Кто надъ ней не трудился, тоскуя и плача,  
Чья надъ ней не домилась отъ думъ голова?...  
(Надсонъ).

Изъ сверхчувственнаго міра въ чувственный постоянно открыты три окна, привлекающія вниманіе земного жителя: въ одно смотритъ красота, очаровывающая человѣка; въ другомъ—сіяетъ истина, просвѣщающая его, и въ третьемъ—предстоитъ добро, всего болѣе удовлетворяющее и привлекающее человѣка. Если заглянете въ первое окно—окно красоты, то все представится вамъ загадочнымъ и таинственнымъ, какъ бы подернутымъ очаровательной дымкой; если же посмотрите во второе—окно истины, то эта дымка начинаетъ какъ будто разсѣиваться и многое проясняется предъ вами, хотя и не достигаетъ до состоянія полной очевидности. *Истина есть свѣтъ, просвѣщающій человека, живущаго на землѣ.* Она дѣлается предметомъ его достоянія при внушеніи и убѣженіи. Убѣженіе представляетъ собою пятый способъ вліянія одного человѣка на другого. При внушеніи мысль принимается безъ доказательствъ, единственно по довѣрію къ компетентности и правдивости лица, внушившаго ее. На вопросъ: „Почему вы такъ думаете?“—владѣлецъ внушенной мысли обычно простодушно отвѣчаетъ: „Мнѣ такъ сказали“, или: „Я объ этомъ прочиталъ въ такой-то книгѣ“. Очевидно, мысль при внушеніи принимается, но не

<sup>\*)</sup> Продолженіе. См. журн. „Вѣра и Разумъ“, ян. 10, за 1916 г.

усваивается, какъ слѣдуетъ,—не дѣлается полнымъ достояніемъ человѣка. При убѣжденіи же извѣстная мысль принимается послѣ и на основаніи извѣстныхъ доводовъ, которые въ отношеніи къ принимаемой мысли играютъ роль какъ бы свиты: они не только сопровождаютъ ее, но и готовятъ для нея торжественный пріемъ и, по ея водвореніи въ сознаніи человѣка, упрочиваютъ ея положеніе.

Терминъ „убѣжденіе“, какъ и термины „зараженіе“, „внушеніе“, „очарованіе“, имѣетъ двоякій смыслъ: имъ обозначается и воздѣйствіе одного человѣка на другого, и то состояніе, которое получается въ результатъ этого воздѣйствія. Когда говорятъ: „Я занимаюсь убѣжденіемъ такого-то“, то употребляютъ терминъ въ первомъ смыслѣ, а когда заявляютъ: „Таково мое убѣжденіе!“, то употребляютъ терминъ во второмъ смыслѣ, какъ обозначеніе извѣстнаго состоянія. Намъ, въ зависимости отъ поставленной нами задачи, интересуется убѣжденіе, какъ воздѣйствіе одного человѣка на другого, но, чтобы понять, въ чемъ состоитъ это воздѣйствіе, намъ нужно предварительно проанализировать убѣжденіе, какъ психическое состояніе.

Убѣжденія человѣка очень многочисленны и многообразны. Они могутъ быть чисто научными (напр., убѣжденіе въ шарообразности земли, въ справедливости теоріи электроновъ), эстетическими (реализмъ въ искусствѣ, декадентство), политическими (монархизмъ, республиканство, анархизмъ), нравственными (эвдемонизмъ, утилитаризмъ, теорія нравственнаго долга), религіозными (православіе, католицизмъ, старообрядчество, атеизмъ) и случайно житейскими (убѣжденіе въ томъ, напр., что данная война окончится побѣдой такой-то стороны, что данный министръ—честный дѣятель).

Общею чертою всѣхъ перечисленныхъ убѣжденій будетъ то, что они своимъ предметомъ имѣютъ нѣчто внѣшнее въ отношеніи къ тому субъекту, которому они принадлежатъ. Не касаясь его лично, они могутъ относиться какъ къ предметамъ и явленіямъ матеріальнаго міра, такъ и къ существамъ и отношеніямъ духовнаго міра, безразлично—въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ времени. Относительно земли, напр., мы можемъ быть убѣждены, что она возникла милліоны лѣтъ тому назадъ, что она теперь

представляєть форму шара и что она нѣкогда разлетится въ куски. Можетъ служить предметомъ убѣжденія для даннаго челоуѣка и его внутреннее состояніе и его собственное дѣйствіе, но по большой части тогда, когда они относятся не къ прошедшему или настоящему, а къ будущему времени. Такъ, каждый можетъ быть убѣжденъ въ томъ, что онъ составитъ карьеру, достигнетъ счастья, подвергнется смерти, но никто не бываетъ убѣжденъ въ томъ, что онъ 10 лѣтъ тому назадъ былъ, напр., ученикомъ, а теперь состоять учителемъ. Отчего происходитъ такое различіе между предметами убѣжденія? Отчего во внѣшней дѣйствительности предметомъ моего убѣжденія можетъ быть прошедшее, настоящее и будущее, а во мнѣ лично—въ большинствѣ случаевъ—только будущее? Причина этого заключается въ томъ, что убѣжденіе есть вѣрованіе и потому можетъ относиться только къ тому, что я недостаточно знаю и что не могу провѣрить. Свое прошедшее и настоящее я знаю лучше, чѣмъ прошедшее и настоящее другихъ предметовъ и существъ, и потому оно рѣдко бываетъ предметомъ убѣжденія, мое же будущее мнѣ менѣе извѣстно и потому оно часто составляетъ предметъ и моего убѣжденія.

Какъ вѣрованіе, убѣжденіе противопологается знанію очевидному, основанному на непосредственномъ воспріятіи или на самоочевидности аксіомы. До изобрѣтенія жидкаго воздуха можно было говорить: „Я убѣжденъ въ возможности жидкаго воздуха“, послѣ же полученія жидкаго воздуха на моихъ глазахъ, послѣ изслѣдованія его своими внѣшними чувствами я не скажу, что *убѣжденъ* въ существованіи жидкаго воздуха, а скажу, что *знаю это, какъ фактъ*. Равнымъ образомъ никто не скажетъ: „Я убѣжденъ въ томъ, что цѣлое больше своей части“. Въ этомъ челоуѣкѣ *не убѣжденъ, онъ знаетъ это, и знаетъ не* на основаніи фактического сравненія цѣлаго съ частию, а *по самоочевидности* этого положенія, называемаго *аксіомой*. Всякое положеніе, не подлежащее фактической провѣркѣ и не вытекающее непосредственно изъ какой-ниб. аксіомы, должно быть отнесено къ числу вѣрованій, въ составъ которыхъ входятъ и убѣжденія. Возьмемъ всемъ школьникамъ извѣстное положеніе географіи, что земля имѣетъ форму шара. Даже и его нужно признать собственно вѣрованіемъ, а не очевид-



нымъ знаніемъ, потому что оно не можетъ быть отнесено ни къ фактамъ воспріятія, ни къ аксіомѣ. Вѣдь ни одинъ географъ не можетъ показать мнѣ, что земля шарообразна, хотя бы онъ и вознесъ меня такъ высоко надъ землею, насколько это возможно по успѣхамъ современной авіатики: все равно, я не увидѣлъ бы своими глазами шаровидности даже одной половины земли. Утвержденію географа о шаровидности земли не достаетъ полной очевидности,—той очевидности, которая свойственна факту и аксіомѣ. Итакъ всякое убѣжденіе есть вѣрованіе. Убѣжденіе, какъ вѣрованіе, заключаетъ въ себѣ сознаніе и чувство реальности того, о чемъ намъ не говоритъ ни непосредственное воспріятіе, ни самоочевидная аксіома. Не имѣя возможности воспріять шаровидности земли своими собственными глазами, я какъ бы ощущаю эту шаровидность. Мнѣ нужно или хочется знать, какова форма земли, но видѣть ее я не могу и потому составляю убѣжденіе о ней. *Убѣжденіе такимъ образомъ замѣщаетъ собою воспріятіе предмета, свойства и отношенія.*

Всякое убѣжденіе, какъ вѣрованіе, не доступное при данныхъ условіяхъ фактической провѣркѣ, можетъ поэтому оказаться ошибочнымъ и потому является въ большей или меньшей степени рискованнымъ сужденіемъ. Возьмемъ самыя обычныя убѣжденія. Нельзя доказать, какъ  $2 \times 2 = 4$ , ни того, что есть Богъ, свобода воли, бессмертіе души, ни того, что ихъ нѣтъ; нельзя доказать исчерпывающимъ образомъ ни того, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны, ни того, что его сотворилъ изъ земли Самъ Богъ. Можно привести много доводовъ въ пользу указанныхъ противоположныхъ убѣжденій, но эти доводы не одѣлаютъ убѣжденій очевидными положеніями и потому не исключаютъ возможности ошибки—признать ложную мысль за истинную и истинную—за ложную. Гдѣ есть вѣра, тамъ можетъ быть и сомнѣніе, тамъ долженъ быть и извѣстный рискъ,—рискъ отвергнуть истинную и принять ложную мысль. И этотъ рискъ неизбѣженъ какъ въ томъ случаѣ, когда принимается извѣстная мысль, такъ и въ томъ, когда она отвергается. Обычно думаютъ, что рискуетъ тотъ, кто принимаетъ положительное рѣшеніе, т. е. принимаетъ извѣстную мысль или предпринимаетъ какое-нѣб. дѣло, а тотъ, кто пребываетъ въ бездѣйствіи или отвергаетъ предлагаемую ему мысль или пред-

пріятіе, не подвергается риску. Такое представление ошибочно: дѣйствіе тамъ, гдѣ можно отъ него воздержаться, и бездѣйствіе тамъ, гдѣ можно уже дѣйствовать, часто бываютъ одинаково рискованны. Рискуетъ не только тотъ, кто покупаетъ выигрышный билетъ или садится за карточный столъ, но даже и тотъ, кто воздерживается отъ этихъ дѣйствій, исключая тотъ случай, когда воздержаніе отъ дѣйствія (напр. карточной игры) вызывается отсутствіемъ или недостаточностію способности и склонности къ дѣлу. Вѣдь можно сказать, что играющій рискуетъ возможнымъ проигрышемъ, а отказывающійся отъ игры—возможнымъ выигрышемъ. Правда, по большей части рискъ бываетъ значительнѣе въ случаѣ положительнаго рѣшенія, такъ какъ рѣшившійся дѣйствовать человекъ изъ многихъ представлявшихся ему возможностей уже остановился на одной и на осуществленіе ея уже направилъ свои наличныя силы, тогда какъ воздержавшійся отъ дѣйствія пока оставляетъ при себѣ и неизрасходованный запасъ энергіи и полную свободу дѣйствій. Но эта свобода есть только простая возможность и истиннаго и ложнаго, и хорошаго и дурного, между которыми нужно же будетъ когда-нибудь произвести выборъ. Эта свобода есть только временное состояніе—она есть не что иное, какъ отсрочка, которая не можетъ длиться безъ конца или до самаго конца жизни: жизнь, во 1-хъ, не ждетъ, пока мы выработаемъ убѣжденія; она, во 2-хъ, не такъ длинна, чтобы можно было безъ крайней необходимости пребывать въ состояніи „недѣланія“, и въ 3-хъ, мы даже не знаемъ, когда ей будетъ положенъ предѣлъ. Недѣланіе, освобождавая насъ на время отъ риска ошибиться и принять ложное—за истинное и дурное—за хорошее, подвергаетъ насъ другому риску—остаться у разбитаго и пустого корыта въ то время, когда мы могли уже обогатиться. Такимъ образомъ какъ принятіе извѣстнаго убѣжденія, такъ и отверженіе его одинаково полны риска. Отвергающій, на примѣръ, убѣжденіе въ бытіи Божіемъ рискуетъ ничуть не менѣе того, кто принимаетъ это убѣжденіе. Паскаль и Локкъ доказывали даже, что больше содержится риска въ отрицаніи существованія Бога, чѣмъ въ признаніи этого существованія. Рискованность всякаго убѣжденія состоитъ именно въ томъ, что каждое изъ нихъ, какъ недоступное фактической провѣркѣ и не

самоочевидное, можетъ оказаться и истиннымъ (т. е. полезнымъ) и ложнымъ (т. е. вреднымъ для насъ). Нужно твердо помнить, что истина и убѣжденіе не одно и то же. „Истинность“, пишетъ проф. Свѣтилинъ, есть объективное свойство нѣкоторыхъ сужденій, выражающихъ соединеніе понятій соотвѣтственно съ законами логики и дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. *Достоверность* есть субъективное свойство сужденій, въ истинности которыхъ мы убѣждены. Потому даже ложное сужденіе можетъ казаться достовернымъ, если я убѣженъ въ его истинности; съ другой стороны, истинное сужденіе можетъ быть для меня недостоверно, какъ скоро я еще не знаю его основаній. *Истинность* поэтому не слѣдуетъ смѣшивать съ *убѣжденіемъ въ истинности*, которое можетъ быть какъ правильно, такъ и ошибочно<sup>1)</sup>.

Всякое убѣжденіе есть рискованное положеніе, но не всѣ убѣжденія въ одинаковой степени рискованны: степень рискованности убѣжденія зависитъ отъ двухъ причинъ: во 1-хъ, отъ степени важности убѣжденія, и во 2-хъ, отъ степени его обоснованности. Терминъ „убѣжденіе“ мы прилагаемъ не ко всякому вѣрованію, а только къ тому, которое имѣетъ своимъ предметомъ болѣе или менѣе важную для насъ сторону дѣйствительности. Мы обычно называемъ убѣжденіями наши вѣрованія—религіозныя, нравственныя, политическія и т. п., потому что эти вѣрованія имѣютъ большое значеніе для нашего познанія и дѣятельности, но отказываемъ въ почетномъ титулѣ „убѣжденіе“ заявленіямъ въ родѣ того, что черезъ два часа будетъ накрытъ столъ, что цѣна рыбы поднимается на 1 коп. въ фунтѣ и т. п. Къ такимъ заявленіямъ не подходитъ терминъ „убѣжденіе“, хотя и они представляютъ собою болѣе или менѣе правдоподобныя вѣрованія. Со словомъ „убѣжденіе“ каждый соединяетъ мысль о чемъ-то не только серьезномъ и важномъ, но и торжественномъ. Мы не склонны прятать и таить свои убѣжденія,—наоборотъ, мы гордимся своими убѣжденіями, обнаруживаемъ и распространяемъ ихъ. Принимая ихъ съ рискомъ подвергнуться ошибкѣ, мы и отстаиваемъ и распространяемъ ихъ съ рискомъ подвергнуться преслѣдованію и

<sup>1)</sup> Проф. Свѣтилинъ. Учебникъ логики. Изд. 9, стр. 104.

лишитися всего, даже самой жизни. И удивительное дѣло! Человѣкъ иногда идетъ на костеръ за свои убѣжденія съ такимъ мужественнымъ и торжественнымъ видомъ, точно онъ восходитъ на царскій престолъ въ завоеванной странѣ. Но еще болѣе удивительно то, что иногда человѣкъ съ такимъ же видомъ идетъ на костеръ за единую букву „азъ“! Какъ часто одно и то же положеніе представляется весьма цѣннымъ убѣжденіемъ для одного, малозначительнымъ—для другого и совершенно безразличнымъ—для третьяго, такъ что говорить о важности предметовъ убѣжденія можно только въ относительномъ смыслѣ. Все зависитъ отъ отношенія извѣстныхъ вѣрованій къ нашимъ болѣе или менѣе прочнымъ и установившимся интересамъ. Въ общемъ можно принять за правило, что убѣжденія, чего бы они ни касались, будутъ для даннаго человѣка тѣмъ важнѣе и дороже, чѣмъ дороже они ему обошлись, чѣмъ больше они ему даютъ въ настоящемъ и обѣщаютъ въ будущемъ. Тому революціонеру, который пробылъ на каторгѣ 10 лѣтъ, политическія убѣжденія будутъ дороже, чѣмъ тому, кто не страдалъ за свои убѣжденія, а этому послѣднему дороже, чѣмъ тому, кто чрезъ измѣну своимъ убѣжденіямъ приобрѣтаетъ доходное мѣсто, или богатую невѣсту, или другое какое-либо благо. Протопопъ Аввакумъ готовъ былъ умереть за единую букву „азъ“, находящуюся въ древлеписменныхъ и старопечатныхъ книгахъ; современный московскій купецъ—раскольникъ не пожалѣетъ за экземпляръ рѣдкой старопечатной книги тысячи, но жизни не захочетъ отдать, а большинство людей не было бы опечалено нисколько, если бы какимъ-нибудь чудомъ всѣ старопечатныя книги пропали и даже изгладилась бы память о нихъ. Всѣмъ можетъ заинтересоваться человѣкъ и потому все можетъ стать предметомъ его убѣжденія на извѣстное время.

Такъ какъ всякое убѣжденіе есть болѣе или менѣе рискованное вѣрованіе, касающееся важной стороны въ нашей жизнедѣятельности, то каждый человѣкъ, прежде чѣмъ принять извѣстное убѣжденіе, какъ истинное, долженъ бы тщательно взвѣсить и оцѣнить всѣ доводы за и противъ его истинности. И дѣйствительно, каждый человѣкъ въ подтвержденіе истинности своихъ убѣжденій въ состояніи привести большее или меньшее количество основаній, слѣдовательно,

онъ ихъ когда-то и какъ-то добылъ. Своею обоснованностию именно убѣжденія и отличаются отъ вѣрованій, принимаемыхъ человѣкомъ по внушенію, когда единственной причиною принятія известной мысли служить довѣріе къ тому лицу, которое предложило намъ ее. Убѣжденіе есть, такимъ образомъ, вѣрованіе во что-нибудь важное для насъ, — вѣрованіе, подкрѣпляемое доводами разсудка и принимаемое, повидимому, послѣ и на основаніи именно этихъ доводовъ. Короче сказать, оно есть, или, по крайней мѣрѣ, должно быть разумнымъ вѣрованіемъ. Этою чертою убѣжденія предугадывается способъ образованія его. Убѣжденія не берутся и не даются на прокатъ, какъ берутся и даются одежды, книги и музыкальные инструменты. Они получаются въ результатѣ болѣе или менѣе самостоятельнаго и отвѣтственнаго размышленія надъ данными опыта. Рѣшенія важныхъ вопросовъ нормальный человѣкъ не предоставляетъ другому — онъ самъ, болѣе или менѣе самостоятельно рѣшаетъ ихъ. Такъ и убѣжденія вырабатываются каждымъ за свой собственный рискъ и страхъ и подъ своею личною отвѣтственностию. Кто не самъ выработалъ какія-нибудь вѣрованія, или кто ничего своего не прибавилъ къ ихъ обоснованности, тотъ напрасно будетъ называть ихъ убѣжденіями. У него будутъ не убѣжденія, а только внушенія: онъ будетъ жить и работать не съ своими родными дѣтьми, а съ вольнонаемными помощниками или приемышами, способными во всякое время оставить его.

Въ зависимости отъ качества и количества доводовъ убѣжденія могутъ быть и казаться то болѣе, то менѣе достовѣрными. При этомъ нужно строго различать достовѣрность субъективную (для меня) отъ достовѣрности объективной (для другихъ людей). Субъективная достовѣрность всегда присуща убѣжденіямъ, какъ таковымъ: она есть *conditio sine qua non* убѣжденія. Убѣжденіе потому и является для меня убѣжденіемъ, что я считаю его вполне достовѣрнымъ, а считаю его вполне достовѣрнымъ потому, что признаю его истиннымъ, а истиннымъ признаю его потому, что оно подкрѣпляется многочисленными, на мой взглядъ и болѣе или менѣе очевидными, по моему мнѣнію, доказательствами. Известное вѣрованіе, по моему мнѣнію, опирается на большее количество имѣющихся у меня представленій и понятій, оно

же согласується и со всѣми моими наличными знаніями, т. е. не противорѣчитъ опыту, слѣдовательно оно, заключаю я, вполне достовѣрно и истинно. Но какъ часто случается, что убѣжденіе, будучи вполне истиннымъ въ моихъ глазахъ, другимъ людямъ, находящимся въ одномъ со мною положеніи, представляется недостовѣрнымъ и ложнымъ. Имѣя всегда достовѣрность субъективную для своего обладателя, убѣжденіе очень часто оказывается несостоятельнымъ со стороны объективной, т. е. съ точки зрѣнія другихъ людей. Причина этого заключается въ томъ, что убѣжденія наши согласуются не только съ нашими воспріятіями и сужденіями о предметахъ и отношеніяхъ, но и съ нашими интересами. Они суть порожденія не одного разсудка, который у всѣхъ людей одинаковъ, а порожденія всего существа человѣка, всей его личности, въ которой, разсудокъ, не имѣетъ перво-степеннаго значенія. Онъ опредѣляетъ и формулируетъ убѣжденія, но подъ сильнымъ, хотя и незамѣтнымъ и потому неустрашимымъ, давленіемъ, такъ называемой, ирраціональной сферы, нашей личности. Подъ нею разумѣются наши многочисленныя потребности, наши еще болѣе многочисленнѣя и смутныя чувствованія, наши разнообразныя привычки, могущественныя, какъ сама природа, наши сильныя склонности и деспотическія страсти. Онѣ могутъ извращать и часто извращаютъ умъ, человѣка, дѣлая его продажнымъ адвокатомъ, который готовъ доказывать и опровергать любое положеніе.

Много въ душѣ, человѣка этихъ совратителей и извратителей, разсудка. Укажемъ хотя, важнѣйшихъ изъ нихъ. Чувство нетерпѣнія, въ основѣ котораго лежитъ иногда бьющая черезъ край энергія, человѣка, заставляетъ его торопиться съ выработкой убѣжденія, въ дѣйствиіе чего человѣкъ при этомъ на многіе факты, не обращаетъ вниманія, мало думаетъ по поводу ихъ и плохо разбирается въ нихъ, но, составивъ, наскоро, убѣжденіе, держится его тѣмъ крѣпче, чѣмъ меньше разсужденіе участвовало въ его образованіи. Иногда, заставляетъ, человѣка, торопиться съ выработкой убѣжденій и сама жизнь, которая не имѣетъ привычки ждать кого-либо и замедлять свое теченіе. Такія скороспѣлыя убѣжденія могутъ оказаться и вѣрными, но такими они оказываются не по теоріи вѣроятностей, а совершенно слу-

чайно. Правильныя убѣжденія берутся не приступомъ, не на „ура“, а послѣ долгой и всесторонней осады. Далѣе, всѣ вообще чувствованія, выростающія отъ одного корня—себялюбія, ни на одну минуту не даютъ намъ полной свободы въ выработкѣ нашихъ убѣжденій. Сказывается ихъ дѣйствіе на нашу мысль въ той поразительной разности и противоположности, какая замѣчается въ нашихъ сужденіяхъ объ одномъ и томъ же, когда это замѣчается въ насъ или же принадлежитъ другимъ. Чего другимъ нельзя, то намъ можно. Что у другихъ выходитъ глупо и безобразно, то у насъ умно и красиво. Что у другихъ плохо, то у насъ хорошо. „Страхъ и лѣнь, пишетъ Минто<sup>1)</sup>, преувеличиваютъ опасности и трудности; любовь не въ состояніи увидѣть ни малѣйшаго недостатка въ своемъ предметѣ; въ глазахъ ревнивца, его соперникъ — негодяй“. Еще болѣе сильное вліяніе оказываютъ на выработку нашихъ убѣжденій склонности и страсти. Онѣ заставляютъ насъ принимать такія убѣжденія, которыя не имѣютъ за собою объективныхъ данныхъ, но при этомъ ими создается такая иллюзія, что основаній какъ будто бы достаточно. Чувства и склонности побуждаютъ насъ незамѣтно для себя преуменьшать одно, преувеличивать другое, склоняя въ одну сторону болѣе, чѣмъ слѣдуетъ; страсти же безцеремонно завладѣваютъ нашимъ разсудкомъ, заставляя его видѣть то, чего нѣтъ, и не видѣть того, что есть. Наконецъ, наши привычки и самолюбіе подстрекаютъ насъ держаться своего убѣжденія и тогда, когда бы его нужно отвергнуть, какъ негодное, или, по крайней мѣрѣ, пересмотрѣть, какъ недостаточно обоснованное.

Если бы наши убѣжденія были созданіемъ одного чистаго, безстрастнаго и безпристрастнаго разсудка, то было бы больше согласія и между людьми и въ самихъ убѣжденіяхъ, было бы гораздо меньше нетерпимости и сильнаго упорства въ отстаиваніи своихъ убѣжденій въ случаѣ разногласія и несравненно меньше нелѣпостей, дикости и глупости во всѣхъ случаяхъ. Разсудокъ у людей одинъ и тотъ же, и долженъ говорить онъ одно и то же. Но такъ какъ у большинства людей онъ состоитъ на побѣгушкахъ у чувствованій, склонностей и страстей, которыя многоразличны, из-

<sup>1)</sup> Минто. Дедуктивная и индуктивная логика. М. 1886 г. стр. 32.

мѣнчивы и противоположны, то и виходящіе подъ его фирмой фабрикаты, неправильно называемые убѣжденіями, такъ бывають разнорѣчивы, противорѣчивы, сбивчивы и неосновательны. Имя этимъ ложнымъ убѣжденіямъ—легіонъ. Они обычно называются суевѣріями, предрасудками и предубѣжденіями. Довольно трудно установить точный смыслъ этихъ терминовъ, но сдѣлаемъ эту попытку. По словопроизводству, суевѣріями можно бы называть всѣ обманчивыя убѣжденія (тщетныя, напрасныя вѣрованія), но обычно подъ этимъ именемъ разумѣють религіозныя вѣрованія, представляющія собою пережитокъ низшихъ ступеней религіознаго сознанія во время господства высшихъ. Религіозныя суевѣрія могутъ быть теоретическими и практическими: первыя проникають въ міровоззрѣніе челоуѣка, а вторыя — опредѣляютъ его отношеніе къ предметамъ, людямъ и событіямъ. Ереси христіанскія съ точки зрѣнія общецерковнаго сознанія — суевѣрія теоретическія; вѣра въ магію, оккультизмъ, сны, встрѣчи и т. п. — суевѣрія практическія. Предрасудками называются устарѣвшія вѣрованія, болѣе не соответствующія ни современнымъ взглядамъ образованной части общества, ни признаннымъ утвержденіямъ науки. Таковы — предрасудки темнаго люда касательно нѣкоторыхъ явленій природы, предрасудки сословныя, политическіе и т. п. „Предубѣжденіемъ, по словарю проф. Радлова, называется мысль, недостаточно обоснованная, которая однако считается истинною. Предубѣжденіе не всегда должно быть заблужденіемъ, а можетъ случайно быть и истиннымъ, но во всякомъ случаѣ предубѣжденіе есть источникъ большинства ошибокъ и заблужденій“<sup>1)</sup>. Мы не можемъ вполне согласиться съ такимъ толкованіемъ термина. По нашему мнѣнію, какъ предрасудокъ мѣшаетъ челоуѣку принять правильное понятіе о чемъ-либо, такъ предубѣжденіе препятствуетъ образованію правительнаго убѣжденія. Разница между предрасудкомъ и предубѣжденіемъ будетъ состоять въ томъ, что предрасудки, а равно и практическія суевѣрія, возникаютъ обычно подъ вліяніемъ непросвѣщенной среды, слѣдо слѣдующей традиціямъ прошлаго; предубѣжденія же рождаются подъ вліяніемъ чувствованій, склоняющихъ челоуѣка къ образованію того

<sup>1)</sup> Радловъ. Философскій словарь. Спб. 1904 г.



или другого вѣрованія при отсутствіи для него достаточныхъ основаній. Предразсудки являются болѣе или менѣе общими заблужденіями для людей данной категоріи; предубѣжденія же могутъ быть и особенными, отличающими ихъ владѣльца отъ окружающей его среды. Въ томъ обществѣ, гдѣ вращался Л. Толстой, вѣрили въ искусство врачей, а онъ былъ предубѣжденъ противъ нихъ. Предразсудки и предубѣжденія часто являются подушкой, на которой человѣку удобно и пріятно спать и не слышать докучныхъ голосовъ разума и совѣсти.

Какъ никто изъ людей не можетъ обходиться безъ сна, который, по пословицѣ, милѣе всего на свѣтѣ, такъ и никто изъ нихъ не можетъ похвалиться тѣмъ, что онъ свободенъ отъ суевѣрій, предразсудковъ и предубѣжденій. Такъ ужъ устроенъ человѣкъ, что его убѣжденія, формулируемыя разсудкомъ и потому отчасти отъ него зависящія, еще болѣе зависятъ отъ ирраціональной сферы: потребности, чувства, желанія, привычки, склонности, страсти и т. п. состоянія дѣлаютъ человѣка внимательнымъ, понятливымъ и гостеприимнымъ къ тому, что гармонируетъ съ ними и поддерживаетъ ихъ, и невнимательнымъ, непонятливымъ и недодатливымъ къ тому, что расходится съ ними и противорѣчитъ имъ. Не только голова оказываетъ вліяніе на сердце и волю, но и еще большее вліяніе оказываютъ сердце и воля на голову человека. Почти каждый человѣкъ выбираетъ или устанавливаетъ себѣ такіа убѣжденія, какія болѣе соотвѣтствуютъ его потребностямъ, склонностямъ и интересамъ. Придворные люди придерживаются монархическихъ убѣжденій не по требованію одного разсудка, но и по эгоистическому разсчету: монархическія убѣжденія оправдываютъ ихъ потребности и упрочиваютъ ихъ положеніе: стоитъ только почему-либо измѣниться ихъ соціальному положенію, какъ измѣняются ихъ потребности и чувства, а вмѣстѣ съ ними претерпѣваютъ соответствующую метаморфозу и ихъ политическія убѣжденія. Бываетъ и обратная замѣна—либеральныхъ убѣжденій—консервативными. Если бы какому-нибудь честолюбивому соціалъ-демократу или кадету предложили, напр., губернаторское мѣсто или министерскій портфель,—и онъ принялъ бы предложеніе, то не было бы ничего поразительнаго въ томъ, что онъ измѣнилъ бы свое политическое

cedo. И такая перемѣна могла бы произойти не только по той причинѣ, что онъ лучше ознакомился и вѣрнѣе оцѣнилъ тѣ стороны дѣйствительности, на которыя онъ раньше не обращалъ вниманія, но и потому, что ему хотѣлось бы быть министромъ и губернаторомъ въ полномъ согласіи съ самимъ собою, т. е. и съ своими убѣжденіями.

Но хотя неустранимая никумъ зависимость нашихъ убѣжденій отъ ирраціональной сферы нашей психики и служить причиною множества нежелательныхъ и вредныхъ для насъ суевѣрій, предрасудковъ и предубѣжденій, однако было бы неразумно совершенно уничтожить ее, если бы и была къ тому полная возможность. Дѣло въ томъ, что мы и въ области убѣжденій отъ нея больше выигрываемъ, чѣмъ проигрываемъ. Прежде всего, если бы у насъ не было потребностей и сопряженныхъ съ ними чувствованій и желаній, мы не захотѣли бы брать на себя такое трудное и отвѣтственное дѣло, какимъ является выработка убѣжденій. Мы бы тогда жили безъ убѣжденій, какъ живутъ дѣти, повинующіяся импульсамъ своей природы. Допустимъ, что мы какимъ-либо образомъ приобрѣли какія-нибудь убѣжденія. Если бы у насъ не было ирраціональной сферы, то они были бы для насъ совершенно безразличными и потому совершенно бессильными и ненужными. Убѣжденія потому являются жизненными для насъ, что съ ними соединяются чувствованія, про которыя справедливо сказалъ одинъ писатель: „Человѣкъ можетъ втоптать въ грязь все, что считаетъ своимъ, но только не чувство“<sup>1)</sup>. Убѣжденія только потому и являются двигательными силами, что съ ними соединяются энергичныя желанія. Если бы у Колумба не было увѣренности въ существованіи новаго свѣта, то у него не было бы и желанія открывать его; если бы не было ни того, ни другого, то не было бы убѣжденности въ этомъ; если бы не было убѣжденности, то онъ не нашелъ бы въ себѣ силы ни для того, чтобы самому побороть тѣ препятствія, какія стояли на его пути въ Америку, ни для того, чтобы помочь своимъ единомышленникамъ и спутникамъ по плаванію побѣдить ихъ

<sup>1)</sup> Взято у Барта. Элементы воспитанія и обученія. Спб. 1913 г. стр. 87.

препятствія. Явилась вѣра—и открыта Америка, явится у кого-либо другого вѣра—и будетъ сдвинута гора съ своего основанія! Движущая сила убѣжденій есть послѣдняя черта ихъ, на которую мы хотимъ указать. Если человѣкъ твердо убѣжденъ въ чемъ-нибудь, если вѣра его крѣпка и не колеблется никакими сомнѣніями, то она съ неодолимой силой увлекаетъ его въ ту сферу, которая ей соотвѣтствуетъ, и неизбежно разрѣшается въ его поступкахъ. Вотъ почему, если намъ нужно знать, въ чемъ человѣкъ дѣйствительно убѣжденъ, то мы должны обратить вниманіе не на его аргументы и слова, какъ бы краснорѣчивы и горячи они ни были, а на его дѣйствія: они служатъ показателями того, въ чемъ человѣкъ на самомъ дѣлѣ убѣжденъ. „Я не могу, сказалъ разъ одинъ великій ораторъ, читать въ сердцахъ людей“. Это выраженіе было встрѣчено ироническими рукоплесканіями. „Да, возразилъ онъ, но я могу истолковывать ихъ дѣйствія“. Дѣйствительно, если кто-нибудь защищаетъ фонды той или другой промышленной или торговой компаніи, то онъ лучше всего докажетъ свою увѣренность въ успѣхѣ ея операций, если вложитъ въ ея предпріятіе свои собственные деньги. Если кто-нибудь высказываетъ увѣренность въ томъ, что черезъ годъ будетъ кончина міра и въ то же время снимаетъ домъ въ аренду на пятнадцать лѣтъ, то мы безошибочно заключаемъ, что его увѣренность въ истинности его заявленія не очень сильна“<sup>1)</sup>.

Отсюда мы приходимъ къ такому заключенію относительно убѣжденій: *убѣжденія суть твердыя вѣрованія человека, они собственно подсказываются интересами и чувствами человека, но устанавливаются разсудкомъ на основаніи данныхъ нашего опыта; вслѣдствіе согласія съ чувствами, они представляются намъ дорогими, а вслѣдствіе оправданія со стороны разсудка истинными; въ качествѣ таковыхъ они становятся правилами нашей жизнедеятельности, побуждая насъ воспринимать и преобразовывать дѣйствительность въ согласіи съ ними, пока противорѣчающія имъ показанія новаго опыта и нежелательныя послѣдствія дѣятельности не заставятъ насъ пересмотрѣть и*

<sup>1)</sup> Минто. Цит. соч., стр. 25.

змѣнить составленныя было убѣжденія. Научныя, или чисто теоретическія убѣжденія опредѣляютъ наши воспріятія, а практическія—нашу преобразовательную дѣятельность разнаго рода. Л. Н. Толстой удачно сравнилъ убѣжденія съ фонаремъ, который человекъ, идущій во тьмѣ, несетъ передъ собой на длинномъ шестѣ. Остановится человекъ въ своемъ движеніи къ совершенству,—останавливаются и убѣжденія въ своемъ развитіи; идетъ непрестанно человекъ впередъ,—измѣняются къ лучшему и его убѣжденія, и въ томъ и другомъ случаѣ убѣжденія освѣщаютъ человеку его жизненный путь, дѣлають нашу волю зрячей и потому болѣе сильной и смѣлой, хотя и не всегда ведутъ ее, куда слѣдуетъ.

Разъ намъ извѣстны условія образованія убѣжденій, то не трудно будетъ указать, въ чемъ состоитъ убѣжденіе, какъ воздѣйствіе одного человека на другого, и возможно ли оно? Поэтъ Ратгаузъ въ своемъ красивомъ стихотвореніи „Два врага“ пишетъ, что люди всего больше страдаютъ отъ голода и сомнѣнія. Приглашая людей къ помощи голодающимъ, относительно и какъ бы отъ лица сомнѣвающихся онъ горделиво заявляетъ: „Не простирайте къ нимъ объятій: вы имъ не можете помочь!“ Правда-ли это? Вѣрно то, что убѣжденій нельзя передавать изъ рукъ въ руки, какъ свѣстные припасы или деньги, но совершенно ошибочно думать, будто одинъ человекъ не можетъ помочь другому въ исканіи истины, въ выработкѣ убѣжденій. Мы, правда, видѣли, что человекъ самъ вырабатываетъ убѣжденія путемъ размышленія надъ данными своего опыта, на свой рискъ и страхъ и подъ своею отвѣтственностію. Но гдѣ есть рискъ, особенно значительный, тамъ человекъ обычно колеблется, мучается, иногда очень долго, прежде чѣмъ принять извѣстное рѣшеніе. Въ періодѣ сомнѣнія онъ отыскиваетъ и опѣниваетъ данныя за и противъ извѣстнаго убѣжденія. Чтобы сократить время мучительнаго колебанія между „да“ и „нѣтъ“, а также чтобы не впасть въ ошибку, сомнѣвающийся самъ обращается къ другимъ,—проситъ помочь ему въ выработкѣ убѣжденія, откровенно указывая свои сомнѣнія и затрудненія. Впрочемъ, иногда и сами убѣжденные (проповѣдники, ученые, воспитатели), не дожидаясь призыва со стороны сомнѣвающихся, идутъ къ

нимъ съ проповѣдію своихъ убѣжденій. Тогда-то и возникаетъ вліяніе одного человѣка на другого, которое называется убѣжденіемъ. Мы, слѣдовательно, отвергаемъ мнѣніе Ратгауза, какъ несостоятельное, но пользуемся его сравненіемъ сомнѣнія съ голодомъ. Какъ въ одномъ случаѣ человѣкъ съ удовольствіемъ принимаетъ пищу и извлекаетъ изъ нея питательные соки только тогда, когда есть у него аппетитъ и имѣется здоровый желудокъ, такъ и въ другомъ случаѣ человѣкъ только тогда принимаетъ и претворяетъ предлагаемое ему вѣрованіе, когда у него возбужденъ умственный аппетитъ, имѣется здоровая голова и преподносится истина въ удобопріемлемой формѣ. Когда же человѣка особенно преслѣдуетъ духовный голодъ и духовная жажда? И какая форма духовной пищи является для него удобопріемлемой? Отвѣтить на эти вопросы значитъ указать условія и приемы труднаго искусства убѣждать людей.

Прежде всего нужно выбрать подходящее время для убѣжденія. Самымъ благоприятнымъ временемъ будетъ, во-первыхъ, то время, когда въ душѣ человѣка происходитъ броженіе и бореніе между различными мотивами и мнѣніями, что сопровождается мучительнымъ сомнѣніемъ, а также, во-вторыхъ, всѣ тѣ случаи, когда человѣкъ, встрѣтивши неожиданное или поразительное явленіе и затрудненіе, задумывается надъ ними. Отъ мучительнаго сомнѣнія человѣкъ ищетъ избавленія, затрудненіе хочетъ устранить, необычное и странное осмыслить. Вотъ въ это-то время и приходится на помощь болѣе сильный духомъ и умомъ его старшій братъ. Тяжкіе душевные конфликты, лишаящіе человѣка сна и аппетита и дѣлающіе его страннымъ, чуть-ли не безумнымъ въ глазахъ недогадливыхъ людей; неудачи и страданія, заставляющія человѣка доискиваться причинъ ихъ и спрашивать: „Отчего—это у другихъ все такъ гладко выходитъ, а мнѣ ничего не удается? Почему—это на меня всѣ бѣды обрушиваются?“ разнаго рода поразительныя явленія природы и событія жизни человѣческой, составляющія злобу дня и заставляющія говорить о себѣ на улицахъ и базарахъ; торжественныя событія жизни—безразлично печальныя (напр., смерть) или радостныя (напр., крестины, свадьбы, отправление на мѣсто службы),

дѣлающія кожного чловѣка немножко філософомъ,—служать самими лучшими поводами для образованія убѣжденій. Въ качествѣ необходимой предпосылки для воздѣйствія на другихъ путемъ убѣжденія должно быть въ душѣ убѣждаемыхъ чувство сомнѣнія, затрудненія или интереса: они именно задають уму чловѣка вопросъ, на который онъ будетъ искать отвѣта; они именно ставятъ проблему, требующую рѣшенія. Никто не можетъ сравниться съ жизнью въ искусствѣ ставить такіе вопросы. Вотъ почему было бы непростительно не пользоваться услугами ея. Не можетъ быть лучшаго времени для выработки убѣжденія въ цѣнности жизни, какъ случай поразительнаго самоубійства кого-либо изъ нашихъ знакомыхъ. Не найти лучшаго повода къ образованію убѣжденія въ безсмертіи души, какъ смерть любимаго нами чловѣка. Если жизнь не ставитъ соответствующихъ проблемъ и не вызываетъ затрудненій, то отъ искусства убѣждающаго зависитъ создать ихъ или вызвать изъ опыта того лица, на котораго хотять воздѣйствовать: иначе слова убѣждающаго, хотя докажутся до слуха его учениковъ, но не дойдуть до ихъ сердець, гдѣ собственно и укореняются убѣжденія. Всѣ проповѣдники, воспитатели и учителя обыкновенно пользуются такими случаями жизни и пріемами, чтобы помочь своимъ сомнѣвающимся, недоумѣвающимъ и заинтересованнымъ слушателямъ. Но рѣдко кто пользуется для образованія убѣжденій теми случаями жизни чловѣка, когда онъ находится въ радостно-возбужденномъ состояніи по поводу совершенія какого-нибудь добраго дѣла, когда, напр., душа его горитъ по причинѣ побѣды надъ природой или своимъ эгоизмомъ. Воспитатели чловѣчества обычно пріурочивають свои наставленія и наизданія къ проступкамъ и ошибкамъ чловѣка, толкують тогда вѣривъ и вкось о виновности угнетеннаго брата, превращая его проступокъ чуть-ли не въ уголовное преступленіе. Но въ это время наиздаемый по причинѣ угнетеннаго состоянія духа мало способенъ къ воспріятію полезныхъ ученій и разсужденію и очень склоненъ къ самооправданію подъ вліяннемъ неумѣреннаго обвиненія, не по той статьѣ направленнаго. Нѣтъ! нужно пользоваться въ видахъ образованія убѣжденій и героическимъ настро-

еніемъ духа; тогда всякое живое слово будетъ искрой, попадающей въ кучку пороха,—вѣтромъ, усиливающимъ горѣніе.

Время убѣжденія выбрано, надо приступать къ самому воздѣйствию на человѣка. Прежде всего нужно подготовить почву путемъ очистки ея отъ камней, зарослей и сорныхъ травъ, которыя помѣшаютъ доброму сѣмени взойти и окрѣпнуть. Борьба съ ложными убѣжденіями—дѣло чрезвычайно трудное, по большей части бесполезное и далеко не безопасное. „Не слѣдуетъ, пишетъ практическій мудрецъ Шопенгауэръ, оспаривать чужихъ мнѣній: надо помнить, что если бы мы захотѣли опровергнуть всѣ абсурды, въ какіе люди вѣрятъ, то на это не хватило бы и Магусаилова вѣка. Кто явился на свѣтъ съ цѣлю серьезно поучать людей великимъ истинамъ, тотъ можетъ считать себя счастливымъ, если останется цѣль“<sup>1)</sup>. Мы знаемъ уже, почему такъ безнадежно стоитъ дѣло съ предубѣжденіями. Борьба съ предубѣжденіями человѣка значитъ бороться съ чувствами его, значитъ идти наперекоръ его жизненнымъ интересамъ, значитъ требовать отъ него ни много, ни мало—перерожденія, значитъ будить его совѣсть, которую ему удалось наконецъ усыпить... А такая борьба полна разнаго рода неожиданностей и опасностей! Такія требованія вызываютъ сильнѣйшій и самый ожесточенный протестъ. Припомнимъ судьбу многихъ великихъ проповѣдниковъ, служителей мысли: кого изъ нихъ она возвела на тронъ? и какъ много ихъ она привела на Голгофу! Опасно тревожить дикаго звѣря! Не стоитъ и опасно метать бисеръ предъ свиньями! Если только нашъ внимательный глазъ и анализъ подскажутъ намъ, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, которому не свойственна интеллектуальная добросовѣстность, то лучше предоставить его на выучку природѣ и жизни: они въ тысячу разъ лучше насъ выучатъ его по способу отъ противнаго. Но если нашъ діагнозъ не приводитъ къ установленію такой тяжелой болѣзни разума, мы не должны падать духомъ и не должны отказываться отъ попытки переубѣждать человѣка. Бываютъ вѣдь и добросовѣстные заблужденія и попадаютъ чистосердечные, искренніе люди среди заблуждающихся, не говоря уже о юношахъ, которые

<sup>1)</sup> Шопенгауэръ. Афоризмы житейской мудрости, стр. 187.

часто по неухержимому тяготѣнію къ свѣту истины попадають въ дебри заблужденія.

Но даже при отсутствіи предубѣжденій по данному вопросу было бы не цѣлесообразно сразу же начинать по-сѣвъ сѣмянъ истины. Предварительно нужно согрѣть и оросить почву, а потомъ познакомиться съ ея свойствами и произрастаніями. Выражаясь не иносказательно, необходимо прежде всего расположить человѣка къ искренности уваженіемъ, довѣріемъ и любовію къ нему. „Для передачи истины, пишетъ Торо, нужны двое: одинъ говорящій, другой—слушающій. Единственное средство передавать истину—это говорить любовно. Только слова любящаго человѣка бывають услышаны. Разсудокъ не долженъ говорить. Его звуки не естественны“. Давши почувствовать своему собесѣднику наше уваженіе и расположеніе къ нему, мы должны уяснить себѣ, какими представленіями и мыслями онъ обладаетъ, и примкнуть къ нимъ. „Это, пишетъ проф. Паульсенъ, собственно тайна всѣхъ искусствъ, задачей которой является научать, наставлять и убѣждать... Откуда правило: сначала спрашивать и выслушивать, потомъ убѣждать. Понять это легко, но не такъ-то легко выполнить. По натурѣ люди болѣе склонны говорить, чѣмъ слушать; они не хотятъ знать, что думаютъ другіе, а предпочитаютъ высказывать то, что сами думаютъ... Искусство убѣждать предполагаетъ прежде всего искусство молчать и слушать. Нужно сначала предоставить высказаться другому; это представляетъ двойную выгоду: во-первыхъ, другой можетъ послѣ этого слушать, такъ какъ облегчилъ свою душу, а во-вторыхъ, вы знаете, что онъ чувствуетъ и думаетъ. Затѣмъ можно начать возраженія, но всего лучше сначала повторить мнѣніе другого, если возможно въ еще болѣе ясной формѣ, чѣмъ онъ его высказалъ. Этимъ, по крайней мѣрѣ, закладывается довѣріе; у другого является сознаніе: „стало быть мой противникъ знаетъ, какъ я смотрю на это дѣло; онъ понимаетъ меня, онъ спорить со мною не по недоразумѣнію“. Затѣмъ слѣдуетъ попытаться показать, въ чемъ именно возрѣніе другого является несостоятельнымъ, при чемъ, опять таки, всего лучше аргументировать съ его точки зрѣнія: „твое возрѣніе исходить изъ такихъ-то и такихъ-то предпосылокъ, которыя однако не состоятельны“, или: „оно упускаетъ изъ вида



такіе-то и такіе-то факты“. Такимъ образомъ, можно постепенно привести его къ сознанию: „Мое воззрѣніе не вполнѣ ложно или нелѣпо,—этого никто не думаетъ и не можетъ думать—оно имѣетъ свои основанія, но оно недостаточно, оно требуетъ провѣрки и поправки“. Такова задача настоящаго діалектика: какъ бы незамѣтно приводить собесѣдника къ своей точкѣ зрѣнія, такъ чтобы ему казалось, будто онъ самъ именно такъ думаетъ и самъ нашелъ поправку“<sup>1)</sup>.

Мудрые совѣты проф. Паульсена рассчитаны не только на то, чтобы сѣмена падали на готовую почву (т. е. сообщаемыя мысли примыкали къ наличнымъ представленіямъ убѣждаемаго), но и на то, чтобы возбудить у него довѣріе, не задѣть его самолюбія и не посягнуть на его свободу. Нельзя не замѣтить при этомъ, что отъ совѣтовъ Паульсена немножко отдаетъ тою хитростію, которая носитъ названіе дипломатической. Въ дополненіе къ его совѣтамъ мы особенно подчеркиваемъ то, что проповѣднику какъ при возраженіяхъ (т. е. отрицательной сторонѣ работы), такъ и при изложеніи своихъ доводовъ (т. е. положительной сторонѣ) нужно всячески избѣгать сухихъ разсужденій. На ихъ гибельность указываетъ уже Руссо въ своемъ сочиненіи „Эмиль, или о воспитаніи“. „Никогда, пишетъ онъ, не обращайтесь къ молодежи съ сухими разсужденіями. Облекайте разумъ въ плоть и кровь, если хотите сдѣлать его воспріемлемымъ для нея. Старайтесь, чтобы языкъ ума проходилъ черезъ сердце—тогда онъ будетъ услышанъ. Я остерегусь... прочесть Эмилю длинную и тяжеловѣсную рѣчь... Я начну съ того, что постараюсь расшевелить его воображеніе: я выберу время, мѣсто, предметы, наиболѣе благоприятныя для того впечатлѣнія, которое хочу произвести; я призову, такъ сказать, всю природу во свидѣтели нашихъ разговоровъ; сошлюсь на Высшее Существо, твореніемъ котораго она является, въ подтвержденіе истины моихъ словъ; сдѣлаю Его судьей между Эмилемъ и мною; отмѣчу мѣстность, гдѣ мы находимся, скалы, роци, горы, окружающія насъ, какъ памятники его и моихъ обязательствъ; я вложу въ свои взгляды, въ свой тонъ, въ свои жесты энтузіазмъ и пылъ, который хочу внушить ему“<sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Паульсенъ. Педагогика. Пер. съ нѣм. Энгельгардта. Изд. газ. „Школа и Жизнь“, стр. 162—163.

<sup>2)</sup> Руссо. Эмиль, или о воспитаніи. Изд. газ. „Шк. и Ж.“, Спб., 1913 г., стр. 821.

учить, такъ и чужіе выводы бываютъ мало убѣдительно. Но они, кромѣ того, если повторяются часто или произносятся докторальнымъ тономъ, вмѣсто согласія вызываютъ оппозицію противъ безцеремоннаго педанта. Точеніе морали можетъ вызвать только отвращеніе къ ней, а не расположеніе. Можетъ при этомъ пострадать и проповѣдникъ. Рассказываютъ, что дикіе убили одного миссіонера, который имъ, по видимому, и не желалъ и не сдѣлалъ никакого зла. Когда ихъ спросили: „За что вы убили его?“—„За то, былъ отвѣтъ, что онъ слишкомъ много наставленій давалъ намъ“. Всякій, кто присутствовалъ на пробныхъ урокахъ исторіи, часто заканчивающихся нравственнымъ приложеніемъ, испытывалъ и испытываетъ чувство неловкости въ то время, когда практикантъ-учитель, заканчивая свою миссію, начинаетъ назидать учениковъ въ томъ, чему учить насъ исторія или какъ мы должны жить. Неловко какъ-то дѣлается тогда и за учителя, и за его учениковъ, и даже за человѣка и положительно тошно становится въ случаѣ ложнаго паѳоса съ его восклицательнымъ и вопросительнымъ знаками, тире и многоточіемъ. Невольно вспоминаются слова Руссо: „Нѣтъ ничего бесполезнѣе, ничего неумѣстнѣе морали, которой заканчивается большинство басенъ, какъ будто эта мораль не излагается или не должна излагаться въ самой баснѣ такъ, чтобы читатель сумѣлъ схватить ее. Зачѣмъ же, присоединяя эту мораль въ концѣ, лишать его удовольствія найти ее самому?.. Надо, чтобы самолюбіе учителя всегда оставляло мѣсто для его (т. е. ученика) самолюбія; надо, чтобы онъ могъ говорить себѣ: я понимаю, я соображаю, я дѣйствую... Слѣдуетъ всегда быть понятнымъ, но не слѣдуетъ всегда говорить все: кто говоритъ все, тотъ мало высказываетъ, такъ какъ подъ конецъ его перестаютъ слушать“<sup>1)</sup>).

Но если ученикъ самъ сдѣлалъ соответствующій выводъ, то не бесполезно наставнику придать ему точную, красивую и выразительную форму. Всего лучше въ этомъ случаѣ воспользоваться готовымъ изреченіемъ, заимствовавъ его изъ Св. Писанія, изъ бездоннаго кладезя народной мудрости и изъ сочиненій поэтовъ и вообще писателей. Что представляетъ собою слово въ отношеніи къ представленію и понятію, тѣмъ же является изреченіе и афоризмъ въ отношеніи къ

<sup>1)</sup> Эмиль, стр. 289.

сужденію, т. е. они закрѣпляютъ мысль въ нашей памяти. Они даютъ намъ возможность во всякое время вызвать ее въ сознаніи и пустить въ оборотъ, они же, наконецъ, оживляютъ въ нашей душѣ и тѣ образы и чувствованія, съ которыми были связаны при своемъ заминаніи. Много имѣется такихъ изреченій, которымъ „безъ волненія внимать невозможно“. Часто они, всплывая въ нашемъ сознаніи, оберегаютъ насъ отъ искушеній, спасаютъ въ случаѣ опасности, вызываютъ въ нашей душѣ цѣлый рой мыслей и чувствъ и даютъ толчокъ къ спасительному перевороту. Не даромъ держится и до сихъ поръ у непосредственныхъ людей вѣрованіе въ магическую силу словъ!

Точной и красивой формулировкой убѣжденія заканчивается умственный процессъ по образованію его: оно найдено, облечено въ слово и сдѣлалось достояніемъ памяти. Но вѣдь убѣжденія существуютъ для того, чтобы руководиться ими въ жизни: то, что не опредѣляетъ жизни, не заслуживаетъ и названія убѣжденія. Надо поэтому позаботиться о томъ, что-бы просвѣщенный человѣкъ заявилъ о своемъ новомъ убѣжденіи другимъ людямъ, по возможности торжественно. Торжественное заявленіе объ убѣжденіи, какъ рѣшеніи дѣйствовать извѣстнымъ образомъ, обязываетъ человѣка быть вѣрнымъ сдѣланному въ присутствіи другихъ обѣщанію. Воля человѣка слаба и потому нуждается для осуществленія своихъ трудныхъ рѣшеній въ вспомогательныхъ побужденіяхъ, откуда бы эти послѣднія ни получались. Ученикъ, рѣшившій отстать отъ табаку, громогласно заявляетъ своимъ товарищамъ, что съ завтрашняго дня онъ не возьметъ папирсы въ руки. Зачѣмъ онъ дѣлаетъ такое заявленіе своимъ товарищамъ? Очевидно, не для ихъ пользы или удовольствія, потому что имъ въ большинствѣ случаевъ совершенно безразлично, будетъ ли онъ тратить свои деньги на табакъ и копить свои легкія или нѣтъ. Онъ своимъ торжественнымъ заявленіемъ хотѣлъ укрѣпить свою волю на случай искушенія, усиливая тѣ мотивы, по которымъ онъ рѣшилъ не курить, новымъ—желаніемъ сдержатъ обѣщаніе, данное при свидѣтеляхъ. И много нужно имѣть безпardonности, чтобы послѣ такого заявленія съ спокойнымъ и развязнымъ видомъ въ присутствіи товарищей вновь возвратиться къ своей осужденной привычкѣ! Въ школьной прак-

тикѣ весьма благодѣтельными являются общія торжественныя обѣщанія, дѣлаемые цѣлымъ классомъ послѣ того, какъ классъ пришелъ къ какому-нибудь обѣщанію и рѣшенію, какъ, напр., не раззорять птичьихъ гнѣздъ, не дразнить товарищей, не употреблять скверныхъ словъ и т. д.

Въ цѣляхъ углубленія выработаннаго и объявленнаго убѣжденія необходимо немедленно же провести его въ жизнь, насколько это возможно. Многое можно сказать на ту тему, что дѣятельность имѣетъ ни съ чѣмъ несравнимое значеніе въ процессѣ углубленія, провѣрки и исправленія сложившихся убѣжденій, но при условіи внимательности къ тому, что получается отъ нашихъ дѣйствій по убѣженію внѣ насъ и внутри насъ. Сравненіе того, что ожидается нами отъ нашихъ дѣйствій, съ тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ получается отъ нихъ для насъ и для другихъ, является глубоко развивающимъ и поучительнымъ занятіемъ даже для старца. Оно самымъ лучшимъ образомъ знакомитъ cadaго человѣка какъ съ нимъ самимъ, такъ и съ внѣшнею для него дѣйствительностію; оно же болѣе безпристрастнымъ образомъ опредѣляетъ объективную цѣнность какъ насъ лично съ нашими убѣженіями, такъ и другихъ людей и предметовъ. „Человѣкъ, пишетъ Гете, познаетъ себя не думая, а дѣйствуя. Только въ усиліяхъ исполнить должное онъ узнаетъ себя цѣну“. То же самое нужно сказать и относительно значенія дѣятельности для познанія внѣшней дѣйствительности. Самый внимательный, опытный и умный человѣкъ не въ состояніи предугадать и представить себѣ все то, что можетъ при извѣстныхъ условіяхъ произойти въ его душѣ и во внѣшнемъ мірѣ. Дѣйствительность, что бы ни говорили намъ люди, восхищающіеся силою мысли, неизмѣримо богаче всякой мысли и самаго плодovitаго воображенія. И всегда она, даже въ пустякахъ, иначе обставляетъ свои происшествія, чѣмъ какъ мы ожидаемъ на основаніи прежнихъ опытовъ подобнаго рода. И это нужно сказать не только о внѣшней дѣйствительности, объемлющей всѣхъ и все, кромѣ насъ, но и о насъ самихъ, о нашей душѣ: и наша душа полна неограниченныхъ возможностей и потому въ каждомъ случаѣ можетъ подарить насъ какимъ-нибудь сюрпризомъ. Дѣланіе даетъ намъ знаніе. А что можетъ быть цѣннѣе для насъ истиннаго знанія о дѣйствительности, отъ степени соотвѣт-

ствія съ которой зависить достоинство нашихъ убѣжденій? Но мало этого. Никто въ сравненіи съ жизнедѣятельностію не умѣетъ такъ хорошо ставить недоумѣнные вопросы и такъ властно требовать отъ насъ отвѣтовъ на нихъ, что ведетъ, въ свою очередь, къ пересмотру и исправленію нашихъ убѣжденій. У того, кто живетъ и дѣйствуетъ сознательно и внимательно, до конца его жизни убѣжденія измѣняются и совершенствуются именно потому, что сама жизнь и дѣятельность настойчиво указываютъ къ нимъ соответствующіе коррективы. „Вѣкъ живи, вѣкъ учись“. А что сказать о тѣхъ пріятныхъ и непріятныхъ возбужденіяхъ, которыя мы испытываемъ отъ всякаго соприкосновенія съ дѣйствительностію? Могутъ-ли сравниться съ ними наши надежды и опасенія по своей силѣ, непрерываемости и полнотѣ? Самое маленькое волненіе сердца при совершеніи добраго или злого дѣла не бываетъ-ли болѣе убѣдительно для насъ, чѣмъ самая краснорѣчивая проповѣдь? Кто и что сравнится съ жизнію по ея способности ударять по струнамъ сердца? И слово человѣческое сильно не тѣмъ-ли именно, что вызываетъ въ насъ сердечное волненіе? Не говоримъ уже о томъ, что всякая попытка проявить въ внѣ свои убѣжденія дѣлаетъ ихъ еще дороже въ нашихъ глазахъ: къ ихъ цѣнности, опредѣляемой цѣностію потраченнаго на ихъ выработку труда и сопряженныхъ съ ними чувствованій и надеждъ, присоединяется добавочная цѣнность—цѣнность потраченныхъ на осуществленіе ихъ усилій. Вмѣстѣ съ цѣностію возрастаетъ тогда и сила убѣжденій: они дѣлаются крѣпче, потому что къ силѣ тѣхъ доводовъ, на которыхъ покоятся они, присоединяется могущественная сила привычки. Отсюда вытекаетъ основное правило, котораго никогда не слѣдуетъ забывать при выработкѣ убѣжденій: *поближе къ жизни и побольше жизни*,—поближе къ этой великой учительницѣ, которая никогда не устаетъ давать намъ уроки и отъ уроковъ которой никто изъ насъ не можетъ уклониться!

Второе важное правило при образованіи убѣжденій—не ограничиваться воздѣйствіемъ на одинъ разумъ чрезъ предьявленіе извѣстныхъ возраженій противъ предубѣжденій и доказательствъ въ пользу новаго убѣжденія, но постараться подѣйствовать на чувства убѣждаемаго, потому что въ нихъ именно заключаются корни, питающіе и укрѣп-

ляющіе убѣжденіе: „Истина, пишетъ епископъ Теофанъ Затворникъ, пока она не вошла въ сердце, есть то же, что пыль на полированной доскѣ: повѣтъ вѣтеръ и все снесетъ. Истина же, принятая сердцемъ, что елей, прошедшій въ кости“<sup>1)</sup>. Въ качествѣ иллюстраціи того, какъ нужно и какъ не нужно убѣждать, мы приведемъ двѣ замѣтки—одну изъ Бальзака и другую изъ разсказа Чехова „Дома“. Бальзакъ разсказываетъ, какъ двое молодыхъ мужей убѣждали своихъ женъ не требовать себѣ дорогихъ подарковъ къ празднику Рождества. Одинъ изъ нихъ (банковскій чиновникъ) съ карандашемъ въ рукахъ и цифрами на бумагѣ очень подробно и обстоятельно доказывалъ, что покупка подарка будетъ тратой, обременительной и раззорительной для ихъ годового бюджета: онъ указалъ всѣ статьи дохода, не исключая и процентовъ съ запаснаго капитала; перечислилъ всѣ статьи расхода—неизбѣжныя и вѣроятныя, точно опредѣлилъ сумму расхода по каждой статьѣ, подвелъ балансъ и оказалось доказаннымъ, какъ  $2 \times 2 = 4$ , что на покупку рождественскаго подарка нѣтъ средствъ. Жена его молчала, но неособенно внимательно слушала. Другой супругъ поступилъ не такъ. Когда жена намекнула ему на свое желаніе приобрести дорогое украшеніе, онъ охотно поддержалъ его. Послѣ, когда жена его уже успѣла отвлечься отъ мысли о подаркѣ, во время обѣда, въ присутствіи ея, онъ обратился къ своему другу съ просьбой одолжить ему займы денегъ, необходимыхъ ему для картежной игры. Просьба была предъявлена другу таинственнымъ тономъ, но такъ, что жена все-таки разобрала главное. „Ты хочешь играть въ карты?“ спросила жена. „Да! хочу попытать счастья“, отвѣтилъ мужъ. Какъ только другъ ушелъ, жена, еще не успѣвшая побороть волненіе отъ страха предъ картежной игрой, стала упрашивать мужа не играть въ карты и, чтобы убѣдить его въ ненужности рискованной игры, добровольно и охотно отказалась отъ подарка. Настали праздники. На одномъ изъ вечеровъ сошлись обѣ молодыя парочки. На женѣ банковскаго чиновника блистало новое дорогое украшеніе, а жена другого—обращала на себя вниманіе только своимъ очень милымъ обращеніемъ къ мужу<sup>2)</sup>. Такъ была посрамлена двойная итальянская бухгалтерія!

<sup>1)</sup> Замѣтку изъ Бальзака мы изложимъ своими словами.

Чеховъ съ своей стороны, рассказываетъ, какъ прокуроръ Окружного Суда Быковскій убѣждалъ своего семилѣтняго сына Сережу не курить табаку. Сначала онъ пробовалъ подѣйствовать на него выраженіемъ своего недовольства („я тебя не люблю и ты мнѣ не сынъ“, „прежде ты былъ хорошимъ мальчикомъ, а теперь испортился“) и силою юридическихъ доводовъ. „Ты, говорилъ онъ сынишкѣ, уличенъ въ трехъ нехорошихъ поступкахъ: куришь, берешь изъ стола чужой (подразумѣвается—отцовскій) табакъ и лжешь. Три вины!“ Послѣ этого прокуроръ—отецъ сталъ выяснять Сережѣ, что такое собственность и какъ нужно относиться къ чужой собственности. „У тебя, говоритъ отецъ, есть лошадки и картинки... Вѣдь я ихъ не беру? Можетъ быть, я и хотѣлъ бы ихъ взять, но... вѣдь они не мои, а твои!“— „Возьми, если хочешь!“ простосердечно замѣтилъ Сережа. Ты пожалуйста, папа, не стѣсняйся, бери! Эта желтенькая собачка, что у тебя на столѣ, моя, но я вѣдь ничего... Пусть себѣ стоитъ!“ Отецъ, напомнивъ сыну, что онъ самъ подарилъ ему, отцу, свою желтенькую собачку, продолжалъ свои объясненія на счетъ собственности, но такъ сбивчиво, что сынъ не сталъ его слушать. Оставивъ зыбкую юридическую почву, прокуроръ перешелъ на гигиеническую: онъ началъ говорить о вредѣ табакокуренія, особенно для малолѣтнихъ, выразилъ сожалѣніе, что самъ курилъ и даже напомнилъ о преждевременной смерти дяди Игнатія, курившаго табакъ. Успѣха никакого! „Онъ меня не слушаетъ“, думалъ отецъ. „Очевидно, онъ не считаетъ важными ни своихъ проступковъ, ни моихъ доводовъ. Какъ втолковать ему?“ Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ сыномъ прокуроръ понялъ свою ошибку. „У него, (т. е. сына) въ головѣ свой мірокъ, и онъ по своему знаетъ, что важно и что не важно. Недостаточно подтасовываться подъ языкъ, но нужно также умѣть и мыслить на его манеръ. Онъ отлично бы понялъ меня, если бы мнѣ... было жалъ табаку, если бы я обидѣлся, заплакалъ. Потому—то матери незамѣнимы при воспитаніи, что онѣ умѣютъ заодно съ ребенкомъ чувствовать, плакать, хохотать. Логикой же и моралью ничего не подѣлаешь. Ну что я ему еще скажу? Что?“ Послѣ нѣкоторыхъ печальныхъ размышленій отецъ занялся разсматриваніемъ рисунковъ своего Сережи и непринужденной болтовней съ нимъ. Но вотъ, когда

сынъ попросилъ отца рассказать ему на сонъ грядущій сказку, онъ сталъ импровизировать довольно нескладно и неинтересно о престарѣломъ царѣ, объ его стеклянномъ дворцѣ, о громадномъ садѣ съ фруктовыми деревьями, цвѣтами, птицами, фонтанами и т. д. Началъ потомъ говорить о наследникѣ царя—хорошемъ мальчикѣ, но съ однимъ недостаткомъ—онъ курилъ табакъ. „Что же дальше?“ спрашиваетъ заинтересовавшийся Сережа. „Отъ куренья царевичъ заболѣлъ чахоткой и умеръ... Дряхлый и болѣзненный старикъ остался безъ всякой помощи... Пришли непріатели, убили старика, разрушили дворецъ и уже въ саду теперь нѣтъ ни черешень, ни птицъ, ни колокольчиковъ. Такъ—то, братецъ“... Сказка произвела на Сережу сильное впечатлѣніе. „Глаза его подернулись печалью и чѣмъ-то похожимъ на испугъ; минуту онъ глядѣлъ задумчиво на темное окно, вздрогнулъ и сказавъ упавшимъ голосомъ: „Не буду я больше курить“. По уходѣ сына прокуроръ размышлялъ по поводу случившагося. „Почему мораль и истина должны подноситься не въ сыромъ видѣ, а съ примѣсами, непременно въ обсахаренномъ и позолоченномъ видѣ, какъ пилюли? Это не нормально. Фальсификація, обманъ... фокусы...“ Вспомнилъ онъ присяжныхъ засѣдателей, которымъ непременно нужно говорить „рѣчь“, публику, усваивающую исторію только по былинамъ и историческимъ романамъ, себя самого, почерпавшаго житейскій смыслъ не изъ проповѣдей и законовъ, а изъ басенъ, романовъ, стиховъ... „Лѣкарство должно быть сладкое, истина красивая. И эту блажь напустилъ на себя человѣкъ со временъ Адама... Впрочемъ... быть можетъ, все это естественно и такъ и быть должно... Мало-ли въ природѣ цѣлесообразныхъ обмановъ, иллюзій...“

Какъ приведенныя иллюстраціи, такъ и всѣ предыдущія разсужденія одинаково говорятъ противъ того, чтобы понимать убѣжденіе, какъ вліяніе одного человѣка на другого, въ смыслѣ воздѣйствія на одинъ умъ убѣждаемаго. Такимъ путемъ можно только создать научныя убѣжденія, не затрагивающія нашихъ интересовъ. Въ другихъ же случаяхъ кого проймешь одной чистой логикой? На помощь ей должна придти логика чувствъ. Не тотъ лучше убѣждаетъ, кто лучше доказываетъ и послѣдовательнѣе мыслить, а тотъ, кто, заражая убѣждаемаго своими чувствами, наполняя его воображеніе



своими плѣнительными образами, очаровывая красивой мощью своего духа и увлекая своимъ примѣромъ, подступать и къ разсудку его съ доказательствами того, что предлагаемые образы, чувства и поведеніе суть истинные и полезные для жизни. Каждая философская система, по словамъ В. Джемса, для признанія своей рачіональности должна удовлетворять многочисленныхъ требованіямъ: 1, она должна отвѣчать нашимъ логическимъ запросамъ, главнымъ образомъ, по своей ясности и полнотѣ, 2, до извѣстной степени опредѣлять наши ожиданія будущаго, такъ чтобы у насъ не было чувства неувѣренности, безпокойства и страха предъ будущимъ; 3, должна быть согласна съ нашими желаніями (счастія), 4, должна взывать къ тѣмъ изъ нашихъ природныхъ силъ, которыя мы больше всего цѣнимъ (активность, стремленіе къ борьбѣ) и 5, должна удовлетворять до нѣкоторой степени эгоизму<sup>1)</sup>. Тѣ же требованія молчаливо, но постоянно предъявляются и убѣжденію: удовлетворяетъ оно имъ, тогда оно пріемлется; не удовлетворяетъ—отвергается. Чтобы облегчить проникновеніе вѣрованія чрезъ такія многочисленные заставы, убѣжденіе не можетъ дѣйствовать изолированно: вотъ причина, почему оно почти неотдѣлимо отъ внушенія и только тогда идетъ въ душу человѣка царскимъ путемъ, когда предваряется или сопровождается психическимъ зараженіемъ и очарованіемъ и подкрѣпляется внушительнымъ примѣромъ. Разсмотрѣнные нами въ предыдущихъ главахъ психическое зараженіе, внушеніе, подражаніе и очарованіе, возбуждая или усиливая въ душѣ убѣждаемаго другія потребности, чувства и желанія, въ противобѣдъ или дополненіе къ доминирующимъ, именно въ нихъ и чрезъ нихъ готовятъ почву для новаго убѣжденія, съ ними гармонирующаго и ихъ проясняющаго. Не будь этой новой эмоціональной подпочвы, новому убѣжденію не на чемъ было бы держаться. Разсудокъ при убѣжденіи является только высшей инстанціей, на обсужденіе и утвержденіе которой восходитъ приговоръ, выносимый собственно нашими потребностями и интересами. На основаніи сказаннаго мы можемъ дать такое опредѣленіе убѣжденію, понимаемому въ смыслъ воздѣйствія одного человѣка на другого: оно есть содѣй-

1) Джемсъ. Зависимость вѣры отъ воли. Спб. 1904 г., изд. Ци-

ствіе сомнѣвающемуся или недоумѣвающему человѣку въ выработкѣ, въ качествѣ директивы жизни, твердаго вѣрованія, наиболее отвѣчающаго его насущнымъ потребностямъ. наличнымъ познаніямъ и логическимъ запросамъ, — содѣйствіе, соединяемое съ вышеуказанными способами вліянія на человека.

Способностью убѣждать другихъ людей отличаются тѣ люди, которые съ обширными познаніями (особенно въ области духовной жизни), богатымъ воображеніемъ и проникательнымъ и глубокимъ умомъ соединяютъ жаръ или теплоту сердца, твердость воли и преданность благу чело-вѣчества. Главными орудіями ихъ въ дѣлѣ убѣжденія служатъ мудрость и задушевность. Мудрость импонируетъ и свѣтитъ, задушевность привлекаетъ и согрѣваетъ. Мудръ тотъ, кто знаетъ и умѣетъ всякому растолковать, какія высшія цѣли и лучшія средства для нашей жизнедѣятельности. Классическимъ примѣромъ мудреца, который до сихъ поръ не превзойденъ ни однимъ изъ людей, служитъ Сократъ. Жадные до споровъ и падкіе на смѣхъ посторонніе слушатели бесѣды Сократа мѣшали ему въ его великомъ дѣлѣ убѣжденія людей: они своимъ любезнствомъ и насмѣшками не давали ему возможности проявлять ту задушевность, которой, напр., была проникнута его прощальная бесѣда съ учениками. Задушевность чуждается не только ироніи, но и юмора: не мѣсто смѣху тамъ, гдѣ совершается великое таинство служенія истинѣ. Смѣхъ, хотя и благожелательный, раздѣляетъ людей, одного (смѣющагося) ставя выше, а другого—ниже. Здѣсь же, при убѣжденіи, двѣ души должны соединиться другъ съ другомъ, какъ равноцѣнныя величины, ничего не скрывая другъ отъ друга и всемъ обмѣниваясь. Тогда-то и появляется задушевность, скупая на слова, но богатая по результатамъ. Задушевность создаетъ такую близость между двумя душами, что изъ одной души въ другую изливаются мысли какъ бы сами собою. Тогда бываетъ достаточно одного слова, чтобы другой человѣкъ ощутилъ вѣяніе мысли и поддался ея обаянію, хотя бы она и не облекалась въ красивыя одежды. Когда человѣкъ мыслить самъ про себя, то вѣдь онъ не прибѣгаетъ къ красивымъ выраженіямъ. Такъ бываетъ и при задушевной бесѣдѣ. Разукрашенная рѣчь уступаетъ мѣсто свя-

щенной простотѣ; приманка удаляется—и чистая, святая истина предстаєть предѣ чловѣкомъ въ своей прекрасной наготѣ.

Убѣжденіе єсть высшее дѣйствіе и состояніе сравнительно съ разсмотрѣнными дѣйствіями и состояніями—зараженіемъ, внушеніемъ, подражаніемъ и очарованіемъ. Убѣжденіе, єсть состояніе чловѣка, уже пробудившагося къ духовной жизни и начавшаго эту жизнь. Какъ пробудившійся въ незнакомомъ мѣстѣ чловѣкъ прежде всего старается разобратъся въ окружающихъ его предметахъ и явленіяхъ съ тѣмъ, чтобы опредѣлить наиболѣе вѣрную лінію своего поведенія, такъ и пробудившійся для духовной жизни чловѣкъ старается съ тою же цѣлію выработать убѣжденія. *Процессъ ихъ выработки отличается преднамѣренностію, сознательностію и самостоятельностью.* И убѣждающій и убѣждаемый намѣренно идутъ на встрѣчу другъ къ другу—первый съ тѣмъ, чтобы помочь другому въ отыскиваніи истины, а второй—съ тѣмъ, чтобы принять эту помощь. Убѣждающій, по выраженію Сократа, только помогаетъ убѣждаемому родить мысль, которая изначала была скрыта въ его душѣ подъ толщею житейскихъ наслоєній: послѣднія, подобно деревяннымъ опилкамъ въ кипящемъ котлѣ, приходятъ въ броженіе и скрывавшаяся подъ ними мысль показывается на свѣтъ Божій. Убѣждающій облегчаетъ муки рожденія мысли, но рождающій можетъ обойтись и безъ его помощи. Въ противоположность очарованію, запечатлѣнному характеромъ полусознательности, процессъ образованія убѣжденій, при помощи другого чловѣка, протекаетъ въ атмосферѣ яснаго сознанія. Производится судъ надъ идеями, провѣряются ихъ доводы, устанавливается ихъ родство, доказываются до ихъ происхожденія—и все это настолько освѣщается сознаніемъ, что убѣждаемый можетъ дать подробный отчетъ въ своей работѣ и ея результатахъ. „Исповѣдь“ Л. Н. Толстого представляетъ отчетъ его въ томъ, какъ у него образовались религиозныя убѣжденія. Проф. Бехтеревъ, сравнивая убѣжденія со внушеніемъ, говоритъ, что въ то время, какъ внушеніе незамѣтно проникаетъ съ чернаго, по большей части открытаго хода, убѣжденіе честно и открыто проходитъ черезъ парадный ходъ. Вліяніе убѣждающаго не уничтожаетъ свободы и самосто-

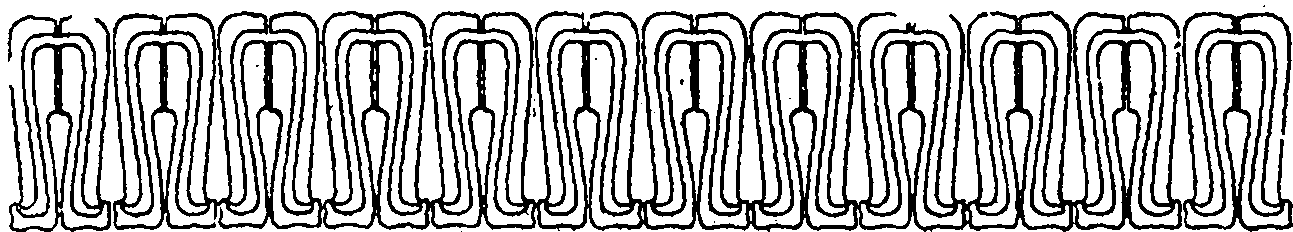
ятельности убѣждаемаго: онъ въ правѣ принимать убѣжденія другого цѣликомъ или частію и въ правѣ въ точно такомъ же видѣ и отвергнуть ихъ. Если онъ и принимаетъ ихъ, то все-таки признаніе ихъ зависитъ только отъ него самого. Чувство своей свободы не покидаетъ вырабатывающаго свои убѣжденія ни на минуту. Какъ свободныя порожденія мыслящаго человѣка, *убѣжденія носятъ на себѣ печать своеобразія своего автора.* Тысячи, милліоны людей могутъ быть увѣрены въ чемъ-нибудь одномъ, но каждый будетъ вѣровать по своему. Разъ навсегда опредѣленныя и застывшія формулы вѣрованій могутъ регулировать убѣжденія людей, но послѣднія не могутъ вполнѣ укладываться въ нихъ. Вѣра есть чувство живое и оживляющее: она—не стоячая вода, а родникъ, бьющій изъ нѣдръ земныхъ. Будучи яркими показателями своеобразія личности каждаго человѣка, *убѣжденія служатъ теоретическою основою характера.* Они сообщаютъ настроенію и жизнедѣятельности человѣка единство направленія и устойчивость въ движеніи по нему. Убѣжденія по своему составу являются очень сложнымъ комплексомъ образовъ, мыслей, чувствъ и стремленій, спаянныхъ въ видѣ разумнаго вѣрованія во что-нибудь важное для человѣка; въ нихъ и чрезъ нихъ человѣкъ устанавливаетъ согласіе между многоразличными и многочисленными душевными состояніями; убѣжденія полагаютъ конецъ анархіи въ душевномъ мірѣ. Они же своею могущественною властію надъ другими состояніями сообщаютъ и твердость своему обладателю,—ту твердость и непреклонность, о которой такъ сильно и красиво выразился Магометъ въ слѣдующихъ словахъ: „Если бы солнце стало по правую мою руку, а луна—по лѣвую и повелѣли бы мнѣ молчать, то и тогда я не сталъ бы повиняться“. Кто имѣетъ такую твердую точку опоры подъ собою, чтобы такъ мужественно и властно говорить, тотъ не можетъ быть рабомъ дѣйствительности и жертвою обстоятельствъ. Онъ самъ преобразовываетъ дѣйствительность и создаетъ обстоятельства. Убѣжденія такимъ образомъ являются неоскудѣвающимъ источникомъ мощи и творческой силы человѣка. Свободно порождаемныя разумнымъ человекомъ, они въ ту самую минуту, когда освобождаютъ его отъ рабства обстоятельствамъ, *дѣлаютъ его господиномъ не*

только надъ настоящимъ, но и надъ будущимъ. Лежащая въ основѣ ихъ вѣра, представляющая невидимое—видимымъ и желаемое и ожидаемое—настоящимъ, часто сама для себя создаетъ свое оправданіе, т. е. создаетъ такія условія во внѣшнемъ мірѣ, что на самомъ дѣлѣ невидимое дѣлается видимымъ и желаемое и ожидаемое—становится дѣйствительнымъ. Но такую силу—творить новое и желаемое сообщаютъ человѣку только тѣ убѣжденія, съ которыми совпадаетъ истина. *Убѣжденіе и истина могутъ быть сильны только во взаимномъ проникновеніи, но въ отдѣльности онѣ часто являются безсильными и безплодными.* Блаженъ тотъ человѣкъ, который причастенъ истинѣ: она свѣтитъ ему на его жизненномъ пути, она освобождаетъ его отъ боязни и исполняетъ мужества, она удесятеряетъ его силы и увеличиваетъ его власть и надъ собой, и надъ внѣшнимъ міромъ. „*Познайте истину,—и истина освободитъ васъ*“. „*Всѣ блага—ничто предъ благомъ истины; всѣ радости—ничто предъ радостію истины, блаженство истины безмѣрно превосходитъ всѣ радости*“ (изреченіе буддійской мудрости). Если въ истинности нашихъ убѣжденій насъ укрѣпляютъ согласующіяся съ нимъ воспріятія нашего новаго опыта и благотворныя послѣдствія нашей дѣятельности, то обратныя явленія, т. е. замѣчаемыя нами противорѣчія и нежелательныя послѣдствія дѣятельности поселяютъ въ насъ сомнѣніе въ истинности убѣжденія. Сомнѣніе заставляетъ насъ пересматривать и измѣнять наши убѣжденія. Такъ параллельно порочному пути (когда дурныя чувства склоняютъ къ образованію ложныхъ убѣжденій, а тѣ влекутъ къ вредной дѣятельности и ложнымъ воспріятіямъ)—образуется спасительный путь (когда противорѣчія опыта и вредныя послѣдствія дѣятельности ведутъ къ исправленію ложныхъ убѣжденій, а исправленіе ихъ требуетъ очищенія сердца отъ дурныхъ чувствованій). Не нужно только человѣку быть инертнымъ и слѣпымъ, чтобы найти въ концѣ концовъ истину.

*В. Тихомировъ.*

(Окончаніе будетъ).





## Національная идея въ исторіи.

(Продолженіе).

Исключительное значеніе личности и дѣятельности Петра Великаго во всей русской исторіи, конечно, неоспоримо; неоспоримо, въ частности, вліяніе его на дальнѣйшую судьбу русской національной идеи и русскаго національнаго самосознанія (положительное или отрицательное мы пока не говоримъ). Первое (общее значеніе) прямо не входитъ въ нашу задачу, второе (частное) ближайшимъ образомъ къ ней относится. Его мы и будемъ, главнымъ образомъ, здѣсь имѣть въ виду. Въ томъ и другомъ отношеніи значеніе Петра Великаго далеко не одинаково понималось и понимается представителями русской науки и русской общественно-политической мысли. Одни слишкомъ преувеличиваютъ его (значеніе); другіе слишкомъ умаляютъ; одни проявляютъ къ личности Преобразователя чрезмѣрныя симпатіи, другіе такія же антипатіи. Такое, одинаково чуждое научной объективности, отношеніе стоитъ въ связи съ ихъ общими философско-историческими и общественно-политическими возрѣніями. Не одинаково до противоположности отнесся и русскій народъ къ Петру Великому: одна часть преклонилась предъ нимъ и прославила его, какъ національнаго гения, героя-благодѣтеля, едѣлала его предметомъ благоговѣйнаго культа (это преимущественно просвѣщенные Петромъ тогдашніе русскіе европейцы, напр.: Нартовъ, назвавшій его „земнымъ богомъ“; Ломоносовъ, прославившій Петра, какъ чело-вѣка Богу подобнаго; Державинъ, благоговѣнно вопрошавшій: „не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ?“ Неплюевъ, Головинъ, Посошковъ и другіе современники, сотрудники или единомышленники его); другая часть возненавидѣла и въ своихъ сказаніяхъ о немъ „нарядила его въ самые постыльные образы, какіе нашлись въ хламѣ ея представленій“<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup> Проф. Блючевскій т. IV с. 309.

(это, главнымъ образомъ, темная масса простого русскаго народа не вмѣстившая въ своемъ сознаниі образъ царя, который „работалъ какъ матросъ, одѣвался и курилъ какъ нѣмецъ, пилъ водку какъ солдатъ, ругался и дрался какъ гвардейскій офицеръ“, <sup>1)</sup> и объявившая его самозванцемъ, антихристомъ и т. п.). Противорѣчій и пристрастія здѣсь много, спокойствія и объективности, даже въ настоящее время, не всегда достаточно. Слишкомъ велика историческая личность этого гиганта, слишкомъ крутой поворотъ имъ произведенъ въ исторіи Россіи, чтобы онъ (Петръ Великій) могъ уложиться въ узкія (тѣмъ болѣе партійныя) рамки и вызвать единомысліе въ оцѣнкѣ своего значенія.—Два противоположные взгляды на Петра Великаго и его реформу нашли своихъ представителей въ двухъ теченіяхъ нашей общественно-политической мысли XIX в.—западничество и славянофильствѣ. Западники отнеслись къ нему восторженно, хвалебно, какъ къ первому (?) насадителю западной культуры, первому государю, ставшему въ опредѣленно враждебныя отношенія къ старорусской жизни и старорусскому быту, объявившему имъ беспощадную войну. Бѣлинскій—самый видный между западниками, (но самый непослѣдовательный и непостоянный во взглядахъ изъ всѣхъ русскихъ писателей), несомнѣнно искренній и пламенный въ выраженіи своего поклоненія и своей вражды,—горячо, вдохновенно воспѣваетъ Великаго Петра, и не менѣе горячо выражаетъ свое презрѣніе ко всей допетровской Руси. Для него Петръ, „величайшее явленіе въ исторіи всего человѣчества..., божество, воззавшее къ жизни, вдунувшее душу живую въ поверженное въ смертную дремоту тѣло Россіи“ (т. IV с. 333); „Новый Навинъ,“ „Новый Моисей, воздвигнутый Богомъ для извлеченія русскаго народа изъ душнаго и темнаго плѣна азіятизма. Петръ В.—это путеводная звѣзда Россіи, вѣчно долженствующая указывать ей путь къ преуспѣванію и славѣ... Онъ далъ Россіи свѣтъ и сдѣлалъ русскихъ людьми. Человѣческое существованіе для Россіи начинается съ Петра“ (VII т. с. 413; славянъ Бѣлинскій ставитъ ниже китайцевъ) и т. д. Въ такомъ же родѣ, хотя и не въ такомъ пламенномъ и восторженномъ тонѣ, высказываются о Петрѣ и другіе представители западничества (С. Соловьевъ, Каве-

<sup>1)</sup> Ibid. с. 299.

линъ и т. д).—Намъ хочется остановиться еще на одномъ хвалителѣ Петра, который не менѣе благоговѣнно къ нему относится, хотя исходитъ при этомъ изъ другихъ основаній, —имѣемъ въ виду В. С. Соловьева. Въ западническомъ лагерѣ онъ не числится, его относятъ, и не безъ достаточныхъ основаній къ славянофиламъ позднѣйшей формаціи (лѣвому крылу ихъ—по Милюкову, хотя самъ онъ отъ нихъ отгораживается весьма энергично). Считаая высшимъ идеаломъ личной и народной жизни полное самоотреченіе, В. С. Соловьевъ благоговѣнно останавливается на тѣхъ моментахъ русской исторіи, когда нашъ народъ проявлялъ наибольшее національное самоотреченіе и преклоняется передъ тѣми лицами, которые подавали примѣръ сами и такъ или иначе содѣйствовали проявленію народнаго самоотреченія. Два такихъ „великихъ“ момента находитъ онъ въ нашемъ національномъ прошломъ: призваніе Варяговъ, когда русскій народъ принялъ чужую власть и эпоху Петра Великаго, когда онъ принялъ чужую цивилизацію. Въ томъ и другомъ случаѣ, по его мнѣнію, онъ совершилъ „истинно патриотическій подвигъ“, отрѣшившись отъ національнаго самолюбія и, добавимъ отъ себя, доказавши свою несостоятельность въ устроеніи своей государственной жизни и въ созданіи національной культуры (что касается второго момента, то, какъ извѣстно, народъ тамъ совершенно не причемъ). Для него Пётръ—„историческій сотрудникъ Божій, лицо истинно провиденціальное, теократическое“; онъ далъ Россіи „реальную возможность стать христіанскимъ царствомъ“<sup>1)</sup>, своимъ „историческимъ подвигомъ возвратилъ ее на тотъ христіанскій путь, на который она стала при Св. Владимірѣ“ (с. 144); „реформа Петра вопреки всякой видимости имѣла въ сущности глубоко христіанскій характеръ, ибо была основана на нравственно религіозномъ актѣ національнаго самосужденія“ (с. 160. Мы увидимъ какимъ христіаниномъ былъ Пётръ Великій). Самыя мрачныя дѣянія этого царя находятъ свое благовольтельное объясненіе и даже извиненіе у нашего философа, даже такія, какъ пытки и казнь царевича Алексѣя (онъ перелагаетъ вину на высшее духовенство и „знатныхъ особъ“, къ которымъ Пётръ обра-

<sup>1)</sup> Собр. соч. т. V. с. 527. 528.



тился за совѣтомъ <sup>1)</sup>, а напр. противоканоническій строй, насильственно имъ установленный, прямо ставить ему въ заслугу <sup>2)</sup>. Понятно, что искорененіе чувства національнаго достоинства (да и не только національнаго), и любви къ національному укладу жизни, если не прямо, то косвенно проникающія всю реформаторскую дѣятельность Петра В., насажденіе „національнаго самоотреченія“ до совершенной потери не только національнаго облика, но и національнаго духа, до полнаго онѣмеченія, — понятно, что такого рода дѣянія у него тоже не находятъ осужденія, какъ дѣянія „истинно христіанскія“. (По мнѣнію Соловьева событія XVII в., особенно исторія патр. Никона и старообрядчества, показали „отсутствіе всякаго идеальнаго содержанія въ русскомъ народѣ“ — с. 159).

Совершенно иначе смотритъ на Петра В. и на значеніе его реформы другое отмѣченное теченіе русской мысли XIX в. — славянофильство. Какъ раніе представители его, такъ и позднѣйшіе, не отрицая государственно-политическихъ заслугъ Петра В., большаго значенія его въ дѣлѣ сближенія Россіи съ Европой, насажденія въ ней европейской цивилизаціи, съ полнымъ осужденіемъ относятся къ приѣмамъ его реформаторской дѣятельности, къ его борьбѣ съ національнымъ укладомъ жизни и совершенно безобидными особенностями сложившагося національнаго быта, къ его стремленію во что бы то ни было онѣмечить русскій народъ. Несомнѣнно, что въ своемъ нерасположеніи къ Петру славянофилы иногда впадали въ противоположную, сравнительно съ западниками, крайность, умалая его историческія заслуги, преувеличивая значеніе до Петровской эпохи и недооцѣнивая значеніе Петербургскаго періода русской исторіи. Но несомнѣнно, что и правды много въ ихъ обвиненіяхъ, и отрицать ее въ настоящее время невозможно безъ явнаго насилія надъ исторической истиной. Даже такіе поклонники запада изъ современныхъ, какъ П. Милюковъ, хотя и ослабляютъ значеніе и основательность протеста современниковъ Преобразователя противъ реформы, сводя его къ борьбѣ за бороду и старое платье, къ протесту противъ табаку („брадобритіе и табакъ — такова націоналистическая формула этого времени“ — „идутъ къ Москвѣ нѣм-

<sup>1)</sup> Цит. соч. т. V. Ст. Византизмъ и Россія с. 533-536.

<sup>2)</sup> *ibid.* с. 157 и др.

цы, послѣдую брадобритію и табаку, во всеовершенное благочестія испроверженіе“<sup>1)</sup>—но уже не возводятъ его въ божеское достоинство, не падаютъ предъ нимъ въ слѣпомъ благоговѣніи ницъ, какъ ранніе западники. Ни разбираться въ противорѣчивыхъ сужденіяхъ о Петрѣ В., ни давать подробную оцѣнку его дѣятельности намъ нѣтъ нужды, для нашей цѣли достаточно самыхъ общихъ замѣчаній, поскольку это поможетъ намъ опредѣлить—какую услугу, или какой вредъ принесъ Петръ національному дѣлу въ Россіи.

Нельзя, конечно, умалять заслугъ Петра, но не слѣдуетъ ихъ и преувеличивать, тѣмъ болѣе, что въ преувеличеніяхъ такая дѣятельность и такой дѣятель не нуждаются. Главная ошибка, въ которую впадаютъ слишкомъ усердные поклонники Петра, состоитъ въ пренебрежительномъ отношеніи ихъ къ тому, что дѣлалось до него для сближенія Россіи съ Европой и вообще въ слишкомъ низкой оцѣнкѣ ими до петровскаго періода русской исторіи, —и одновременно съ этимъ (и вслѣдствіе этого)—въ преувеличенной оцѣнкѣ значенія „Петербургскаго періода“. Петръ европеизировалъ русское государство, сближеніе Россіи съ Европой послѣ него стало безповоротно совершившимся фактомъ—это вѣрно, но вѣрно и то, что начато и подготовлено было это дѣло задолго до него. Если можно съ нѣкоторымъ основаніемъ сравнивать Петра съ Навиномъ (Бѣлинскій), который закончилъ подготовленное и наполовину совершенное Моисеемъ дѣло—ввелъ въ обѣтованную землю уже вплотную подведенный къ ней народъ, завершилъ покореніе уже въ нѣкоторой части покоренной земли (Моисей завоевалъ заиорданскую половину Палестины и подвелъ евреевъ къ Иордану), то сравнивать его съ Моисеемъ, который, начиная великое дѣло освобожденія народа, не имѣлъ совершенно предшественниковъ, создавалъ при помощи Божіей все самъ,—это сравненіе будетъ уже явнымъ преувеличеніемъ. Мысль о необходимости сближенія Россіи съ Европой возникла задолго до Петра. Уже Кіевская Русь находится въ дѣятельномъ общеніи съ западными государствами; бѣдствія удѣльно-вѣчевого періода и татарскаго владычества затормозили это общеніе, но какъ только стала собираться Русь подъ властію московскихъ государей, такъ стало

<sup>1)</sup> Цит. соч. с 179.

все больше и больше оживляться и ея общеніе съ западной Европой. Начиная съ Ивана III-го, оно уже не прерывается. Постепенно и чѣмъ дальше, тѣмъ въ большемъ и большемъ числѣ начинаютъ появляться въ Москвѣ заѣзжіе „нѣмцы“—лекаря, мастера, архитекторы и т. п., устанавливаются болѣе или менѣе регулярныя дипломатическія и торговыя сношенія съ „заморскими“ странами (напр. съ Англійей при Иванѣ Грозномъ); распространяются въ высшемъ московскомъ обществѣ иноземные обычаи, развлечения, костюмы, возникаетъ стремленіе къ изученію иностранныхъ языковъ—и все это въ такомъ масштабѣ, что, какъ мы видѣли, въ XVII в. уже появляется довольно серьезная оппозиція противъ излишняго увлеченія иноземщиной и иноземцами, противъ „чужебѣсія,“ появляются „стародумы“ и „старовѣры“, какъ естественная реакція новаторскимъ увлеченіямъ. Факты, оюда относящіеся, можно найти въ любомъ курсѣ русскоѣ исторіи и если вдуматься въ нихъ, то станетъ совершенно яснымъ, что не только мысль о необходимости сближенія Россіи съ Европой и потребность въ немъ назрѣли до Петра, но и фактическое осуществленіе ихъ начато задолго до него и успѣло уже дать арѣлые свои плоды; „уже до Петра—говоритъ проф. Ключевскій,—начертана была довольно цѣльная преобразовательная программа, во многомъ совпадавшая съ реформой Петра, въ иномъ шедшая даже даъьше ея“<sup>1)</sup>. Петръ В. сдѣлалъ уже предрѣшенное исторіей дѣло, „сталъ преобразователемъ какъ бы невзначай, какъ будто нехотя поневолѣ,“ его реформа была „дѣломъ произвольнымъ и необходимымъ“<sup>2)</sup>. Если Петръ прорубилъ окно въ Европу, то не нужно забывать, что къ этому окну давно тянулася русекій народъ, а Іоаннъ Грозный даже открыто (хотя и безуспѣшно) ломился въ него и именно тамъ, гдѣ прорубилъ его Петръ (25 лѣтняя война за Балтійскія гавани съ Ливонскимъ орденомъ, Швеціей и Литвой). Значитъ Петръ не явился въ нашей исторіи, какъ *deus ex machina*, не слетѣлъ съ неба на землю какъ нѣкое божество, сразу все перевернувшее вверхъ дномъ, онъ явился не раньше и не позже, чѣмъ могъ явиться по условіямъ нашего историческаго развитія. Онъ только ус-

1) Цѣт. соч. т. IV с. 275.

2) Ibid с. 278.

корилъ историческій процессъ, сообщивъ ему благодаря личнымъ особенностямъ бурный революціонный характеръ, 1) Совершенное Петромъ должно было совершиться и неизбежно совершилось бы, только, быть можетъ, позже и въ иной формѣ. Когда и какъ? На это трудно отвѣтить и врядъ ли основательно поступаютъ тѣ, которые утверждаютъ, что, не будь Петра, мы бы могли только теперь оказаться въ такомъ состояніи, въ какомъ было русское общество при Петрѣ 2). Расчетъ этотъ ни на чемъ не основанъ. Въ исторіи часто явленіе медленно готовится, но очень быстро совершается, какъ гнойный нарывъ, медленно и мучительно на-зрѣвающий и очень быстро разрѣшающійся, если онъ созрѣлъ. Намъ казалось, напр., что господство нѣмцевъ на Руси никогда не кончится и они будутъ до скончанія вѣка „ѣздить на нашихъ спинахъ“ и править нами, какъ они ѣздили при Юріи Крижаничѣ, но случилась нежданная война и наши историческіе „благодѣтели“, хотя и не съ нужной быстротой, но все таки сравнительно скоро разлетѣлись во всѣ стороны. Какимъ фантазеромъ, а можетъ быть и вольнодумцемъ назвали бы человѣка, который примѣрно въ 1913 г. сказалъ бы, что чрезъ 2—3 года прекратится 200 лѣтнее плѣненіе русскаго народа нѣмцами? А жизнь это сдѣлала очень скоро. Такъ и съ реформами Петра. Новый Петръ, менѣе эффектный, можетъ быть, и менѣе крутой, могъ явиться позже, но плоды его дѣятельности могла дать болѣе обильные и лучшіе гораздо раньше. Японцы европеизировались чуть не на 200 лѣтъ позже насъ и, не смотря на это и на то, что по крови и по исторіи они отстоятъ неизмѣримо дальше отъ европейцевъ, чѣмъ мы, достигли въ культурномъ отношеніи (по крайней мѣрѣ въ области матеріальной культуры, которая и имѣется въ виду, когда идетъ рѣчь о реформаторской дѣятельности Петра) за нѣсколько десятковъ

1) Ibid с. 292.

2) По расчету кн. Щербатова, историка и публициста Екатерининскаго времени, Россія того состоянія, въ какомъ она находилась къ концу XVIII в. могла бы достигнуть безъ Петра при благоприятныхъ условіяхъ лишь къ концу XIX в. (къ 1892 г.)—*Пытливъ* нѣсколько уменьшаетъ этотъ срокъ: „старая Русь во сто лѣтъ едва ли бы успѣла сдѣлать то, что одѣлано было въ одно царствованіе Петра“—*Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ*. (Историч. очерки). Изд. 3-е С.-П.Б. 1906 г.; с. 319.

лѣтъ не меньшихъ успѣховъ, чѣмъ мы за двѣсти, а особенно въ военномъ, какъ показала русско-японская война. И реформа прошла у нихъ спокойно, безъ внутреннихъ потрясеній и безъ излишняго, „національнаго самоотреченія“—японцы остались самими собой и послѣ того какъ усвоили европейскую культуру, косъ имъ силою не рѣзали, кимоно полиція съ нихъ не срывала и за сохраненіе національнаго облика на каторгу, и висѣлицу ихъ не посылали. Значить, слишкомъ поспѣшная, хотя и необходимая операція, совершенная притомъ недостаточно искусно, по своимъ результатамъ можетъ оказаться гораздо худшей, чѣмъ поздняя, но исполненная умѣло. Здѣсь мы подходимъ къ самому для насъ важному—*способу* проведенія реформъ Петромъ В. и *содержанію* ихъ, имѣвшимъ, какъ сейчасъ увидимъ, для русскаго народа, какъ *народа*, какъ *націи*, роковое значеніе.—Онъ вознамѣрился сразу передѣлать Россію въ Европу. Но такъ какъ ничто въ жизни и исторіи не дѣлается сразу, а совершается постепенно и требуетъ осторожности и терпѣнія, того именно, чего у Великаго Петра было меньше всего, то и получился цѣлый рядъ печальныхъ особенностей его реформы. Первая изъ нихъ; „безпримѣрно-насильственный“, „отталкивающе безчеловѣчный“ способъ ея осуществленія<sup>1)</sup>. Жестокости, которыми сопровождалось проведеніе реформъ дѣйствительно „безпримѣрны“, и по количеству пролитой крови только одного Грознаго Ивана можно поставить рядомъ съ Великимъ Петромъ. Загѣмъ, поспѣшностью проведенія реформъ можетъ быть объяснена и другая характерная ея особенность—внѣшній, поверхностный ея характеръ. Сдѣлаться европейцемъ по одному царскому указу и при желаніи очень трудно, тѣмъ болѣе противъ желанія, а одѣтъ европейское платье, обрить бороду, нагнѣвить парикъ и, закуривъ нѣмецкую трубку, повернуться спиной къ сложившемуся національному укладу жизни и народному міровоззрѣнію—было сравнительно легко, особенно для людей случая и удачи, людей безъ прошлаго, ничѣмъ не связанныхъ съ народомъ, какихъ много развелось вокругъ престола при Петрѣ и особенно при его ближайшихъ преемникахъ и преемникахъ (вродѣ Остермана, Ягужинскаго, Би-

<sup>1)</sup> Проф. Ключевскій, цит. соч. с. 275. 292.

рона и т. п. ). Въ такомъ направленіи и осуществляются реформы. Съ барабаннымъ боемъ на площадяхъ и улицахъ повелѣвается русскимъ людямъ (1700 и 1701 г. г.) одѣтъ „кафтаны венгерскіе, верхнее платье саксонское и французское, а исподнее, камзолы, штаны, также сапоги, башмаки и шапки нѣмецкіе, женщинамъ шапки, кунтуши, юбки и башмаки тоже нѣмецкіе“. У городскихъ воротъ ставятся особые стражи для наблюденія за бородами и костюмами. Ослушники караются жесточайшимъ образомъ. За небритую бороду—нещадно батогами, за торгъ русскими платьями—кнутомъ, конфискаціей имущества, каторгой и даже висѣлицей. „Впервые русское законодательство, измѣняя своему серьезному тону, низшло до столь низменныхъ предметовъ, вмѣшиваясь въ вѣдомство парикмахера и портного“<sup>1)</sup> (преслѣдованіе русскаго костюма и бороды мы встрѣтимъ и въ царствованіе Николая I-го). Результаты: по внѣшности русское общество приобрѣло европейское обличье—нарядилось въ камзолы, напудрилось, обрилось, украсилось косами и т. д. Но на одной внѣшности останвиться, конечно, было нельзя и не этого, разумѣется, хотѣлъ Петръ; костюмъ и борода для него только вывѣска, долженствовала свидѣтельствовать о нѣкоторой внутренней перемѣнѣ, цѣлью было превратить русскихъ въ европейцевъ. Здѣсь выступаетъ третья, наиболее печальная сама по себѣ и по своимъ послѣдствіямъ, особенность Петровской реформы. Превращеніе мыслимо въ двойной формѣ. Превращаемый, усвоив чужое, перевоплощается его въ своей личности, претворяетъ въ свое; обогащаясь чужимъ, своего не теряетъ; для такого превращенія требуется время, оно совершается при нѣкоторомъ осознаніи и участіи превращаемаго, носитъ болѣе или менѣе свободный и глубокий характеръ. Второй способъ состоитъ въ томъ, чтобы, отказавшись отъ самого себя, поддѣлать себя подъ другого; одѣвши чужой костюмъ, взять на прокатъ и чужое лицо; свое вѣками накопленное потерять, чтобы приобрести сомнительное чужое,—это путь какъ будто менѣе замысловатый (какъ и всякая поддѣлка) и болѣе скорый, и тутъ легче впасть въ искушеніе насильственнаго переодѣванія. По „личнымъ особенностямъ“, а отчасти,

<sup>1)</sup> Ibid. с. 289.

пожалуй, и по требованію обстоятельствъ, Петръ избралъ второй способъ: вмѣсто созданія русской культуры съ помощью Европы, онъ захотѣлъ передѣлать русскихъ въ нѣмцевъ (что на дѣлѣ свелось къ поддѣлкѣ русскихъ подъ нѣмцевъ). Желаніе онемечить своихъ подданныхъ самая большая, самая опасная и, кажется, наименѣе подлежащая спору, ошибка Петра. Даже для чужихъ, стороннихъ наблюдателей русской жизни она была ясна, и при томъ такихъ, которые съ национализмомъ и въ отдаленномъ родствѣ не состоятъ. Вотъ что пишетъ одинъ изъ нихъ—Ж. Ж. Руссо въ своемъ *Contrat social* (II, VIII): „Петръ захотѣлъ дѣлать нѣмцевъ, англичанъ, когда нужно было дѣлать русскихъ; онъ помѣшалъ своимъ подданнымъ навсегда сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ они могли бы быть, увѣривъ ихъ, что они то, чѣмъ они не были“<sup>1)</sup>. Намѣтивши дѣль, Петръ со свойственною ему рѣшительностью и прямолинейностію довелъ дѣло до конца. Протесты только раздражали его и располагали къ большей непреклонности. Въ концѣ-концовъ онъ дошелъ до явной ненависти ко всему, что въ такой или иной степени носило на себѣ отпечатокъ русской старины. Къ сожалѣнію, онъ не ограничился стрижкой бородъ и обрѣзываніемъ фалды у фerezей и однорядокъ, а наложилъ свою желѣзную руку и на болѣе серьезныя вещи. Такъ, опасаясь вліянія патріарха и возможнаго съ его стороны протеста противъ своихъ реформаторскихъ увлеченій и личныхъ излишествъ и пороковъ, онъ рѣшилъ навсегда устранить его со своей дороги: уничтожилъ патріаршую власть на Руси, замѣнивъ ее менѣе авторитетной и болѣе податливой, антиканонической по существу, полупротестантской по формѣ властью оберъ-прокурора, отдавъ судьбы русской церкви въ руки „добрыхъ и смѣлыхъ офицеровъ“. Здѣсь кстати сказать, что Петръ вообще съ уставами церковными мало считался, хотя читалъ апостола и пѣлъ на клиросѣ. Онъ, наприм., самолично разводилъ своихъ приближенныхъ съ женами и женилъ ихъ на другихъ (Ягужинскаго); самъ нѣкоторое время обходился безъ вѣнчанія; случалось, что уставши держать вѣнецъ въ качествѣ шафера, приказывалъ прекращать вѣнчаніе<sup>2)</sup>; можно бы

1) У *Градовскаго* цит. соч. т. VI, с. 179.

2) П. Милюковъ. Цит. соч. ч. 3 вып. 1, с. 171.

и еще привести нѣсколько примѣровъ подобнаго отношенія къ православной Церкви этого „историческаго сотрудника Божія“, какъ называется его В. С. Соловьевъ, но и по приведеннымъ можно судить, какъ имъ была обезличена и унижена церковь; такого „давленія“ она, кажется, и въ татарскую эпоху не испытывала. <sup>1)</sup> Понятно почему большинство духовенства (и не по невѣжеству своему только, какъ думаютъ нѣкоторые историки <sup>2)</sup>) оказалось не на сторонѣ Петра, понятно почему темная, непросвѣщенная, но благочестивая масса объявила его антихристомъ и самозванцемъ. Петръ разошелся съ народомъ въ его вѣрѣ и жизни, въ его міровоззрѣннн и увлекъ за собою верхніе слои русскаго общества: Любви его къ Россіи и самоотверженнаго служенія ей отрицать нельзя, какъ нельзя отрицать и настоятельной необходимости реформъ, но эта любовь вылилась въ такія формы и преобразованія проведены такимъ образомъ, что вмѣстѣ съ великой пользою Петръ принесъ Россіи и непоправимый вредъ. „Фактъ преобразованія былъ вѣренъ, но формы его были нерусскія, а нерѣдко и прямо основнымъ образомъ противорѣчащія народному духу“—такъ писалъ Достоевскій <sup>3)</sup>. Не подлежитъ сомнѣнію дальѣе, что Петръ, превращая своихъ подданныхъ въ нѣмцевъ, дѣлалъ это вовсе не изъ платонической любви къ Европѣ, равно какъ воевалъ съ остатками старины вовсе не изъ вражды къ Россіи,—было бы дико утверждать подобное; польза собственнаго государства стояла у него всегда на первомъ планѣ, но пользу эту онъ понималъ слишкомъ односторонне и къ осуществленію ея пошелъ слишкомъ прямо и просто. Петру приписываютъ слова, будто когда то имъ сказанныя: „намъ нужна Европа на нѣсколько десятковъ лѣтъ, а потомъ мы должны повернуться къ ней задомъ“, намъ хочется вѣрить этимъ словамъ, какъ „хочется“ проф. Ключевскому, Милюкову и другимъ, но нашей увѣренности препят-

<sup>1)</sup> Что Петръ обезличилъ и унижалъ рус. Церковь, что онъ преобразовалъ ее на „протестантскій ладъ“, признаютъ и сочувствующие его реформѣ либеральные историки—изъ современныхъ поклонниковъ Запада, напр. *Д. Милюковъ*. Цит. мѣсто.

<sup>2)</sup> Проф. Ключевскій. Цит. соч. т. IV. с. 291—292.

<sup>3)</sup> Собр. соч. Изд. Маркса, 1895 т. IX с. 104.



ствуешь слишкомъ ясно сквозящая во всѣхъ реформаторскихъ начинаніяхъ Петра неумѣренная любовь къ этой Европѣ и еще менѣе умѣренная вражда къ родному быту. И исторія не на сторонѣ тѣхъ, которые признаютъ эти слова достовѣрными: русское общество (интеллигенція) не только не „повернулось задомъ“ къ Европѣ черезъ „нѣсколько лѣтъ“, а въ теченіе двухъ столѣтій неизмѣнно раболѣпствовало передъ ней, робко прислушиваясь къ тому, что говорятъ о немъ въ Европѣ, <sup>1)</sup> жертвовало своими интересами, кровь свою проливало, чтобы только оправдать свое европейское званіе и заслужить похвалу отъ учителей. Конечно, не Петръ въ этомъ виноватъ всецѣло, но большая доля вины лежитъ на немъ. Онъ обезличилъ русское общество, подорвалъ въ немъ вѣру въ себя, въ свои силы, толкнулъ его на путь рабской зависимости отъ Европы, отдалъ въ руки нѣмцевъ, заковалъ въ нѣмецкія формы жизни. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній („Петру“) К. С. Аксаковъ обращается къ нему, съ такими словами:

Могучій мужъ! Желалъ ты блага,  
Ты мысль великую питалъ,  
Въ тебѣ и сила и отвага  
И духъ великій обиталъ.  
Но истребляя зло въ отчизнѣ,  
Ты всю отчизну оскорбилъ;

<sup>1)</sup> До какой степени доходила эта боязнь общественнаго мнѣнія Европы и желаніе имѣть его на своей сторонѣ, даже у людей принципиально ей враждебныхъ, можетъ показать слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто уже въ половинѣ XIX вѣка. В. Кирѣевскій задумалъ издать собранныя имъ народныя пѣсни. По цензурнымъ условіямъ того времени и такое, безобидное по существу, очень цѣнное по своему значенію, изданіе не могло быть сдѣлано безъ усиленныхъ хлопотъ (и въ концѣ концовъ пѣсни не увидѣли свѣта при жизни собирателя). Ив. Кирѣевскій пишетъ брату, чтобы онъ настойчиво просилъ министра (Уварова) о пѣсняхъ, а мотивировку совѣтуетъ такую „главное, на чемъ основываться, это то, что пѣсни народныя, а что весь народъ поетъ, то не можетъ сдѣлаться тайною. Уваровъ вѣрно это пойметъ, такъ же и то, *какую репутацію сохлаетъ себѣ въ Европѣ наша цензура, запретивъ народныя пѣсни и еще старинныя. Это будетъ омыло во всей Германіи.*“ (Цыпинъ Цит. соч. с. 262). Уваровъ повидимому, Европы не испугался, но Кирѣевскій искренно вѣрилъ въ дѣйствительность этого пугала.

Гоня пороки русской жизни,  
 Ты жизнь безжалостно давилъ.  
 На самобытный трудъ, стремленья.  
 Не вызывалъ народъ ты свой,  
 Въ его не вѣрилъ убѣжденья  
 И весь закрылъ его собой.  
 Вся Русь, вся жизнь ея доселѣ  
 Тобою презрѣна была.

По существу такъ же, хотя исходя изъ другихъ основаній и имѣя другую цѣль (—восхвалить „величайшаго изъ нашихъ царей“); характеризуетъ съ этой стороны Петра челоуѣкъ совершенно противоположнаго образа мыслей— Чаадаевъ: „Петръ Великій *отрекся отъ древней Россіи* предъ лицомъ цѣлаго міра... Онъ *вырылъ пропасть между нашимъ прошедшимъ и нашимъ настоящимъ* и бросилъ въ нее кучей всѣ наши преданія... Онъ *преклонился передъ Западомъ*... Онъ ввелъ въ нашъ языкъ слова Запада и свою новую столицу назвалъ именемъ Запада, онъ бросилъ свой наследственный титулъ и принялъ титулъ Запада; наконецъ онъ *почти отказался отъ собственнаго имени* и много разъ подписывалъ свои верховныя рѣшенія именемъ Запада. Съ этого времени, постоянно обращая глаза на страны Запада, мы, такъ сказать, только вдыхали въ себя воздухъ, приходившій оттуда и питались имъ“. <sup>1)</sup> Онъ раскололъ русское общество до него цѣльное и единое по духу и жизни, на двѣ половины; онѣмеченные верхи и простой народъ становятся чужими другъ другу; первые пошли по пути дальнѣйшаго онѣмеченія и космополитизации, образовавъ изъ себя, по мѣткому выраженію Хомякова, нѣчто вродѣ европейской колоніи, брошенной въ страну дикарей, — послѣдній остановился и застылъ, и благо, что застылъ, потому что, только поэтому сохранилъ потерянную интеллигенціей народную душу. Этотъ разрывъ проходитъ черезъ всю дальнѣйшую исторію, чувствуется и трагически переживается лучшими русскими людьми, но попытки подойти къ народу, сблизиться съ нимъ почти никогда не бывали успѣшными. Взаимнаго пониманія и теперъ мало, какъ мало его было въ продолженіе всего XVIII и XIX столѣтій, несмотря на „хождение въ народъ“;

<sup>1)</sup> *Пытинъ. Цит. соч. с. 176.*

всякаго рода „переряживанія“ и другія „героическія“ средства. Пропастъ остается. Единого по духу народа не стало со времени Петра. Необходимая почва для здороваго роста національнаго самосознанія утеряна надолго. Нужна была сотня лѣтъ (для того, чтобы, оглушенное Петромъ, оно начало мало по малу оживать. Заслуга Петра Великаго передъ русскимъ народомъ и русской исторіей велика: онъ создалъ сильное государство, обезпечилъ ему дальнѣйшее развитіе и внѣшнее и внутреннее, но служеніемъ *государству* онъ и ограничилъ свою задачу. Онъ всегда говорилъ о *благѣ государства* и цѣнилъ только то, что содѣйствуетъ достиженію *государственнаго* могущества: народъ и духовная культура, даже Церковь, въ его глазахъ самостоятельной цѣнности не имѣли. Только то, что служило пользѣ государства, онъ насаждаетъ: кораблестроеніе, мореплаваніе, математику, естествознаніе; только нужныхъ для *государства* людей онъ подготавливалъ: офицеровъ, кораблестроителей, мореходовъ, фабричныхъ и другихъ мастеровъ, правовѣдовъ, камералистовъ и т. д.; такія же заводилъ школы: морскую академію, навигацкую, артиллерійскія, инженерныя, цыфирныя и т. д.; реорганизуеетъ армію, флотъ, заботится о развитіи промышленности, торговли и т. д., и т. п. Какъ видимъ, это—чисто утилитарная, или, точнѣе, утилитарно-государственная культура, настоящей культуры (духа) Петръ какъ будто не знаетъ и знать не хочетъ; подлинно культурныхъ людей въ Петровской Руси мы немного встрѣтимъ, вся культурная масса современниковъ Петра и ближайшаго времени—это, большею частію, культурные дикари съ европейскою внѣшностью, признавшие прежнюю чистоту нравовъ, прежнее благочестіе смѣшными остатками старины. Такимъ образомъ, при несомнѣнномъ повышеніи уровня матеріальной культуры, Петровская реформа мало содѣйствовала настоящей культурности русскаго общества; увеличеніе государственной мощи сопровождалось оскуднѣніемъ народнаго духа; усвоеніе „благъ“ европейской цивилизаціи—идейно-национальнымъ обнищаніемъ; пріобрѣтеніе культурной внѣшности—упадкомъ національнаго быта и потерей добрыхъ нравовъ; одностороннее и неглубокое просвѣщеніе ума—потемнѣніемъ національнаго самосознанія. Прогрессивная вообще, реформаторская дѣятельность Петра несомнѣнно

задержала дальнѣйшее развитіе національнаго самосознанія; что Петръ этого хотѣлъ, никто, пожалуй, не скажетъ, но что его дѣятельность имѣла такой результатъ—это съ очевидностью показала дальнѣйшая исторія.

XVIII и начало XIX вѣка—это эпоха небывалаго оскуднѣнія національнаго духа въ русскомъ обществѣ, самыхъ разнообразныхъ „маній“: галломаніи, англomanіи и особенно, конечно, германomanіи, эпоха полного національнаго безличія, полной потери вѣры въ свои національныя силы и въ возможность достиженія (и даже существованія) своихъ національныхъ задачъ, время небывалаго въ исторіи народовъ раболѣпства передъ иноземщиной. Правда, тогда были нѣкоторыя особыя условія, мѣшавшія нормальному ходу нашего государственнаго и національно-политическаго развитія, какъ: (въ началѣ) дворцовыя смуты, отсутствіе опредѣленнаго порядка престолонаслѣдія, господство временщиковъ и особенно (—потомъ) общее антинационально-космополитическое настроеніе европейскаго общества, которому русское общество тѣмъ легче поддалось, что уже было денационализировано и онѣмечено Петромъ, потеряло способность жить своимъ умомъ, свыкло съ мыслью, что ему назначено судьбою идти въ хвостъ европейскихъ общественно-политическихъ и культурныхъ теченій; оно не только въ это время освободилось отъ національнаго самоувѣнія, но и отъ всякихъ признаковъ національнаго самоуваженія, достигло высшей степени „національнаго самоотреченія“ (имѣемъ въ виду все время „культурное русское общество“, а не народъ). Особенно печальный въ этомъ смыслѣ періодъ представляетъ время отъ смерти Петра Великаго до Елисаветы и послѣ Елисаветы до Екатерины II-й, когда русский престолъ занимаютъ или люди чуждые Россіи, глубоко равнодушные къ судьбамъ русскаго народа, открыто выражавшіе свое презрѣніе къ нему (Петръ III, не скрывавшій своего нераположенія въ Россіи, преклонявшійся передъ Фридрихомъ Прусскимъ, безславно прекратившій побѣдоносную войну съ нимъ и все время находившійся подъ его вліяніемъ),—или малолѣтніе (12-лѣтній Петръ II-й), или совершенно неспособные къ управленію государствомъ, не интересовавшіеся имъ и передававшіе его въ руки временщиковъ—нѣмцовъ (Анна Іоанновна, окружившая себя курляндскими

нѣмцами (Биронъ, братья Левенвольдъ, Остерманъ, Минихъ и др.), вручившая имъ управленіе Государствомъ, а сама предавшаяся развлеченіямъ и удовольствіямъ).—Елисавета отстранила нѣмцевъ, поставивъ на ихъ мѣсто русскихъ людей по рожденію и по духу. Это была настоящая русская государыня, стремившаяся и Государствомъ править въ русскомъ духѣ, но поворота сколько нибудь оцутительнаго въ сторону освобожденія отъ иноземнаго вліянія не произошло въ ея царствованіе, высшее русское общество продолжало идти по проложенной Петромъ дорогѣ и, отбѣняя нѣмцевъ отъ распоряженія судьбами русскаго государства, находилось подъ обаяніемъ западной культуры, по прежнему раболѣпствуя передъ ней.

Гораздо важнѣе въ этомъ отношеніи царствованіе Екатерины II-й, когда произошелъ благопріятный поворотъ въ затормозившемся національномъ развитіи русскаго общества, слабый, правда, но какъ первый по времени весьма замѣчательный. Нѣмка по происхожденію, Екатерина В. любила Россію, съумѣла принести ей много пользы и заслужить народную признательность. Къ этому времени передовое общество находилось въ стадіи галломаніи и почти совершенно офранцузилось: французскій языкъ, французская литература, французская философія, а главное—французскія моды—пользовались у него непререкаемымъ авторитетомъ. Космополитическія идеи вѣка (теперь во французской редакціи, а немного позже въ нѣмецкой), правда, очень поверхностны, какъ и все,—усвояются имъ и увлекаютъ его. Сама Императрица въ первую половину своего царствованія находится подъ вліяніемъ Монтескье, Вольтера, энциклопедистовъ, поддерживаетъ весьма дѣятельную переписку съ нѣкоторыми изъ нихъ и, какъ будто, готова примѣнить ихъ теоріи къ жизни. Однако, проовѣтительно-разрушительная философія только слегка и чисто теоретически увлекла умную Государыню и она, сначала съ нѣкоторымъ колебаніемъ, а потомъ, послѣ французской революціи рѣшительно отшатнулась отъ нея. Национальная идея все больше и больше начинаетъ ее занимать и увлекать. Она сама интересуется русской стариной и русской народной жизнью, усердно изучая русскія пословицы, повѣрья, обычаи и т. д.—и другихъ къ этому располагаетъ: Новиковъ (и еще до французской революціи) издастъ по ея порученію сборникъ

историческихъ документовъ („Древняя Россійская Вавлюфика“), князь М. М. Щербатовъ пишетъ обширный трудъ по Русской Исторіи (Исторія Россійская), Болтинъ работаетъ надъ изученіемъ русской старины, Академія наукъ печатаетъ русскія лѣтописи, театръ выводитъ на сцену „народъ“ и т. д.—словомъ русская старина и русскій народный бытъ начинаютъ серьезно увлекать по почину Императрицы и подъ ея вліяніемъ просвѣщенное русское общество. Въ этомъ увлеченіи, какъ и во всякомъ первомъ увлеченіи, было много наивности и сантиментальнаго идеализма: народъ, который выводился, наприм., на сцену въ пьесахъ Екатерининскаго времени, былъ очень далекъ отъ настоящаго, это—народъ бутафорскій, прикрашенный, припомаженный, всегда и всѣмъ довольный; но важно здѣсь не столько содержаніе представленія о немъ, сколько самый фактъ интереса къ нему, важно пробудившееся и заговорившее національное чувство и національное настроеніе. Пусть это только „этнографическое народолобіе“ (такъ называетъ его П. Милуковъ), пусть оно наивно и сантиментально, но все-таки это—*народолобіе*, не вполне еще, но во всякомъ случаѣ довольно *сознательное*, проявившееся въ той части русскаго общества, которое склонно было считать несчастьемъ самое русское свое происхожденіе („все несчастье наше въ томъ, что мы русскіе“—говоритъ одинъ изъ Фонвизинскихъ героев) и въ такое время, когда работѣнство передъ Европой достигло своего кульминаціоннаго пункта. Вмѣстѣ съ увлеченіемъ народностью растетъ протестъ противъ чреамѣрнаго увлеченія иноземщиной. И Новиковъ въ „Живописцѣ“, и Екатерина въ своихъ сатирахъ, идеализируя „древнія русскія добродѣтели“ и „великость духа предковъ, украшеннаго простотой“, высмѣиваютъ слѣпую подражательность, поверхностное и слѣпое западничество русскаго общества. Все это, взятое вмѣстѣ, дѣлаетъ екатерининскую эпоху наиболѣе значительнымъ въ исторіи русскаго національнаго самосознанія моментомъ на протяженіи цѣлаго столѣтія: отъ Петра Великаго до первой четверти XIX в. Преувеличивать ея значеніе однако не слѣдуетъ и врядъ ли можно вполне согласиться съ тѣмъ, что „для современнаго націонализма екатерининская эпоха служитъ эрой, съ которой онъ начи-

наетъ свое сознательное существованіе<sup>1)</sup>;—націонализмъ (настоящій, а не фальшивый только) началъ свое существованіе значительно раньше, съ XVI—XVII вѣка, Петръ остановилъ его развитіе, не далъ ему развернуться въ широкое міровоззрѣніе, онъ ушелъ въ народные низы и тамъ продолжалъ свое инстинктивное бытіе, притаившись до благоприятнаго момента. При Екатеринѣ ему данъ былъ выходъ. Проснулася любовь къ народности, заколебался авторитетъ Запада, проявилось критическое отношеніе къ нему и началась борьба противъ слѣпого преклоненія передъ нимъ—въ этомъ значеніе екатерининской эпохи. Какой нибудь теоріи націонализма въ это царствованіе создано не было; ни Екатерина, ни ея единомышленники не пытались систематизировать свои націоналистическія воззрѣнія, а самое главное—движеніе не успѣло (при Екатеринѣ) развиться и расширяться: возникши въ концѣ царствованія, оно захватило лишь небольшую часть общества (хотя и вліятельную). Наряду съ нимъ продолжало жить прежнее, враждебное ему (въ духѣ „просвѣщенія“ XVIII в.) міровоззрѣніе, гораздо болѣе характерное для екатерининской эпохи, какъ эпохи, въ собственномъ смыслѣ общественное, широкое (первое носило кружковой характеръ) и для его будущности. Екатерина и ея время дали значительно больше, чѣмъ для будущности перваго. Начальный либерально-банаціональный періодъ царствованія Александра I явился прямымъ продолженіемъ екатерининскаго „вольтерьянства“; „вольтерьянцы“ и „фармазоны“ (франкмасоны)—типы екатерининскаго времени, (и тѣ, и другіе принципіальные космополиты), вольнодумство и свободомысліе всякаго рода (въ духѣ все той же общечеловѣческой—„просвѣтительной“ философіи XVIII в.) идутъ отсюда; не даромъ исторію русской интеллигенціи (въ общемъ враждебной національной идеѣ), русскаго „свободнаго“ общественнаго мнѣнія, русскаго вольнодумства начинаютъ съ царствованія Екатерины Великой<sup>2)</sup>.

Время, непосредственно слѣдовавшее за нимъ въ отношеніи къ исторіи національной идеи ничего существенно важнаго не принесло. Императоръ Павелъ, кажется, тяготѣлъ

1) П. Милюковъ. Цитов. соч. ч. III выш. 2, с. 251.

2) Такъ, напр., Милюковъ. Цит. соч. ч. III, выш. II, стр. 251, 335 и др.

больше къ нѣмцамъ и вообще къ Западу, а весьма вѣроятно и къ масонству (былъ гроссмейстеромъ Мальтійскаго ордена) и хотя, по своему, быть можетъ любилъ русскій народъ, но подлинная русская жизнь и русская національная старина были ему чужды; что касается общества, то оно, если бы и хотѣло, ничѣмъ не могло себя проявить: суровый личный режимъ этого Императора не допускалъ обнаруженія какого бы то ни было *общественнаго* движенія, хотя бы и національно-консервативнаго.

Царствованіе Александра I въ исторіи Россіи имѣло большее и разностороннее значеніе. Относительно его значенія въ исторіи русскаго національнаго самосознанія этого сказать нельзя, не смотря на то, что на него падаетъ величайшая въ русской исторіи, въ собственномъ смыслѣ національная; война 12-го года,—а къ концу его зарождается важнѣйшее изъ нашихъ національно-философскихъ теченій—славянофильство. Самъ Императоръ, воспитанный въ космополитически-либеральныхъ идеяхъ XVIII в. (его воспитатель швейцарецъ Лагарпъ былъ либераломъ и республиканцемъ по убѣжденіямъ) никогда, даже послѣ Отечественной войны, — когда въ немъ произошелъ сильный душевный переворотъ и онъ совершенно разочаровался въ своихъ юношескихъ увлеченіяхъ,—никогда не могъ вполне отрѣшиться отъ власти этихъ идей. Заботясь о благѣ своего народа и государства, благоустроая Россію, онъ, какъ будто, постоянно тяготился ея границами, ему тѣсно было въ необъятной російской ширинѣ и душою своею онъ все время рвался въ европейскія дали, всегда больше чѣмъ того требовала польза собственнаго народа, интересовался дѣлами Европы и занимался устроеніемъ ихъ (заграничные походы и войны за освобожденіе Европы, особенно послѣ 12-го года, въ частности—за освобожденіе и усиленіе Германіи; дѣятельное участіе во всѣхъ европейскихъ конгрессахъ (Вѣна, Ахенъ, Тропау, Лайбахъ, Верона); заботы о возстановленіи правительствъ и династій въ европейскихъ государствахъ; учрежденіе интернаціонально-космополитическаго по духу Священнаго Союза, дѣятельное въ немъ участіе и ревностное осуществленіе его идей); національному началу не только не придавалъ подобающаго значенія, но вѣрныя постановленія Вѣнскаго конгресса (въ концѣ концовъ



ловкимъ и хитрымъ махинаціямъ Меттерниха) и просвѣтительнымъ идеямъ XVIII в. даже враждебно относился къ нему: борьбу народовъ за національную независимость рассматривалъ какъ бунтъ противъ законнаго правительства, такъ напр., въ возстаніи православныхъ грековъ противъ турокъ онъ видѣлъ только „революціонный признакъ времени“ и, конечно, никакой помощи единовѣрцамъ не оказалъ (отсюда не слѣдуетъ однако, что онъ былъ равнодушенъ къ національнымъ государственно-политическимъ интересамъ своего народа, въ этомъ его нельзя упрекнуть). Весьма характерны съ этой стороны религіозность и своеобразное („глубокое“—по опредѣленію проф. Платонова) „благочестіе“ Александра: они, какъ и политика его, носили космополитически-безцерковный и безнародный характеръ; это не народно-православная русская вѣра, а то универсальное „христіанство“, которое подъ именемъ масонства тогда широко распространилось въ высшемъ русскомъ обществѣ. Пустой безликій мистицизмъ масоновъ, выросшій не на русской почвѣ, кореннымъ образомъ враждебный православію, чуждъ былъ русскому народному духу (одному изъ такихъ мистиковъ-масоновъ было поручено завѣдываніе дѣлами Православной Церкви въ качествѣ „министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“). Национальное безразличіе Александра до нѣкоторой степени сказывается и въ подборѣ имъ сотрудниковъ нерусскаго происхожденія (нѣмцы—Штейнъ, Нессельроде, грекъ Капподистрія, корсиканецъ Поццо-ди-Борго), имѣвшихъ большое значеніе въ государственномъ управленіи (особенно къ концу жизни Императора, когда онъ, отдавшись умиротворенію и устроенію Европы, почти совершенно пересталъ интересоваться внутренними дѣлами своего государства). Такимъ образомъ политическій курсъ Александровскаго царствованія былъ мало благоприятенъ для развитія національнаго движенія. Но, несмотря на это, а, можетъ быть, въ значительной степени именно поэтому, движеніе не заглохло и не умерло, напротивъ—вспыхнуло съ такою силою и такъ глубоко захватило весь народъ, какъ никогда доселѣ (по крайней мѣрѣ съ XVII в.)—сначала какъ всенародно-стихійное во время нашествія французовъ, а затѣмъ вскорѣ, какъ идейно-философское, въ собственномъ смыслѣ общественное. Къ

этому времени непосредственное вліяніе Правительства на настроеніе и міровозрѣніе общества стало ослабѣвать, въ немъ становятся возможными идейныя движенія, зачинающіяся и развивающіяся совершенно независимо отъ правительственнаго воздѣйствія, подѣ вліяніемъ другихъ силъ; совершенно оно, конечно, не исчезаетъ, но уже не имѣетъ прежней силы и становится болѣе косвеннымъ, чѣмъ прямымъ; общество стремится стать на собственные ноги, освободиться отъ идейной опеки, въ вопросахъ мысли и духа идти собственной дорогой, которая чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше расходится съ оффиціально одобренной. Въ дальнѣйшей исторіи національнаго самосознанія смѣна правителей и направленіе правительственной политики не отражаются уже такъ глубоко и такъ непосредственно какъ раньше,—и она (исторія) протекаетъ уже не въ такой неразрывной связи съ исторіей государственно-политической. Такая „эмансипація“ совершилась подѣ вліяніемъ событій: Отечественной войны и особенно подѣ вліяніемъ непосредственнаго знакомства русскаго общества съ Европой и европейскимъ просвѣщеніемъ во время европейскихъ походовъ. Первымъ скороспѣлымъ результатомъ этаго знакомства было политическое движеніе, закончившееся возстаніемъ декабристовъ. Печальный исходъ возстанія и послѣдующая твердая, отрезвляющая политика Николаевского правительства образумили горячія головы, заставили ихъ уйти глубже въ себя, лучше продумать и уяснить потребности русской жизни, смыслъ русской исторіи, характеръ и назначеніе русскаго народа. Слѣдствіемъ такого самоуглубленія и было образование двухъ школъ, вобравшихъ въ себя два направленія нашей общественно-политической мысли,—представившихъ научно-философское завершеніе проходящаго черезъ всю нашу исторію двоякаго пониманія природы и назначенія русскаго народа,—имѣемъ въ виду славянофильство и западничество. Значеніе ихъ такъ велико въ дальнѣйшей исторіи національнаго самосознанія, что ими можно бы ее и закончить (хотя можно сказать и иначе—съ нихъ ее можно начать): всѣ послѣдующія теченія *существенно* новаго внесли немного, ихъ не трудно связать съ западничествомъ и славянофильствомъ, такъ какъ они представляютъ или дальнѣйшее развитіе, или синтезъ

началь, заложенныхъ въ этихъ двухъ противоположныхъ міровозрѣніяхъ.

Прежде, чѣмъ приступить къ ихъ разсмотрѣнію съ интересующей насъ точки зрѣнія мы полагаемъ необходимымъ предварительно остановиться на нѣкоторыхъ явленіяхъ, непосредственно предшествовавшихъ и до нѣкоторой степени предопредѣлившихъ первоначальный характеръ славянофильства и западничества. Здѣсь, по нашему мнѣнію, требуетъ быть отмѣченнымъ то оффиціально-политическое направленіе, которое въ критической литературѣ получило не совсѣмъ точное названіе—„теоріи оффиціальной народности“<sup>1)</sup>. Думается, что названіе теоріи въ строгомъ смыслѣ слова не вполне ему подходитъ, по крайней мѣрѣ въ моментъ начальнаго его возникновенія. На первыхъ порахъ это просто политическій курсъ, направленіе политической практики. Явившись какъ таковое оно нашло въ послѣдствіи своихъ идеологовъ (называютъ напр. Погодина, Шевырева) и получило, пожалуй, видъ теоріи. Характеръ ея охранительно—націоналистическій. Первые ея слѣды можно найти въ царствов. Екатерины Великой, когда подъ вліяніемъ французской революціи произошло отрезвленіе отъ увлеченія Западомъ самой Императрицы и части русскаго общества и обращеніе къ народнымъ началамъ жизни (объ этомъ у насъ была рѣчь). Наполеоновскія войны и событія, за ними послѣдовавшія, еще разъ отрезвили русское общество и повернули его лицомъ и душой къ національной идеѣ и этотъ поворотъ былъ гораздо глубже и энергичнѣе, чѣмъ первый; въ царствованіе Николая I онъ далъ опредѣленно—національное направленіе внутренней и отчасти внѣшней политики (отчасти потому, что Имп. Николай, какъ и Александръ Благословенный, проявлялъ большее, чѣмъ нужно было въ русскихъ интересахъ, вниманіе къ Европѣ, опасалъ Австрію, подавлялъ борьбу Венгровъ за независимость въ 48-49 г.) Первой причиной возникновенія разсматриваемой „теоріи“, какъ отчасти это слѣ-

<sup>1)</sup> Первоначальное возникновеніе ея относятъ къ послѣднимъ годамъ царствованія Александра Благословеннаго, а расцвѣтъ къ царствов. Николая I-го—*Пыпинъ*. Цит. соч. с. 94. Изобрѣтеніе термина усвоится (Ивановъ Разумнякъ) тому же Пыпину, хотя его можно встрѣтить въ нѣсколько иномъ значеніи и у другихъ (Градовскій Цит. соч. с. 14. 257).

дуетъ изъ сказаннаго, явилась сознанныя опасность со стороны Европы—какъ политическая (походъ Наполеона I-го, недоброжелательство европейскихъ державъ, начавшееся на Вѣнскомъ конгрессѣ, а закончившееся Крымской войной и т. д.) такъ и идейная (либеральныя политическія и социальныя ученія, приведшія къ возстанію декабристовъ.) Здѣсь находятъ свое объясненіе одна сторона „теоріи“: отрицательно-критическое, недовѣрчивое отношеніе къ Европѣ и европейскому просвѣщенію, признаніе европейскихъ порядковъ и европейскихъ идеаловъ мало или совсѣмъ неподходящими для русскаго народа и русскаго государства. Другая сторона—положительная имѣетъ своимъ источникомъ развившееся къ этому времени въ сильной степени, подъ вліяніемъ успѣшныхъ войнъ Екатерины и Александра въ русскомъ народѣ сознаніе своей силы и значенія. Россія не только стала равной самымъ сильнымъ европейскимъ державамъ, но съ нѣкоторымъ основаніемъ могла смотрѣть на себя какъ на первую между ними. Результатомъ этого и явилось въ правящихъ кругахъ и въ части русскаго общества воззрѣніе, что для Россіи не только нѣтъ нужды строить свою жизнь на выработанныхъ Европой началахъ, жить по европейской указкѣ, какъ она жила до тѣхъ поръ, а что это прямо вредно для нея, такъ какъ она представляетъ изъ себя совершенно особую націю и особое государство, не похожія на европейскія,—что она можетъ сохранить свое могущество и свою силу только при условіи устроенія своей жизни на началахъ самобытныхъ, а не заимствованныхъ. Такими самобытными началами признаны были: православная вѣра русскаго народа, самодержавная власть русскаго Государя и своеобразный укладъ жизни русскаго народа—„православіе, самодержавіе и народность“ (формула впервые данная, кажется, Уваровымъ). Проведеніе этихъ началъ въ жизнь вызвало большее неудовольствіе въ либерально настроенной части тогдашняго русскаго общества, что объясняется помимо принципиальнаго различія во взглядахъ на значеніе Европы и европейскаго просвѣщенія—съ одной стороны, и возможность самобытной русской жизни и культуры—съ другой,—еще и своеобразнымъ пониманіемъ указанной формулы и сравнительнаго значенія Россіи и Европы большинствомъ официальныхъ и полуофициаль-

ныхъ ея приверженцевъ. Уваженіе къ родному быту, родной исторіи и родному народу у нихъ скоро перешло въ національное самомысліе, привело къ національной исключительности и національному идолопоклонству; критическое (вполнѣ законное и необходимое) отношеніе къ Европѣ—въ высочайшее презрѣніе къ ней, огульное отрицаніе всей европейской цивилизаціи, вражду ко всякому прогрессу; русскіе порядки и русская жизнь были признаны идеальными. Это выразилъ одинъ изъ официальныхъ приверженцевъ русской національной идеи, — Бенкендорфъ: *le passé de la Russie a été admirable; son présent est plus que magnifique, quant à son avenir—il est au de là de tout, ce que l'imagination la plus hardie se peut figurer* (сказано М. Ѡ. Орлову, когда онъ ходатайствовалъ о Чаадаевѣ; замѣчательно, что поклонникъ русской народности не находить въ русскомъ языкѣ слово, чтобы достойнымъ образомъ ее восхвалять и пользуется французскимъ)—прошлое России удивительно, настоящее превосходно, будущее выше всего, что можетъ представить самое смѣлое воображеніе. Большаго національнаго осмысленія и самомыслія трудно представить. Самыя темныя явленія русской жизни, вредъ крепостного права, представлялись такими „народолюбцами“ въ розовомъ свѣтѣ; самыя необузданныя произволы дурныхъ исполнителей закона оправдывались; существующее закрывалось, всякое дѣяніе и дѣйствіе впередъ отрывалось. Гоголь говорилъ, что Россия—любимое дитя Бога, что черезъ десять лѣтъ Европа прѣидетъ къ намъ не за лѣнкою и саломъ, а за мудростью (черезъ десять лѣтъ послѣ произнесенія этихъ словъ разразилась печальная для России Крымская война). Понятно, что въ такой редакціи словъ крайнихъ послѣдователей „теоріи“ вызвала протестъ, даже со стороны умѣренной части общества, болѣе или менѣе, какъ будто ей близкой. Протестанты не усмотрѣли или не захотѣли усмотрѣть положительныхъ сторонъ „теоріи“ и выставили только отрицательныя. Особенно это нужно сказать относительно анонимовъ изъ либеральнаго лагера.—Самымъ рѣзкимъ между ними, и по времени первымъ былъ Чаадаевъ,—историческая фигура очень яркая сама по себѣ, важная по своему значенію въ исторіи русской общественной и философской мысли и въ частности—по своему вліянію, но разное за-

падничества и косвенно славянофильства. Онъ является тѣмъ вторымъ важнымъ для исторіи національнаго самосознанія явленіемъ общественной жизни, на которомъ мы хотѣли бы остановиться, прежде чѣмъ перейти къ славянофиламъ и западникамъ.

Его считаютъ первымъ западникомъ, такимъ онъ и является по существу своихъ воззрѣній; хотя формально на это имя и не имѣетъ права (какъ школа западничество оформилось немного позже.) Национальное самоотреченіе, „национальное уныніе“ у него дошло до такой высокой точки; какъ ни у кого изъ настоящихъ западниковъ, не исключая и Бѣлинскаго. Онъ совершенно отрицаетъ способность русскаго народа къ созданію какой бы то ни было собственной культуры; для него не существуетъ ни русской исторіи, ни русской вѣры, ни русской жизни, какъ самобытныхъ и имѣющихъ право на самобытность; ни о какихъ особыхъ началахъ русской жизни съ его точки зрѣнія, конечно не можетъ быть рѣчи. Все хорошее—на Западѣ, все плохое на Востоку, въ Россіи. Есть и возможна только единая цивилизація—европейская: „сфера, въ которой живутъ европейцы—единственная, гдѣ человѣческій родъ можетъ достигать своего конечнаго предназначенія,“ поэтому исторія Европы „имѣетъ такое же право на названіе священной какъ и исторія—древняго избраннаго народа“<sup>1)</sup> Единственное спасеніе для русскихъ людей, бросивъ всякія попытки къ самостоятельной культурно-государственной жизни, всецѣло подчиниться западно-европейскимъ образцамъ,—„чѣмъ больше мы будемъ стараться амальгамироваться съ Европой, тѣмъ будетъ для насъ лучше“<sup>2)</sup>; намъ, даже, необходимо отказаться отъ родной православной вѣры и принять западную католическую, потому что „несмотря на названіе христіанъ, мы не тронулись съ мѣста, тогда какъ западное христіанство величественно шло по пути, начертанному его божественнымъ основателемъ“<sup>3)</sup> (здѣсь разумѣется, католичество, которое Чаадаевъ всегда восхваляетъ, протестантству онъ же сочувствуетъ такъ же какъ и православію). Прошлая многовѣковая исторія русскаго народа для него пустое мѣсто ничего не говорящее

<sup>1)</sup> Цыпинъ. Цит. соч. с. 168.

<sup>2)</sup> Ibid. с. 173.

<sup>3)</sup> Ibid. с. 162.

ни его уму, ни сердцу и не имѣвшие никакого значенія въ исторіи человѣчества: „въ нашей исторической памяти,— говоритъ онъ,— нѣтъ чарующихъ воспоминаній, нѣтъ сильныхъ наставительныхъ примѣровъ въ народныхъ преданіяхъ. Пробѣгите взоромъ всѣ вѣка, нами прожитые, все пространство земли, нами занимаемое, вы не найдете ни одного воспоминанія, ни одного памятника, который бы высказалъ вамъ прошедшее сильно, картинно, живо... мы живемъ безъ прошедшаго и безъ будущаго“. <sup>1)</sup> „Отшельники въ мірѣ мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него, не приобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества; ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумѣнія и исказили все, что сообщало намъ это совершенствованіе“... „Мы явились въ мірѣ, какъ незаконнорожденныя дѣти безъ наслѣдства, безъ связи съ людьми, которые намъ предшествовали. Наши воспоминанія не дальше вчерашняго дня. Мы растемъ, но не зрѣемъ, идемъ впередъ, но по какому то косвенному направленію, не ведущему къ цѣли“... <sup>2)</sup> Не видитъ ни одного свѣтлаго явленія въ русской жизни, ни одной привлекательной черты въ характерѣ русскаго человѣка,— „мы неспособны ни къ глубокомыслию, ни къ постоянству... мы равнодушны ко всему хорошему, ко всему дурному, ко всякой истинѣ, ко всякой лжи“ <sup>3)</sup>. „Въ крови у насъ есть что-то враждебное совершенствованію“ <sup>4)</sup>. Когда появилось его первое „философическое письмо“ (въ „Телескопѣ“ 1836 г. „Писемъ“ написано было нѣскольکو, не менѣе трехъ, но главное значеніе имѣетъ первое, появившееся сначала въ рукописномъ видѣ лѣтъ за шесть до напечатанія въ „Телескопѣ“), оно произвело почти ошеломляющее впечатлѣніе на большую часть русскаго общества; „около мѣсяца въ Москвѣ не было ни одного дома, гдѣ бы ни говорили про Чаадаевскую статью; люди всѣхъ слоевъ и категорій общества соединились въ одномъ общемъ воплѣ проклятія человѣку, дерзнувшему оскорбить Россію“ <sup>5)</sup>—такъ, по свидѣтельству біографа Чаадаева реагировало русское общество

<sup>1)</sup> у В. Д. Градовскаго Собр. соч. т. VI с. 167.

<sup>2)</sup> Пыпинъ Цит. соч. с. 161. 160.

<sup>3)</sup> Ibid

<sup>4)</sup> Градовскій Цит. соч. с. 323.

<sup>5)</sup> Пыпинъ. Цит. соч. с. 187. 188.

на Чаадаевское письмо. Очевидно, какъ ни сильно было въ-комъ иноземнаго вліянія воспринятое его космополитическое настроеніе, его равнодушіе къ родной исторіи и народному быту, какъ ни благоговѣло оно передъ Европой, — Чаадаевское „самоотреченіе“ поразило его; „безусловно сочувствующихъ и совершенно согласныхъ не было ни одного человека“<sup>1)</sup>; многие не хотѣли вѣрить, чтобы человекъ въ здравомъ умѣ могъ дойти до такого національнаго самоотреченія и рабства передъ Европой и когда кущена была легенда о сумасшествіи Чаадаева — повѣрило ей. Преслѣдующія дополнителныя „письма“ и „Апология сумасшедшаго“ не взглядами перваго впечатлѣнія и, непризнанный, мало кѣмъ понятный, Чаадаевъ быстро сошелъ съ общественнаго горизонта, отрекся отъ своей вѣры (вопросъ о принятіи католичества Чаадаевымъ не твердо установленъ, но его горьче въ немъ сочувствіе несомнѣнно; есть основаніе думать, что онъ способствовалъ обращенію въ католичество друзей: іезуитъ Гагаринъ свидѣтельствуеъ напр., что онъ многимъ ему обязанъ и что отношенія съ Чаадаевымъ оказали могущественное вліяніе на его будущее<sup>2)</sup>), отъ своего народа и потерялся въ казавшейся ему родной, а въ самомъ дѣлѣ чуждой европейской жизни. Его забыли на долго, вспомнили и „объяснили“ не скоро.

Выступленіе Чаадаева важно было не столько какъ протестъ противъ излишествъ официальныхъ сторонниковъ официальной національной идеи, — въ этомъ отношеніи оно прошло почти безслѣдно (вслѣдствіе своей презрѣнной рѣзкости письмо не только не оказало положительнаго вѣдѣнія на общество, а какъ сказано, вызвало съ его стороны протестъ и осужденіе, т. е., въ концѣ концовъ помогло тогдашнимъ націоналистамъ, а не западникамъ космополитамъ), сколько, какъ толчокъ къ окончательному проявленію двухъ началъ — западничества, прямо отъ него исходящаго, и славянофизьства — ему протестующаго<sup>3)</sup>.

1) Ibid. с. 190

2) Любопытное совпаденіе. На зарѣ XX столѣтія, какъ въ началѣ XIX-го выступилъ свой Чаадаевъ, правда, гораздо болѣе мелкаго калибра, — М. Горькій. Въ декабрьской книжкѣ 1915 г. журн. Лѣтопись появилась его статейка „Двѣ души“. (См. еще 1916 г., мартъ „къ читателямъ“). Конечно Горькій философомъ никогда не былъ, его



Вопросъ объ отношеніи Россіи къ Европѣ, о русской національности и русской національной самобытности былъ поставленъ Чаадаевымъ, что называется „ребромъ“—рѣзко и совершенно ясно, безъ всякихъ умолчаній, выводы сдѣланы съ полной послѣдовательностью и смѣлостью—въ этомъ несомнѣнная его заслуга. Если до Чаадаева національная идея и вопросъ о національномъ характерѣ и назначеніи

трудно признать даже просто широко и основательно образованнымъ человѣкомъ, и, разумѣется, онъ никакъ не можетъ идти въ сравненіи съ Чаадаевымъ—человѣкомъ несомнѣнно европейски образованнымъ, съ философскимъ складомъ ума и способностью къ философскому умозрѣнію; но мысли, развиваемыя имъ въ (въ указанной статьѣ) и особенно безнадежный пессимизмъ въ отношеніи къ родной странѣ и слѣдое пренебреженіе предъ Европой, очень напоминаютъ „национальное уныніе“ и западничество Чаадаева. (Горькій съ любовью вспоминаетъ „поучительное“ письмо Чаадаева, вообще всѣхъ, кто ругалъ Россію—Лѣтопись 1916 г. мартъ „къ читателямъ“). Какъ Чаадаевъ въ своемъ увлеченіи Западомъ и пренебреженіи къ Востоку, вышелъ далеко за предѣлы западничества, такъ перешагнулъ далеко за предѣлы новѣйшаго западнаго социализма и М. Горькій (повторялось отъ мѣчанина Ю. Крашницемъ славяно-русское неумѣнье „мѣру держать“). Все, что говоритъ онъ о Востокѣ и Россіи, исполнено самаго безнадежнаго пессимизма, а моментами ненависти и презрѣнія къ нимъ. Русский народъ—пассивенъ, совершенно непригоденъ для созидательной работы, умѣетъ уходить отъ жизни и неспособенъ ее творить. Западъ, напротивъ, своею активностью вызываетъ его восторгъ. Западу предстоитъ жизнь, Востоку—смерть. Все хорошее—съ Запада, все дурное—съ Востока. „О русскомъ народѣ ни единого добраго слова, ни единого просвѣта въ непроницаемой тьмѣ, которою окутаны обѣ „Души“ его! Какъ начато, такъ и окончено: торжественной и пышной панихидой“ (Л. Андреевъ. Совр. Міръ 1916. № I. с. 110). Мы не говоримъ здѣсь, насколько послѣдовательны Горькій и его журналъ въ своихъ западническихъ взглядахъ, это оцѣнено ихъ рецензентами. За такіе мысли въ свое время, гораздо болѣе умнаго Чаадаева, ославили сумасшедшимъ, никто ничего подобнаго въ настоящее время не думаетъ о Горькомъ, напротивъ онъ и теперь, несмотря на несомнѣнный упадокъ литературнаго таланта, пользуется нѣкоторымъ авторитетомъ, продолжая жить на проценты отъ стараго литературнаго капитала; но несмотря на это его „самоопцѣваніе, сектантское самоожженіе, верченіе волчкомъ“ (ibid) нигдѣ не встрѣтило сочувствія и одобренія, даже въ либерально-соціалистическомъ лагерѣ („Современ. Міръ“) и неизмѣримо меньше общественнаго вниманія, чѣмъ когда-то „Философическое Письмо“ Чаадаева. Такъ измѣнились времена и такъ пало обаяніе Горькаго..

русскаго народа, въ сознаниі русскаго общества не имѣли достаточной опредѣленности, то послѣ него передъ всякимъ мыслящимъ „общественникомъ“ ясно обрисовались двѣ дороги: старая, проторенная—въ Европу, и новая, тогда только (теоретически) намѣчавшаяся—къ славянству и родной народности,—путь національнаго самоотреченія и путь національной самобытности. Русская интеллигенція и пошла по этимъ двумъ дорогамъ, образовавъ два идейныхъ лагеря: западнической и славянофильской.

Окончательно, какъ двѣ самостоятельныя школы, западничество и славянофильство опредѣлились въ сороковыхъ годахъ XIX ст., тогда получили они и свои названія, но корень ихъ, какъ мы видѣли, уходитъ далеко вглубь русской исторіи. Можно оспаривать зарожденіе ихъ, какъ двухъ направленій общественно-политической мысли (теорій, школъ) въ XVII в., но противъ того, что *фактически, въ жизни, какъ настроеніе*, они существуютъ съ этого времени—врядъ ли можно много возражать.

Что касается прежде всего западничества (въ указанномъ широкомъ смыслѣ слова), то, зародившись въ то время, когда начались дѣятельныя сношенія Россіи съ Европой (см. выше), оно съ Петра Великаго властно входитъ въ русскую жизнь и остается въ ней уже навсегда, получая въ разные времена большую или меньшую силу, захватывая болѣе или менѣе глубоко и широко русское общество, но уже никогда не исчезая совершенно. Въ началѣ внѣшнее, поверхностное, оно съ теченіемъ времени становится все болѣе и болѣе глубокимъ, не ограничиваясь однимъ костюмомъ (вообще внѣшней стороною), а плѣняя постепенно и душу русскаго человѣка. Къ XIX вѣку это духовное плѣненіе русскаго общества достигаетъ апогея: западная (больше нѣмецкая) философія, наука, литература, искусства, нравы и т. д.—господствуютъ въ Россіи, какъ у себя дома. Западничество (школа XIX в.) и явилось теоретическимъ осмысленіемъ и научнымъ оправданіемъ этого давняго и глубокаго жизненнаго явленія (конечно, въ очищенномъ отъ крайностей видѣ). Происхожденіе его довольно понятно и просто. Оформилось оно теперь, а не раньше потому, что только къ этому времени русская интеллигенція стала способна къ научно-философскому обобщенію жизненныхъ явленій,

начала усиленно интересоваться и внимательно изучать западныхъ философовъ и проявлять попытки къ самостоятельному философствованію (40-ые годы—время господства среди русской интеллигенціи отвлеченнѣйшихъ философскихъ ученій: Канта, Гегеля, Шеллинга, Фихте и т. д.). Если мы обратимся къ содержанію западной „вѣры“, то найдемъ въ ней то, что бессознательно даннымъ давно содержалось въ жизни русскаго общества. Чаадаевское исповѣданіе, уже разсмотрѣнное нами, для характеристики западнаго ученія чрезвычайно цѣнно. Послѣдующіе формально полноправные западники (Бѣлинскій, Кавелинъ, Грановскій, Герценъ до своего отпаденія и др.) по существу мало добавили къ тому, что далъ Чаадаевъ, они только смягчили его беспощадный скептицизмъ. Въ отношеніи къ Европѣ—преклоненіе, въ отношеніи къ родинѣ—сносительное и любовное, пожалуй, но все таки—пренебреженіе. Цивилизація едина и это—цивилизация европейская; славянской цивилизаціи не было и не будетъ; Россія должна пройти совершенно тотъ же путь, который прошла Европа, особаго пути для нея нѣтъ, какъ нѣтъ и особенныхъ какихъ-нибудь свойствъ, исключительно принадлежащихъ русскому народу. Думать иначе—значитъ тормозить прогрессъ родной страны. Если и можно найти какія-нибудь особенности въ русскихъ людяхъ, то это просто историческія наслоенія, большею частью бесполезныя и вредныя, отъ которыхъ нужно освободиться. Чѣмъ ближе Россія придвигается къ Европѣ, чѣмъ дальше отходитъ отъ „византийско-славянской дикости“, тѣмъ больше она приближается къ цѣли своего историческаго бытія, которая въ концѣ концовъ состоитъ въ полномъ сліянніи съ Европой и денационализациі. Понятно, почему Бѣлинскій и всѣ ранніе и поздніе западники превозносятъ Петра Великаго. Замѣчательно въ частности, что Европу они видѣли, главнымъ образомъ, въ Германіи, находя даже какое то духовное родство русскихъ съ нѣмцами. Въ признаніи первенствующаго значенія нѣмецкой націи и нѣмецкой культуры они являлись вѣрными послѣдователями своихъ нѣмецкихъ учителей-философовъ Шеллинга и Гегеля, повторяя ихъ теорію о такъ называемыхъ „избранныхъ націяхъ“, господствующихъ въ каждый данный историческій моментъ—и о гер-

манской націи, которой, будто бы, принадлежитъ такая господствующая роль и право на всемірное владычество въ новѣйшее время, какъ представляющей послѣднее высшее выраженіе міроваго духа, воплощающей въ себѣ всемірно-историческую идею и потому имѣющей право на духовное плѣненіе и порабощеніе прочихъ народовъ. Отсюда слѣдовало, что для всякаго не германца „чтобы стать человекомъ, надо сперва сдѣлать изъ себя германца“—(Ю. Самаринъ). Бѣлинскій, превознося блага вѣмецкой культуры, высказываетъ, между прочимъ, такое пренебрежительное сужденіе о ней: „вліяніе вѣмцевъ благотвительно для насъ во многихъ отношеніяхъ, и со стороны науки и искусства и со стороны духовно-нравственной“ (?!). „Не имѣя ничего общаго съ нѣмцами въ частномъ выраженіи своего духа мы имѣемъ много съ ними общаго въ основѣ, сущности, субстанціи нашего духа. Съ французами мы находимся въ обратномъ отношеніи, хорошо и охотно сходясь съ ними въ формахъ общественной (свѣтской) жизни, мы враждебно-противоположны съ ними по существу нашего національнаго духа“ (т. II, с. 304; насколько справедливы сужденія Бѣлинскаго, читатель самъ рассудитъ, а современныя событія дадутъ ему свидѣтельство нашего „субстанціального“ родства съ нѣмцами). Эту тенденцію подставлять на мѣсто Европы Германію, мы найдемъ у всѣхъ почти западниковъ, да и не только у западниковъ. (Екатерина Великая со своими идейными сподвижниками, выдвигая національную идею и вооружаясь противъ приверженности къ иноземцамъ, имѣетъ въ виду одно французское вліяніе и съ благосклонностью относится къ вѣмцамъ, поручая имъ, напр., насаждать просвѣщеніе на Руси и т. п.; то же и при Александрѣ I, и именно во вторую половину его царствованія, когда его политика принимаетъ ярко охранительный характеръ; „официальная народность“ въ царствованіе Николая I-го мирится съ господствомъ вѣмцевъ въ высшемъ управленіи и въ жизни; словомъ, въ теченіе двухъ столѣтій мы или сами благотвествовали нѣмцамъ, выгораживая ихъ и спасая, или ихъ считали своими благодѣтелями, рабобѣнствуя передъ ними и въ знакъ благодарности подставляя имъ свою спину, на что жаловался еще Ю. Крижаничъ; западники своимъ теоретичес-

философскимъ оправданіемъ превосходства нѣмцевъ очень много содѣйствовали этому господству нѣмцевъ въ Россіи). Славянская идея была еще болѣе чужда западникамъ, чѣмъ русская національная идея. На славянъ они имѣли очень презрительный взглядъ, ставя ихъ „ниже китайцевъ“ (Бѣлинскій), ихъ судьбой совершенно не интересовались; Турція и Австрія имъ были гораздо милѣе, чѣмъ все славянство, вмѣстѣ взятое; „австрійскій солдатъ“—по ихъ мнѣнію—„является цивилизаторомъ въ славянскихъ земляхъ“... „Организованное Турціи, какъ государству, нужно почувствовать болѣе, чѣмъ неорганизованному сброду славянства“<sup>1)</sup> (И здѣсь западники повторяютъ своего вдохновителя Героля, который отзывался о славянахъ слѣдующимъ образомъ: „они составляютъ нѣчто среднее между европейскимъ и азіатскимъ духомъ. Это—темная масса. Если бы нашъ вѣкъ принадлежалъ славянамъ—это былъ бы ужасный вѣкъ“<sup>2)</sup> Мы не станемъ подробно излагать воззрѣній западниковъ, для нашей задачи совершенно достаточно сдѣланныхъ общихъ замѣчаній. Намъ необходимо еще сказать въ частности о томъ значеніи, какое имѣло западничество въ исторіи русскаго національнаго самосознанія. Не трудно видѣть, что оно было по преимуществу отрицательнымъ (общаго значенія западничества въ исторіи русской мысли, русской литературы и русской жизни мы не думаемъ ни отрицать, ни ослаблять; мы говоримъ здѣсь о его значеніи только въ одномъ отношеніи). Западники всегда и все были космополитами, общечеловѣческая идея ихъ вдохновляла, а не національная, челоуѣчество безъ остатка потлотило въ ихъ сознаніи народность, „они были врагами и гонителями народности, какъ славянской сущности, преслѣдователями воѣхъ мѣстныхъ проявленій народности“<sup>3)</sup>. Сомнѣваться въ ихъ любви къ русскому народу, ихъ честности и искренности врядъ-ли возможно (по словамъ Достоевскаго, они, не только были честными, искренними людьми, не только

<sup>1)</sup> У Апол. Григорьева. Обр. соч. Москва 1915. Вып. 3. с. 270.

<sup>2)</sup> У Н. Л. Бродскаго. Ранніе славянофилы. Москва 1910. Введеніе: с. XXXVI.

<sup>3)</sup> Ап. Григорьевъ. Цит. соч. с. 99.

любили Россію, но въ нихъ было и тонкое чутье русскаго духа и русской народности <sup>1)</sup>, но по странности, свойственной, кажется, только русскому человѣку, они вопреки всякой психологической и исторической очевидности, пришли къ отрицанію духовной сущности и возможности самобытнаго развитія того самаго народа, который такъ искренно любили <sup>2)</sup>. Возмущаясь несовершенствами русской жизни и недостатками русскаго народнаго характера, они вмѣсто того, чтобы стремиться къ исправленію ихъ, отвергли эту жизнь, объявили несуществующимъ этотъ характеръ и предложили русскимъ людямъ претвориться въ общечеловѣковъ, а за неимѣніемъ таковыхъ,—въ нѣмцевъ. Такое національное самопожертвованіе могло бы быть признано проявленіемъ той славянской пассивности, которая такъ возмущаетъ одного изъ современныхъ представителей западничества—М. Горькаго („Двѣ души“). Западничество 40-хъ годовъ по удачному замѣчанію одного изъ его критиковъ, „явилося средствомъ искусственной, внутренней эмиграціи изъ крѣпостной Россіи“ въ область „всеевропейскаго“ <sup>3)</sup>. Западники, такимъ образомъ, по существу своихъ воззрѣній могли только затормозить ростъ русскаго національнаго самосознанія, закрѣпить утвердившуюся со времени Петра рабскую зависимость отъ Европы и національное безличіе. И они это сдѣлали. Национальное самосознаніе было въ это время слабо развито, національная идея большимъ кредитомъ не пользовалась, авторитетъ Европы стоялъ почти непоколебимо въ сознаніи „просвѣщеннаго“ общества, культурное первенство нѣмцевъ никѣмъ почти изъ „передовыхъ“ людей не оспаривалось,—такъ было въ жизни (степени распространенности и силы вліянія, такъ наз. теоріи официальной народности не нужно преувеличивать: тогдашней интеллигенціи она почти не задѣвала,—не только западники, но и славянофилы

<sup>1)</sup> Собр. соч. т. IX с. 155.

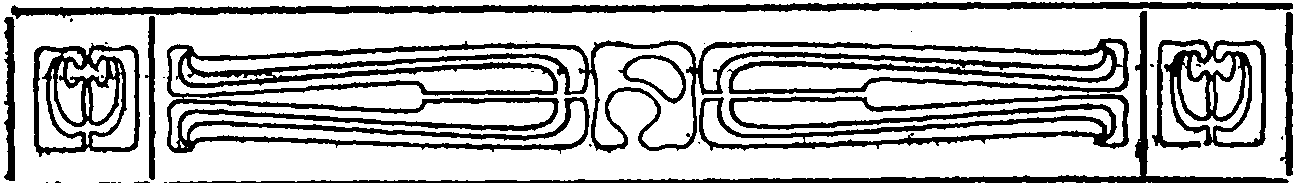
<sup>2)</sup> Попытки снять съ западниковъ обвиненіе въ космополитизмѣ и отрицательномъ отношеніи къ русской народности никогда не отличались особой убѣдительностью. Такова, напр., попытка Пыпина (Цит. соч. с. 458 и д. 459 и д.), ему удается въ нѣкоторой степени объяснить и смягчить рѣвкіе полемическіе выпады Бѣлинскаго и его единомышленниковъ, и только...

<sup>3)</sup> Градовскій. Собр. соч. т. VI, с. 358.

рѣшительно отдѣляли себя отъ нея; ея вліяніе ограничивалось правящими кругами и близкими къ нимъ общественными элементами). Западники, принявъ это содержаніе жизни, дали ему идейную основу, возвели практику жизни въ идеаль (освободивши ее, какъ уже упомянуто было, отъ крайностей и утрировки),—дѣйствительное въ должное. Съ этихъ поръ у насъ надолго космополитизмъ является основнымъ догматомъ и вывѣской либерализма, а націонализмъ признакомъ ретроградства и застоя. И нужна была такая кровавая встряска, какъ настоящая война для того, чтобы послѣдній получилъ право свободного обсужденія на страницахъ либеральной печати, и сторонники національной идеи, хотя частью интеллигенціи, перестали считаться челоуѣконенавистниками.—Справедливость требуетъ отмѣтить и нѣкоторое положительное значеніе западничества въ исторіи русскаго національнаго самосознанія. Вооружаясь противъ національнаго самообольщенія и національной гордости, національнаго самодовольства и національной исключительности, противъ ксенофобіи и чрезмѣрно низкой оцѣнки европейскаго просвѣщенія—противъ всѣхъ вообще крайностей извращеннаго націонализма, въ это время проявившихся въ довольно рѣзкой формѣ—западники тѣмъ самымъ способствовали до нѣкоторой степени просвѣтлѣнію національнаго самосознанія, освобожденію его отъ чуждыхъ его природѣ элементовъ, заставляли националистовъ, что называется подтянуться и подчиститься. Такой цѣли они себѣ прямо не ставили и ихъ содѣйствіе оздоровленію національнаго самосознанія было по преимуществу невольнымъ.—Можно бы указать и еще одинъ, съ нашей точки зрѣнія положительный результатъ отрицательно—критической дѣятельности западничества, который, конечно, не входилъ въ его расчеты. Крайностями своего національнаго самоотреченія и европейскаго „обольщенія“ оно вызвало неизбежную реакцію и протестъ со стороны другой части русскаго общества, которые были тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше шли эти крайности, т. е., содѣйствовало развитію противоположнаго направленія—славянофильства.

*П. Врасинъ.*

(Окончаніе слѣдуетъ).



## Библиографія.

### I

Прот. Л. В. Зубаревъ. „Путь къ импровизациѣ.“ Стр. 65. Вятка, 1916 г.  
цѣна 1 р.

Небольшая и не отличающаяся особою оригинальностью содержания брошюра прот. Зубарева представляет собою известную цѣнность постольку, прежде всего, поскольку въ ней чувствуется живой и искренній откликъ пастыря Церкви на одну изъ весьма существенныхъ сторонъ церковной жизни—дѣло церковнаго проповѣдничества. Основная мысль о. Зубарева сводится къ слѣдующему: условія современной жизни таковы, что пастырь Церкви необходимо призывается ими къ „служенію слова“ путемъ „живой, устной рѣчи, путемъ импровизаци; то время, когда пастырь—проповѣдникъ, не смущаясь, могъ „говорить“ поученія по книжкѣ, безвозвратно кануло въ вѣчность“ (Стр. 5). Отсюда—содержаніе брошюры о. Зубарева: раскрытіе вопроса о субъективныхъ и объективныхъ условіяхъ импровизаци. Затрагивающая крайне серьезный, жизненный вопросъ, брошюра эта, къ сожалѣнію, не совсемъ безупречна въ смыслѣ внутренней выдержанности ея положеній, строгости содержания. Слишкомъ глубокая и важная проблема затронута авторомъ для того, чтобы можно было исчерпывающимъ образомъ разрѣшить ихъ въ предѣлахъ нѣсколькихъ десятковъ печатныхъ страницъ. Известнаго рода незаконченность и сказывается съ первыхъ же строкъ. Къ числу жизненныхъ явленій, настоятельно побуждающихъ озаботиться развитіемъ импровизаци въ дѣлѣ церковнаго проповѣдничества, авторъ (введение стр. 5—6) относитъ: а) ростъ сектантства, пропагаторы котораго оказываютъ сильное вліяніе на народныя массы именно живымъ словомъ, что требуетъ борьбы съ ними тѣмъ



же оружіемъ; б) наличность Государственной Думы, которая „производитъ глубокое вліяніе на жизнь нашего общества, привыкающаго видѣть и слушать ораторовъ, говорящихъ импровизаціей, и потому... оцѣнивающаго только тѣхъ пастырей, которые говорятъ живымъ словомъ, импровизаціей; в) великую нынѣшнюю войну, создающую зарю новой жизни, охватывающей всѣ слои общества, жизни, которой пастыри Церкви призваны дать, съ помощью живого слова, надлежащее направленіе. Нужно ли говорить о нѣкоторой наивности подобнаго рода мотивировки, слишкомъ разнохарактерной въ отдѣльныхъ ея пунктахъ? Указывая временные, даже случайные факторы, о. Зубаревъ не позаботился отгнать должнымъ образомъ самое главное и вѣвременное—проанализировать тотъ внутренній процессъ, какой совершается подъ вліяніемъ проповѣди, читаемой по тетрадкѣ, или же произносимой въ формѣ живого слова, въ душѣ слушателя прежде всего, а отчасти—и самого проповѣдника, отмѣтить выгодныя и невыгодныя стороны того и другого способа проповѣдничества. Тогда были бы вполне законны и дальнѣйшія ссылки на св. отцевъ и учителей Церкви, пользовавшихся живымъ словомъ въ дѣлѣ проповѣди, хотя вѣщныя условія ихъ жизни ничего общаго съ современными не имѣли. Въ частности, вышеприведенная мотивировка о. Зубарева производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ брошюры позабылъ, что пастырямъ Церкви приходится имѣть дѣло прежде и больше всего съ миллионнымъ простымъ нашимъ народомъ, слишкомъ еще далекимъ, по счастью, отъ того, чтобы критически сравнивать своего приходскаго пастыря, какъ проповѣдника, съ ораторами государственныхъ установленій. А если такъ, то не слишкомъ ли сильно сказано по вопросу о формѣ импровизаціи: „Такъ-какъ пастырь Церкви проповѣдникъ находится среди общества людей, является проповѣдникомъ предъ публикою образованною, имѣющею развитый вкусъ къ изящному и красивому, критически относящуюся къ слову проповѣдника, то ему весьма важно знать, въ какую форму облекать свои импровизаціи, въ какой мѣрѣ и силѣ заботиться объ этомъ, повидимому, важномъ факторѣ въ проповѣдничествѣ“ (Стр. 9). Все сказанное примѣнимо, конечно, къ вѣдѣемымъ слоямъ общества, но не нужно бы дѣлать

слишкомъ широкихъ обобщеній, бросать фразъ, которыя, къ тому же, въ дальнѣйшемъ изложеніи сами себя не оправдываютъ.

Переходя къ разбору самаго содержанія разсматриваемой брошюры, необходимо отмѣтить прежде всего слѣдующее: напрасно о. Зубаревъ отнесъ на послѣднія страницы ея (56—57) опредѣленіе импровизаціи, которую онъ понимаетъ въ наиболѣе широкомъ смыслѣ этого слова, какъ только „живое, устное слово“, произносимое пастыремъ—проповѣдникомъ послѣ долгой и тщательной, внѣшней и внутренней, подготовки, (объективныя и субъективныя условія импровизаціи), противопоставляя этому живому слову чтеніе проповѣди по книгѣ. Незачѣмъ, казалось бы, такъ долго держать въ недоумѣніи читателя брошюры. А это недоумѣніе создается и особенно сильнымъ оказывается при чтеніи первой части ея, гдѣ о. Зубаревъ раскрываетъ вопросъ о субъективныхъ условіяхъ импровизаціи (стр. 10—38). Правда, въ данномъ случаѣ оно имѣетъ для себя еще и особая основанія. Вторую часть своей брошюры авторъ начинаетъ словами: „Послѣ всего сказаннаго (о субъективныхъ условіяхъ импровизаціи) можно бы поставить точку“ (стр. 39). „Точки“, конечно, поставить нѣвъ какомъ случаѣ нельзя, но не потому только, что ранѣе не выяснено было самое пониманіе авторомъ импровизаціи. Излагая субъективныя условія проповѣдней, о. Зубаревъ на протяжении указанныхъ страницъ (10—38) рассуждаетъ о такихъ вещахъ, какъ „духовное богатство проповѣдника; безнравственность; аскетизмъ и богословское образованіе проповѣдника; св. Библія въ жизни проповѣдника; важность самопознанія; слово и жизнь проповѣдника; участіе пастыря въ церковно-общественныхъ организаціяхъ; знакомство проповѣдника съ современнымъ состояніемъ литературы“ и т. п. (приводимъ нѣкоторыя подзаголовки брошюры). Нужно ли говорить о томъ, что все это—условія не проповѣдничества только, не импровизаціи, а истиннаго пастырства вообще? Никто не будетъ отрицать, конечно, что живая и дѣйственная церковная проповѣдь составляетъ одну изъ существеннѣйшихъ задачъ пастыря Церкви Христовой; но—не единственную. Вотъ почему было бы умѣстнѣе иначе расположить матеріалъ брошюры: выяснить съ достаточною подробностью объективныя условія и средства импровизаціи,

а затѣмъ уже—указать тѣ сокровенные пути, какіе создаютъ не только проповѣдника—импровизатора, а добраго пастыря словеснаго стада Христова вообще. Пути эти должны быть хорошо извѣстны каждому христіанину, а пастырю Церкви (къ нимъ, вѣдь, направлена брошюра о. Зубарева по преимуществу)—въ особенности, и потому нѣтъ нужды въ слишкомъ громкомъ о нихъ напоминаніи, способномъ, пожалуй, даже породить въ душѣ читающаго нѣкоторую робость въ сознаніи своей отдаленности отъ идеала. Между тѣмъ, такого угнетающаго впечатлѣнія можно было бы и избѣжать. Чистый сердцемъ, глубоко вѣрующій приходскій пастырь, скромный сельскій священникъ, какихъ десятки тысячъ, можетъ быть плохимъ импровизаторомъ въ смыслѣ проповѣди съ церковнаго амвона, но это не лишаетъ его возможности руководить пасомыми съ помощью того же живого слова въ другой обстановкѣ. Вотъ этой то черты,—необходимости живого словеснаго наученія пасомыхъ повсюду,—совершенно не отмѣтилъ въ своей брошюрѣ о. Зубаревъ,—а между тѣмъ такое указаніе могло бы играть и чисто практическую роль, какъ напоминаніе объ одномъ изъ внѣшнихъ способовъ овладѣнія исподволь способностью свободнаго живого проповѣдническаго слова въ храмѣ.

Что касается второй части брошюры о. Зубарева, гдѣ онъ обсуждаетъ вопросъ объ объективныхъ условіяхъ импровизации, то здѣсь достаточно отмѣтить одно лишь: если авторъ въ первой части брошюры говоритъ о необходимости современности слова, то почему не указываетъ онъ способовъ подготовки къ этому именно въ школѣ, широко отстаивая такую подготовку вообще?.. Въ остальномъ всѣ его совѣты и указанія безспорно вѣрны, хотя слишкомъ теоретичны.

Нужно сказать, наконецъ, по содержанию брошюры въ ея цѣломъ, что о. Зубаревъ, быть можетъ, слишкомъ сгущаетъ краски: живое слово давно уже растетъ въ нашей православной Церкви и та „книга“, о которой упоминаетъ о. Зубаревъ, остается исключительнымъ дѣяніемъ уже не столь многихъ. При всемъ томъ, настоящая брошюра—явленіе, безспорно, въ высшей степени симпатичное. Въ цѣломъ она составлена именно, какъ пламенный призывъ къ живому проповѣдническому слову, призывъ, который, возможно, спо-

собенъ пробудить не особенно склонныхъ къ дѣлу проповѣдническаго служенія пастырей Церкви, гдѣ есть таковыя, заставить ихъ внимательнѣе и глубже подумать надъ этимъ серьезнымъ вопросомъ и, быть можетъ, сдѣлать въ данномъ направленіи многое. А для юношей-учащихся духовной школы, только готовящихся выйти на святое дѣло пастырства, брошюра была бы хорошимъ напутственнымъ словомъ. Вотъ почему ей и можно пожелать возможно широкаго распространенія.

*Н. Н.*

## II

*Протоіерей П. Миртовъ. «Надъ моремъ житейскимъ»* (Слова, рѣчи и бесѣды). Петроградъ, 1914 г. Цѣна 1 р. 30 к.

Въ краткомъ предисловіи къ своему сборнику о. Протоіерей Миртовъ дѣлаетъ скромную оговорку, что его составъ и происхожденіе опредѣлились совершенно случайно: сборникъ этотъ выпущенъ авторомъ въ печать подѣ влияніемъ опредѣленно и неоднократно выраженнаго желанія слушателей, проповѣдника видѣть въ печати его устное слово; но многія изъ проповѣдей и рѣчей о. Миртова, — быть можетъ даже наиболѣе провикновенныя, — записаны не были и потому войти въ издаваемый сборникъ не могли; другая часть въ значительной степени возстановлена по случайнымъ записямъ слушателей; въ размѣщеніи возстановленнаго матеріала не выдержано какой либо системы, — все это, замѣчаетъ авторъ, быть можетъ, хотя до извѣстной степени оправдываетъ недостатки издаваемаго сборника предъ судомъ его читателей. Нѣтъ, думается, необходимости даже и въ приведенной оговоркѣ о. Протоіерея. Самый составъ сборника его рѣчей, словъ и бесѣдъ таковъ, что извѣстные недочеты ихъ являются не только извинительными, но болѣе того — законными, слишкомъ понятными. Эти рѣчи и слова въ большинствѣ случаевъ, повидимому, являются продуктомъ потребности данной минуты, выявленіемъ проповѣдническаго творчества извѣстнаго момента, экспромптовыми произведеніями, гдѣ не было и не могло быть мѣста предварительной шлифовкѣ, стилизациі. Самое заглавіе сборника — „Надъ моремъ житейскимъ“ — какъ нельзя болѣе подтверждаетъ это, и едва ли можно было выбрать заголовокъ болѣе удачный. Живой, ясный умъ и горячее сердце проповѣдника постоянно, быстро и непосред-

ственно, реагировали на шумные всплески волнъ „житейскаго моря“, въ какую бы сторону ни были онѣ направлены, отвѣчали на трепещущіе вопросы дна. Отсюда—чрезвычайная разнохарактерность словъ и рѣчей, вошедшихъ въ составъ сборника о. Протоіерея Миртова. Какая бы то ни была система въ распредѣленіи матеріала могла бы быть выдержана здѣсь развѣ съ большимъ трудомъ, поскольку въ собранныхъ произведеніяхъ нѣтъ свойственной нѣкоторымъ геніямъ церковнаго слова склонности—въ отдѣльныхъ, часто раздѣленныхъ значительными промежутками времени, поученіяхъ все глубже раскрывать извѣстную мысль, анализировать до конца вопросъ, имѣющій внѣвременное значеніе. Слова и рѣчи о. Миртова, напротивъ, въ большинствѣ случаевъ приноровлены къ совершенно частнымъ эпизодамъ жизни и за рамки ихъ раскрытія почти не выходятъ, оставивъ вниманіе читателя только на данномъ явленіи, вскрывая его значеніе. Только въ нѣкоторыхъ, немногихъ сравнительно, поученіяхъ о. Миртова замѣтно стремленіе выйти въ развитіи мыслей и положеній изъ границъ даннаго момента, частнаго случая, и лишь пользуясь имъ, высказать положенія болѣе общаго характера. Къ сожалѣнію, проповѣдникъ не считается въ подобныхъ случаяхъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что раскрытіе такихъ положеній, если оно хочетъ быть вполне удовлетворительнымъ, исчерпывающимъ, не можетъ быть выполнено въ границахъ поученія, произносимаго въ теченіе всего нѣсколькихъ минутъ. При такой кратковременности могутъ, естественно, получаться лишь общіе контуры, наброски мыслей, мало что дающіе слушателямъ. Укажемъ въ качествѣ такого примѣра на слово о. Протоіерея подъ заголовкомъ „Задачи жизни“, произнесенное въ день рожденія Государыни Императрицы Александры Феодоровны. На протяженіи поученія, занявшаго въ печати всего пять небольшихъ страницъ, проповѣдникомъ затронуты вопросы: о значеніи рожденія вообще, какъ выявленія торжества вѣчнаго начала жизни; рожденія чловѣка, въ частности; духовномъ рожденіи чловѣка—христианина, его сущности и, наконецъ, о жизненномъ долгѣ послѣдняго. Естественно, что при такомъ обилии мыслей онѣ не могли быть вскрыты надлежащимъ образомъ. Что касается самой формы построенія поученій, то въ общемъ о.

Миртову присуща склонность проводить параллели между известнымъ вопросомъ или событіемъ дня и событіями и истинами евангельскими. Таково, напр., слово, озаглавленное „Два камня“, посвященное призыву къ борьбѣ съ алкоголизмомъ. Авторъ вспоминаетъ св. женъ мироносицъ, камень у двери гроба Спасителя, о тяжести котораго думали св. жены, идя ко гробу,—и переходитъ мыслью къ другому камню—алкоголю, 'страшной тяжестью своею угнетающему родную землю. Такая параллель, умѣло выдержанная, еще допустима. Но въ иныхъ случаяхъ та же параллель производитъ странное впечатлѣніе. Имѣемъ въ виду слово, озаглавленное „Путь и смыслъ человѣческой культуры“. Произнесено оно было на юбилей по случаю 50—лѣтія Сѣверо-Западныхъ ж. дорогъ. Авторъ взялъ эпиграфъ: „Азъ есмь путь“ (Іоан. 14, 6),—такая параллель не совсѣмъ удобна. А общая мысль автора, что развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ непосредственно содѣйствуетъ человѣку въ исполненіи и укрѣпленіи его христіанскихъ обязанностей и задачъ, могла бы быть слишкомъ оспариваема. Но много почтеннымъ о. Протоіереемъ выпущено въ свѣтъ другихъ его произведеній, —свѣтлыхъ, сердечныхъ и безупречныхъ всесторонне. Таковы въ особенности рѣчи и бесѣды, посвященные вопросу о борьбѣ съ алкоголизмомъ, по богатству своихъ мыслей сохраняющія свое значеніе и въ настоящее время. Въ остальномъ же настоящій сборникъ цѣненъ, конечно, лишь какъ хранилище произведеній опытнаго проповѣдника, безъ котораго проповѣди о. Миртова по необходимости были бы совершенно потеряны для христіанскаго общества.

Р. II.

## ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

## „ВѢРА И РАЗУМЪ“

ВЪ 1917 ГОДУ.

Въ 1916 году старый и извѣстный всѣмъ любителямъ духовной литературы богословско-философскій журналъ „Вѣра и Разумъ“, основанный 1882 г. приснопамятнымъ Архіепископомъ Амвросіемъ, перешелъ въ завѣдываніе новаго состава редакціи, за отказомъ (по преклонности лѣтъ) перваго наслѣдственнаго редактора К. Е. Истомина, руководившаго журналомъ съ самаго начала его существованія.

Новый составъ редакціи, состоящій изъ членовъ семинарской корпораціи, раздѣлилъ между собою трудъ по прочтенію доставляемаго матеріала, поставивъ себѣ ближайшей задачей, чтобы ни одна доставленная рукопись не залеживалась бы безъ скорой и внимательной оцѣнки.

Начавъ со столь скромнаго общанія взаимнѣйшей свойственной многимъ изданіямъ хвастливой рекламы съ невыполнимыми общаніями, редакція чистосердечно сознаетъ, что ни одинъ такъ назыв. «толстый» журналъ, издаваемый непрофессиональными журналистами, а присяжными тружениками школы и науки, не можетъ претендовать на всестороннее полное освѣщеніе всѣхъ интересующихъ публику вопросовъ по разнымъ отраслямъ общественной жизни и наукъ: богословскихъ, философскихъ и гуманитарныхъ. Но при всемъ томъ читатели, знакомые съ нашимъ журналомъ за 1916 г., не будутъ отрицать, что онъ изобилуетъ статьями интересными, живыми, подчасъ весьма оригинальными, отвѣчающими на современные вопросы жизни и мысли и привлекающими вниманіе другихъ повременныхъ изданій. По этой вѣроятнѣе причинѣ и подписка на журналъ „Вѣра и Разумъ“ въ 1916 году замѣтно поднялась.

Но еще въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1915 года въ наше изданіе была введена и другая реформа. Именно: журналъ „Вѣра и Разумъ“ для большаго соответствія своей задачѣ былъ освобожденъ отъ хроники мѣстной церковной жизни и того болѣе популярнаго литературнаго матеріала, который обыкновенно составляетъ содержаніе «Епархіальныхъ Вѣдомостей». Такой матеріалъ выдѣленъ въ особый еженедѣльный журналъ „Пастырь и Паства“, отличающійся однако отъ обычнаго типа «Епархіальныхъ Вѣдомостей» тѣмъ, что онъ

является сосредоточіемъ живого обмѣна мыслей пастырей, законоучителей, миссіонеровъ и учителей. Журналъ этотъ настолько привлекъ вниманіе церковно-приходскихъ дѣятелей, что охотно выписывается и въ другія епархіи, часто независимо отъ журнала „**Вѣра и Разумъ**“.

Журналъ „**Вѣра и Разумъ**“, какъ и въ прошломъ году, будетъ выходить разъ въ мѣсяць, не менѣе десяти печатныхъ листовъ, а „**Пастырь и Паства**“—еженедѣльно, не менѣе двухъ печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе обоихъ журналовъ внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою; отдѣльно: „**Вѣра и Разумъ**“—7 руб., а „**Пастырь и Паства**“—3 рубля. Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

Подписка принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Россіи. Для избѣжанія же комиссіонныхъ расходовъ предлагаемъ дѣлать подписку по слѣдующему адресу: **Харьновъ, Духовная Семинарія, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.**

**Открыта подписка на издаваемый Московскимъ Братствомъ св. Петра митрополита журналъ**

## **Братское Слово.**

Являясь прежде всего органомъ Московской противораскольнической миссіи, журналъ ставитъ своею задачею вообще обличеніе современнаго старообрядческаго раскола. Программа журнала: 1) Статьи научно-богословскаго характера изъ области вопросовъ, выдвигаемыхъ современною полемикою со старообрядцами. 2) Статьи въ защиту истины Православія отъ нападокъ на нее въ современныхъ старообрядческихъ изданіяхъ. 3) Сообщенія о событіяхъ Православной Церкви, имѣющихъ вразумительное для раскола значеніе. 4) Внутренніе вопросы въ расколѣ какъ доказательство его несостоятельности. 5) Дѣятельность противораскольнической миссіи. 6) Обзоръ событийъ въ жизни раскола. 7) Обзоръ книгъ и журнальныхъ статей, имѣющихъ значеніе для полемики съ расколомъ старообрядчества. 8) Критическій обзоръ издаваемыхъ раскольниками книгъ и журналовъ. 9) Сообщенія о собесѣдованіяхъ. 10) Сообщенія и замѣтки провинціальныхъ миссіонеровъ. 11) Приложенія къ журналу. 12) Объясненія.

**Въ приложеніяхъ къ журналу будетъ печататься „Исторія Бѣлокринскаго Священства“, выпускъ 3. Проф. Н. И. СУБОТИНА.**

Здѣсь же, при особомъ счетѣ страницъ, будутъ помѣщаемы и другіе, имѣющіе особое значеніе, труды по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола. Журналъ выходитъ одинъ разъ въ мѣсяць книжками по 3-хъ печатныхъ листовъ. Годъ считается съ 1-го сент. 1916 г. по 1-е сент. 1917 г. Подписная цѣна съ пересылкой 3 р. въ годъ, на полгода 2 рубля. Адресъ Редакціи: Москва, Никола-Ямская, 65—17.



Открыта подписка на 1917-й годъ на ежемѣсячный богословскій и проповѣдническо-богослужебный журналъ, вступающій въ пятый годъ существованія

**„ПРОПОВѢДНИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“ СЪ „НАСТЫРСКИМЪ ЧТЕНІЕМЪ“.**

Программа „Проп. Листка“: поученія на всѣ воскресные дни года, на великіе и малые праздники; поученія о важнѣйшихъ предметахъ вѣры и нравственности (въ систематическомъ порядкѣ); поученія на требы и на разные случаи приходской практики. Въ „Паст. Чт.“ помѣщаются статьи по церк.-обществ. вопросамъ, по изясненію Св. Писанія и богослуженія и другимъ богословскимъ вопросамъ; обзорнѣе журналовъ и выдающихся явленій войны; руководящія указанія по церков. уставу на каждый мѣсяць (по днямъ).

Каждая книжка журн. заключаетъ 4—5 печ. листовъ. Журналъ разсылается задолго до 1-го числа того мѣсяца, на какой предназначаются проповѣди. Въ виду этого редакция настойчиво проситъ подписываться заблаговременно.

Подписная цѣна журнала—три руб. въ годъ. Подписной годъ съ 1-го января. Годовые экз. журн. за 1914, 1915 и 1916 г.г. по два рубля; за 1913 г. журн. разошелся.

Изъ отзывовъ печати о журналѣ. „Проп. Л.“—рѣдкій, на рѣдкость цѣнный духовный журналъ... Разсматриваемый въ проповѣдяхъ вопросъ почти всегда затрагивается съ совершенно новой стороны... Это, поистинѣ, рѣчь отъ сердца къ сердцу, и въ этой рѣчи слышится глубочайшее благоговѣніе къ Богу и нѣжное, кроткое участіе къ ближнему... Статьи „Паст. Чт.“ должны быть интересны не только для пастыря, но и для всякаго образованнаго человѣка“ („Вѣра и Разумъ“ 1915 г. № 1) „Проп. Л.“ представляетъ собою знаменательное явленіе въ области русской проповѣднической литературы... новое живое теченіе русской популярной проповѣди. Живая реальная жизнь пробиваетъ здѣсь себѣ русло опредѣленно и настойчиво“ („Христіанинъ“ 1915 г., мартъ). „Почтенія „Проп. Л.“ кратки, просты и содержательны... Кто любитъ самъ работать надъ проповѣдями, тому проповѣди „Листка“ даютъ темы для проповѣдей; кто желаетъ научиться живому слову, тому проповѣди даютъ легко усвояемый матеріалъ. Кто привыкъ читать готовые проповѣди, можетъ быть увѣренъ, что проповѣдь будетъ понята всякимъ простецомъ“ („Ряз. Еп. В.“ 1915 г., № 10).

Редакторъ проф. Кіевской дух. Академіи *М. Скабаллановичъ*.

Издатель-преподаватель Кіевской семинаріи *А. Троцкий*.

Адресъ: Кіевъ, редакция журнала „Проповѣдническій Листокъ“.

Въ редакціи „Проповѣдническаго Листка“ принимается подписка на серію изъ 12-ти книгъ „Христіанскіе Праздники“ подъ редакціей проф. Кіевской духовн. Академіи *М. Скабаллановича*.

Задача изданія—дать всестороннее и возможно полное освѣщеніе каждому изъ великихъ (пока двенадцатыхъ) праздниковъ со всѣмъ его богослуженіемъ: дается весь славянскій текстъ богослуженія съ переводомъ и подробными объясненіями; кромѣ того, исторія событія и его празднованія, святоотеческое ученіе о праздникѣ и его значеніи, р.—католическая служба.

Все изданіе рассчитано на сто и болѣе печатныхъ листовъ (болѣе 1600 стр.). Въ напечатанныхъ шести книгахъ (о праздникахъ: Рождествѣ Пр. Богородицы, Воздвиженія, Введенія, Рождествѣ Христовомъ, Пятидесятницѣ и Успеніи) около 60 печатныхъ листовъ (болѣе 900 стр.). Эти книги высылаются тотчасъ по полученіи подписной платы.

Подписная цѣна за всю серію изъ 12-ти книгъ—пять рублей; но прекращеніи подписки цѣна будетъ удвоена (десять рублей).

Изданіе „Христіанскіе Праздники“ Святѣйшимъ Синодомъ одобрено въ качествѣ учебнаго пособия при преподаваніи литургики въ духовныхъ семинаріяхъ („Прих. Лист.“ отъ 15 іюня 1916 г.).

Изъ отзывовъ печати о „Христ. Праздн.“ „Мы надѣемся, что редакция доведетъ до конца это доброе дѣло. Заслуживающее по своему жизненно-практическому значенію самаго широкаго сочувствія со стороны не только духовенства, но и всѣхъ вѣрующихъ круговъ нашего общества“. („Церковныя Вѣдомости“ 1916 г., № 36). „Здѣсь и исторія, и философія, и экзегетика, и гомилетика, и каноника, и патристика, и поэзія,—а надъ всѣмъ этимъ свѣтъ милующей, спасающей вѣчной Божіей правды!“ Гавріиль, епископъ аккерманскій. „Для пастырей такая книга положительно должна быть настольной“ („Приходская Жизнь“ 1916 г., іюнь). „До сихъ поръ въ нашей литературѣ не появлялось ничего равнаго“ („Донск. Еп. Вѣд.“ 1915 г., № 12). „Нельзя не выразить пожеланія, чтобы „Хр. Пр.“ проникли во все христіанскіе дома. Народныя школы, среднія и низшія учебныя заведенія и вообще всюду, гдѣ есть читающій людъ“. („Ирк. Еп. Вѣд.“ 1916 г., № 2).

Съ 1 января 1917 г. въ Харьковѣ выходитъ еженедѣльный журналъ

# ХРАМЪ и ШКОЛА

Посвящаемый пастырскому и законоучительскому дѣлу.

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- I. Передовыя статьи по вопросамъ пастырскаго и законоучительскаго дѣла.
- II. Матеріалы для церковной проповѣди, вѣбогослужебныхъ собесѣдованій и классныхъ бесѣдъ законоучителя съ дѣтьми. (Здѣсь будутъ даны отрывки изъ лучшихъ проповѣдниковъ русскихъ и иностранныхъ, выдержки изъ жизнеописаній святыхъ, изъ свято-отеческихъ твореній, изъ произведеній художественной литературы, факты и явленія современной жизни, заслуживающія быть отмѣченными съ церковной, или школьной каеедры).
- III. Статьи по церк. исторіи, апологетикѣ, психологіи и др. предметамъ средней общеобразовательной школы.
- IV. Литературное обозрѣніе. Отзывы о вновь выходящихъ книгахъ и произведеніяхъ періодической печати, заслуживающихъ вниманія пастыря и законоучителя.
- V. Очерки и рассказы изъ жизни духовенства, народа и школьной жизни дѣтей.
- VI. Фельетонъ. Непринужденная бесѣда на разные темы, имѣющія отношеніе къ пастырскому и законоучительскому дѣлу.
- VII. Почтовый ящикъ Редакціи. Переписка съ читателями по вопросамъ программы журнала.
- VIII. Корреспонденція.
- IX. Разныя извѣстія и замѣтки.
- X. Объявленія.

Цѣна на годъ 6 руб. съ доставкой и перес., на полгода 3 руб. 50 к. На другіе сроки подписка не принимается.

Адресъ Редакціи и Конторы: Харьковъ, Залютинская, 87.

Редакторъ-Издатель прот. Н. Лисскій.

**Открыта подписка на проповѣдническій журналъ.**

Годъ IX-й.

**„ДУХОВНАЯ БЕСѢДА“,**

**который будетъ выходить въ 1917 г. ЕЖЕМѢСЯЧНО, по слѣдующей программѣ:**

1) СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ по вопросамъ пастырскаго служенія вообще и проповѣдническаго въ особенности. 2) Избранныя и составленныя по лучшимъ проповѣдническимъ образцамъ СЛОВА и ПОУЧЕНІЯ на дни воскресныя и НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ изъ практики пастыря и жизни христіанина. 3) Поученія КАТЕХИЗИЧЕСКІЯ, МИССИОНЕРСКІЯ, войнамъ, инокамъ и заключеннымъ въ темницѣ. 4) БѢСѢДЫ ПО ГИГІЕНѢ, а также о болѣзняхъ человѣка и ихъ врачеваніи. 5) О КООПЕРАТИВНЫХЪ ТОВАРИЩЕСТВАХЪ, каковы потреб. общества, пожарн. дружины, сельскіе банки, ссудо-сберег. товарищества, приходскія попечит., братства и т. п. 6) НА ЗЛОБЫ ДНЯ или отклики на современныя запросы человѣческаго духа, въ которыхъ будутъ обстоятельно выяснены съ христіанской точки зрѣнія причины и послѣдствія недуговъ нашего времени и указаны средства къ исцѣленію этихъ недуговъ. Этотъ отдѣлъ предназначается, главн. образомъ, ДЛЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ и людей образованныхъ, питающихъ серьезный интересъ къ религіи и знакомыхъ съ религіозными сомнѣніями. 7) ПРОПОВѢДИ ДЛЯ ДѢТЕЙ или задушевныя бесѣды законоучителя съ дѣтьми о предметахъ вѣры и благоповеденія христіанскаго въ храмѣ, школѣ и дома. 8) ПОУЧЕНІЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

„ДУХОВНАЯ БЕСѢДА“ даетъ своимъ подписчикамъ произведенія только лучшихъ проповѣдниковъ, отличающіяся краткостью, простотою, искренностью, теплотою и задушевностью, вполне доступныя для пониманія самыхъ простыхъ слушателей и интересныя для городскихъ, т. к. поученія входящія въ составъ „ДУХ. БЕС.“, будутъ отвѣчать на запросы духа сильно волнуемыхъ современнѣхъ христіанъ, иначе сказать, темами поученій будетъ служить современная жизнь со всеми ея свѣтлыми и темными сторонами. Поэтому „Дух. Бес.“ необходима и полезна не только начинающимъ проповѣдникамъ, но и долгодѣлнымъ святелямъ Слова Божія.

**Кромѣ всего этого, шесть бесплатныхъ приложений:**

1) КАЛЕНДАРЬ-СПРАВОЧНИКЪ НА 1917 годъ, заключающій въ себѣ массу всевозможныхъ справокъ необходимыхъ въ служебной и проповѣднической практикѣ пастыря и мірянина.

2) ЖИВОЕ СЛОВО. Оно будетъ заключать темы, планы и подроб. конспекты проповѣдей на весь годъ съ текстами, мыслями, изреченіями, подобіями и сравненіями, заимствованными изъ произведеній знаменитыхъ проповѣдниковъ и примѣрами изъ современной жизни, импровизаторовъ, т. е. проповѣдующихъ слово Божіе безъ книжки и тетрадки.

3) ПОУЧЕНІЯ И РѢЧИ НА ВСЕВОЗМОЖНЫЕ СЛУЧАИ, изъ практики пастыря и жизни міряна.

4) „СЪ НАМИ БОГЪ“. Назидат. сборникъ проповѣди и внѣбогослужебныхъ чтеній. Изъ войны русскихъ съ кѣмцами.

5) ХРАМОВОЙ ДЕНЬ. Сборникъ поученій на престольные праздники.

6) НАША ЛЮБОВЬ. Катехизич. бесѣды на 10 запов. З. Моисеева-составленныя свяд. Бесѣдою, съ туманными картинками, вып. 2-й 1-й выѣздается за 65 коп.

Въ предыд. годы „ДУХОВНАЯ БЕСѢДА“ имѣла значительный успѣхъ и большое распространеніе, верѣтивъ полное сочувствіе въ печати и у подписчиковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Россіи 4 руб. за границу 5 руб., въ годъ съ перес. За 1909—1913, 1915—1916 гг. журналъ разошелся, а за 1914 г. высылается за 2 руб. 50 коп.

На 1/2 года, налож. платеж. и по безденежнымъ заявленіямъ журналъ не высылается.

Адресъ: **ПАВОЛОЧЬ**, Кіевск. губ., въ редакцію „ДУХОВНОЙ БЕСѢДЫ“.

ПО ТОМУ ЖЕ АДРЕСУ МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ПОУЧЕНІЯ на воскр. и праздн. дни. д. 1 руб. 50 коп., ВОЙНА РУССКИХЪ СЪ ГЕРМАНЦАМИ въ 3-хъ вып. 3 руб., НАША ВѢРА, НАША НАДЕЖДА и ХРИСТИАНСКАЯ ЛЮБОВЬ. Сборн. бес. на симв. вѣры, молитву Господню и 10 запов. съ туман. картин. по 65 ко, каждый, БЛАГОВѢСТНИКЪ сборн. поученій и рѣчей на всев. случаи въ 4-хъ вып. по 65 коп. каждый, ЕВАН. ПУТЬ ВЪ ЦАР. НЕБ. ц. 35 к. ВРАЗУМИТЕЛЬ ЗАБЛУДШИХЪ ц. 50 к., КАКЪ ЖИТЬ ц. 80 к. ДОБРЫЙ ПУТЬ ц. 65 к., УКАЗАТЕЛЬ „ДУХ. БЕС.“ за 5 лѣтъ ц. 50 к. ДОСУГЪ ШКОЛЬНИКА ц. 1 р. 50 к. ИСПОВѢДЬ ВЪ ПОРЯДКѢ 20 мѣт. ц. 15 к. „БЕСѢДЫ ПРОТИВЪ ХУЛИГАНСТВА“, ц. 40 к. и др.— всего 18 книгъ.

Книги одобрены и рекомендованы. Подписчикамъ „Дух. Бес.“ на 1917 г. всѣ изданія ея, стоящія 15 р., высылаются за 10 рублей, съ журн.-наложъ на 1914 г., за 12 рублей, а съ „Дух. Бесѣдой“ на 1917 г. за 15 рублей съ пересылкой, за досылку въ Сибирь на 1 руб. дорожке.

Журналъ на 1917 г. и книги высыл. за 14 рублей.

Редакторъ-издатель, прот. **Серапіонъ Брокковскій**.

## ЖУРНАЛЬ

# „Православный Благовѣстникъ“

ОРГАНЪ ВНѢШНЕЙ МИССИИ

Издается по новой расширенной программѣ и въ расширенномъ объемѣ, ежемѣсячно, книгами по 16—18 листовъ въ каждой.

Программа журнала: руководящія статьи; церковношкольный отдѣлъ (инородч. школы); современное положеніе отечественныхъ миссій; очерки изъ исторіи миссіи; миссіонерская методика; миссія инославная; миссіон. хроника; библиографія. Приложение: распоряженія по миссіи Св. Синода; дѣят. Совѣта Правосл. Миссіон. Общества.

Въ журналѣ будутъ помещаться иллюстраціи. При редакціи организуется книгоиздательство по внѣшней миссіи.

**Цѣна 6 р. въ годъ.**

Адресъ редакціи: Москва, Пятницкая, 18, кв. 1.

Плата за объявленія за одинъ разъ: страница—20 р., 1/2 стр.—10 р., 1/4 стр.—5 р., 1/8 стран. 3 р.; при повторномъ печатаніи—уступка, по соглашенію.

Издатель: Совѣтъ Правосл. Миссіон. Общества.

Редакторъ: Синодальный Миссіонеръ-Проповѣдникъ

Протоіерей **Іоаннъ Востерговъ**.

При каждомъ № „НИВЫ“ подписчики **52** книги.  
получать по одной книгѣ, всего въ годъ ==

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1917 ГОДЪ

(48-й годъ изданія)

на еженедѣльный иллюстриро-  
ванный

ЖУРНАЛЪ

со многими приложениями

# НИВА

Гг. подписчики „Нивы“ получаютъ въ теченіе одного 1917 года:

**52** №№ еженедѣльн. художест.-литер. журн. „Нива“: повѣсти и рассказы, критич. и популярно-научн. очерки, біографіи, военные и политическіе очерки и обзорѣнія, снимки съ картинъ, рисунки, портреты и иллюстраціи съ театра военныхъ дѣйствій.

**12** №№ ежемѣсячнаго иллюстрированного приложения для дѣтей.

**52** книги „Сборника Нивы“, отпечатанныя убористымъ четкимъ шрифтомъ, въ составъ которыхъ войдетъ:

Первая серія полного собранія сочиненій **М. Горькаго**. Горькій—поэтъ героической удали. Онъ молніей ворвался въ нашу жизнь, и все въ ней зажегъ, освѣтилъ. „Человѣкъ—это звучитъ гордо! Человѣкъ—святѣйша. Все—для человѣка. Люди, вы и сами не знаете, какъ вы сильны и прекрасны“.—говоритъ своими твореніями Горькій. Его книги—восторженные псалмы человѣку. Горькій—пѣвецъ будущаго. и, прозрѣвая наше грядущее счастье, нетерпѣливо торопитъ его. Залогъ этого счастья—работа творческая, хорова, всемірная. Поэтъ-пролетарій, поэтъ цеховой, сынъ мастерового, внукъ бурлака, изображаетъ широкою кистью богатую народную душу. Нынѣ онъ въ самомъ расцвѣтѣ своего могучаго творчества, и его міровая, необыкновенная слава крѣпнетъ и растетъ съ каждымъ годомъ.

Полное собраніе сочиненій **С. Я. Надсона**. Надсонъ—вѣчный кумиръ молодежи. Вся молодая Россія молитвенно влюблена въ него, ибо онъ выразилъ и воспѣлъ въ своихъ стихахъ именно то, чѣмъ волнуются умы и сердца лучшихъ русскихъ юношей и дѣвушекъ: жажду безкорыстнаго служенія народу, жажду жертвенной любви къ униженнымъ и падшимъ, жажду борьбы за идеалы свободы и братства. Для молодежи нѣтъ благотворнѣе книги, чѣмъ стихотворенія этого свѣтлаго юноши, уводяща душу отъ порочныхъ соблазновъ, навѣвающія на нее идеалистическій духъ.

Полный переводъ романа „Донъ-Кихотъ“ **Сервантеса**. Больше 300 лѣтъ прошло со времени созданія „Донъ-Кихота“, а эта книга все еще молода и нова. Не можетъ умереть Донъ-Кихотъ, покуда не умретъ въ человѣчествѣ драгоцѣннѣйшая благодать—донкихотство! Быть Донъ-Кихотомъ—это лучшее, на что только способенъ человѣкъ. Если бы не было среди насъ Донъ-Кихотовъ, жизнь была бы, что садъ безъ цвѣтовъ, что храмъ безъ иконъ и святыхъ! Донкихотство это рыцарское самоотверженіе, идеализмъ, вѣра въ высшія пѣнности жизни, геройскій бой съ угнетателями. Донъ-Кихотъ—широчайшій поэтическій образъ, грандіозно обобщенный художественный типъ. Это не только испанецъ такого-то вѣка, это всечеловѣкъ всѣхъ эпохъ и народовъ.

Третья серія полного собранія сочиненій **Д. Н. Мамина-Сибиряка**. Въ эту серію входятъ такіе шедевры знаменитаго русскаго писателя, какъ романы: „Золото“, „Бурный потокъ“, „Падающія звезды“, цѣлый рядъ сборниковъ, повѣстей и рассказовъ: „Любовь“, „Осенніе листья“, „Медовыя рѣки“, „Вокругъ ражитаго куста“ и др. Чита-

тели „Нивы“ успѣли уже полюбить мускулистый, полнокровный талантъ этого силача-самородка, который, какъ узловатый, могучій дубъ, стоитъ въ рощицѣ нынѣшней еловесности среди чахлахъ своихъ современниковъ.

**ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложениями на годъ:**

Въ Петроградѣ: безъ доставки 12 р. 50 к., съ доставкой 13 р. 50 к. Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской—13 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книж. магаз. „Образованіе“—13 р. 50 к. Съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи **14 р.** За границу **18 руб.**

Допускается разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока: въ 2 срока: при подпискѣ 7 руб. и 1 июня—7 р.: въ 3 срока: при подпискѣ—5 р., 1 апрѣля—5 р. и 1 августа—4 р. и въ 4 срока: при подпискѣ—4 р., 1 марта—3 р., 1 июня—4 р. и 1 августа—3 руб.

Для гг. служащихъ, какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ, при коллективной подпискѣ за поручительствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ допускается разсрочка платежа на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

**Адресъ:** Въ Контору журнала „Нива“, Петроградъ, ул. Гоголя, № 22.

Открыта подписка на 1917 годъ на ежемѣсячный журналъ

## „Христіанская Мысль“.

Журналъ ставитъ своей задачей отвѣчать на религіозныя запросы, сомнѣнія и исканія современнаго русскаго общества, и содѣйствовать по мѣрѣ силъ выясненію въ его сознаніи подлинно христіанскихъ основъ жизни.

По своему руководящему началу, „Христіанская Мысль“ является органомъ православнаго самосознанія, одушевленнаго вѣрой въ жизненное значеніе Христова Евангелія. Но журналъ будетъ въ то же время внимательно ослѣдить за всѣми, по возможности, религіозными движеніями и настроеніями какъ въ Россіи, такъ и за ея предѣлами.

„Христіанская мысль“ имѣетъ въ виду не только лицъ богословски образованныхъ, но и широкіе круги русскаго общества. Этимъ будетъ опредѣляться и выборъ статей, и форма ихъ изложенія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Прот. Аггеевъ К. М., Епископъ Андрей, Аскольдовъ С. А., проф. Бенешевичъ В. Н., Бердяевъ Н. А., проф. священ. Боголюбовъ Н. М., проф. Булгаковъ С. Н., проф. Верховской П. В., Волжскій А. С., Германовъ В., проф. Дроздовъ Н. М., Добротворцевъ В. П., Дурыллинъ С. Н., проф. Завитневичъ В. З., проф. Зиньковский В. В., Истеминъ М. П., Карташовъ А. В., Кежениковъ В. А., проф. Кудрявцевъ П. П., Кузнецовъ Н. Д., Ладнющковъ В. Н., проф. Макавейскій Н. К., проф. Остроумовъ С., Покровский А. И., проф. Поповъ И. В., Прохаско О. П., проф. Рыбинскій В. П., прот. Силанъ Д., проф. Слабалановичъ М. Н., священ. Соловьевъ С. М., Семеновъ В. П., проф. Тарчевъ М. М., проф. Титшиновъ Б. В., проф. Тихомировъ П. В., Троицкій А. Д., Холоповъ И. Д., проф. Четвериковъ И. П., Экземлярскій В. И., Эрнъ В. Ф. и друг.

Подписная цѣна на годъ 8 р., на полгода 4 р. Цѣна отдѣльнаго номера 1 р.

Адресъ редакціи: Кіевъ Волошская, 4.

Редакторъ-Издатель **Василій Экземлярскій.**

Подробный проектъ по требованію высылается бесплатно.

Открыта подписка на 1917 г. на еженедельный журнал:

## „Церковный Вѣстникъ“.

Годъ изданія XLIII-й.

„Церковный Вѣстникъ“ издается Миссіонерскимъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ, по весьма широкой программѣ, съ иллюстраціями. Въ программу журнала войдутъ: 1) Церковныя и государственныя мѣропріятія, распоряженія, указы, опредѣленія, законы и т. п.—по религіознымъ и особенно по миссіонерскимъ дѣламъ. 2) Вопросы православныхъ миссій: противосектант., противораскольническ., противониславной, противоеврейской, противомогадетан., противоязыч., противосоціалитическ., противатеистической и миссій заграничныхъ. 3) Обсужденіе съ православн т. зр. всѣхъ противоцерковныхъ явленій. 4) Разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ Вѣры и Церкви, а равно и вопросовъ государственной, общественной, семейной и личной жизни и мысли, въ границахъ ооприкосновенія ихъ съ ученіемъ Православной Вѣры и жизнью Православной Церкви. 5) Вопросы жизни епархіальной и церковно-приходской; вопросы пастырства и паствы. 6) Вопросы духовной и церковной школы. 7) Обзорніе современной прессы. 8) Библиографія и критика. 9) Почтовый ящикъ: отвѣты на запросы читателей. 10) Объявленія.

Къ сотрудничеству въ журналѣ приглашены лучшія богословскія и миссіонерскія силы православнаго пастырства и паствы. Журналъ будетъ выходить еженедѣльно; въ лѣтніе мѣсяцы нѣсколько рѣже, но зато въ увеличен. объемѣ. Годовая цѣна журнала пять руб., за 1/2 года 3 руб., съ доставк., и пересылк., за границу 7 руб. Адресъ Редакціи и Конторы журнала: „Петроградъ, Васильевскій Островъ 11 лин., д. 52. Тел. 487-67“. Подписка принимается и въ Конторѣ журнала—ежедневно съ 2—6 час. дня и во всѣхъ большихъ книжн. магазинахъ. Литературный матеріалъ для „Церк. Вѣст.“ направлять по адресу редакціи журнала; статьи д. б. написаны четко и на одной сторонѣ листа. Редакція имѣетъ право измѣнять и сокращать статьи, не нарушая ихъ смысла. Статьи, отмѣченныя авторами: „платная“, оплачиваются по усмотрѣнію Редакціи, а безъ означен. помѣтки считаются бесплатными. Непригодныя къ печатанію статьи не возвращаются. Редакція открыта ежедневно съ 2—4 час. дня.

Редакторъ „Церковнаго Вѣстника“ членъ Государственнаго Совѣта и Миссіонерскаго Совѣта при Св. Синодѣ профессоръ-протоіерей **Тимоѣй Ивановичъ Бутковичъ**.

Открыта подписка на 1917 годъ. VI годъ изданія.

ЦЕРКОВНО-ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

## „ЗАКОНОУЧИТЕЛЬ“,

выходитъ два раза въ мѣсяць.

Подписная цѣна: на годъ шесть рублей; на полгода три рубля. Съ особымъ прибавленіемъ: „На Досугѣ“ (Пастырскія думы по законоучительскимъ вопросамъ) протоіерея А. Голосова, томы I и II-й годовая цѣна—7 рублей. На другіе сроки подписка не принимается.

Адресъ редакціи: г. Житомиръ, Иларіоновская 2, кв. 3.

ПРОГРАММА: I Отдѣль. Передовыя статьи по вопросамъ церковно-педагогическимъ и общественнымъ. Сюда входятъ статьи по средней школѣ и статьи методическаго характера по низшей школѣ. II Отдѣль. Правительственныя распоряженія и мнѣнія по школьнымъ дѣламъ. III Отдѣль. Сообщенія о законоучительствѣ въ предѣлахъ русскаго государства (извѣстія внутри Имперіи). IV Отдѣль. Положеніе Закона Божія за границей (заграничныя извѣстія). V Отдѣль. Корреспонденціи по Россіи. VI Отдѣль. Печать. VII Отдѣль. Изъ области юридическо-законоучительской. Отвѣты редакціи по недоумѣннымъ вопросамъ законоучительства. VIII Отдѣль. Библиографія. Объявленія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе профессоръ Академіи, Университета, многіе архипастыри, видные церковно-общественные дѣятели и опытные о.о. законоучители Россійскихъ гимназій. Имѣются собственные корреспонденты по Россіи, а также за границей.

Журналъ рекомендованъ многими законоучительскими Епархіальными Сѣздами и Учебными Округами.

Подписчикамъ, внесшимъ 7 руб., приложеніе выслано будетъ 1-го Января 1917 года.

Редакторъ-Издатель, Протоіерей А. А. Голосовъ.





воспитаніе имѣетъ также церковную и государственную сторону <sup>1)</sup>. Въ интересахъ Церкви заключается то, чтобы дѣти были воспитываемы въ духѣ православной вѣры и благочестія, а, въ интересахъ государства—то, чтобы они были подготовлены къ достойному поведенію въ званіи членовъ того гражданского общества, къ которому принадлежать.

Но постоянно неся извѣстную заботу по воспитанію дѣтей, Церковь и государство не хотятъ въ этомъ случаѣ заступитъ мѣсто родителей, а идутъ только имъ на помощь въ ихъ призваніи воспитывать благочестивыхъ христіанъ и добродѣтельныхъ членовъ гражданского общества. По крайней мѣрѣ, такова должна быть цѣль церковныхъ и гражданскихъ воспитательно - образовательныхъ учреждений. Последнія, собственно говоря, только продолжаютъ и восполняютъ воспитательное дѣло семьи. По словамъ *Мартенсена*, „на каждой ступени школы (народной, средней и высшей) обученіе должно опредѣляться *воспитаніемъ*, попеченіемъ о всемъ человѣкѣ, въ развитіи котораго *умственное* образованіе составляетъ лишь отдѣльный моментъ, долженствующій соподчиняться цѣлому“ <sup>2)</sup>. Къ сожалѣнію, *интеллектуальное* стремленіе современной школы, съ ея чисто утилитарнымъ направленіемъ (пріобрѣтеніе свидѣтельствъ, аттестатовъ и дипломовъ), крайнюю переполненностію и смѣшеніемъ національныхъ элементовъ,—сдѣлало школу весьма слабою въ воспитательномъ отношеніи.

въ храмъ и тамъ наставляетъ ихъ въ Законѣ Божіемъ. Такъ какъ хорошій примѣръ незаворно перенимать не у кого, то мы могли бы, думается, воспользоваться опытомъ западныхъ церквей въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что этотъ порядокъ очень соотвѣтствуетъ духу древнихъ христіанскихъ церквей.

<sup>1)</sup> Подобно тому, какъ отецъ и мать *являютъ* руководятъ домашнимъ воспитаніемъ, такъ *совмѣстно* же должны заботиться объ общественномъ воспитаніи народа государство и Церковь“ (См. *Ad. Stählin'a*, „Die Schulreformfrage“. Nördlingen. 1865, в. 86). Впрочемъ, Церковь въ этомъ отношеніи обыкновенно *предшествуетъ*, а государство *послѣдуетъ* за нею“. (См. *Хр. Э. Люгарда*, „Апология христіанства“. Перев. А. П. Мопукина. Спб. 1892 г., стр. 463).

<sup>2)</sup> „Христ. ученіе о нравственности“, т. II, стр. 726. „Ибо школа, по крайней мѣрѣ, народная школа“, говоритъ *Катрейнъ*—„первымъ дѣломъ есть *воспитательное* заведеніе“. („Die katholische Weltanschauung“, s. 432). О *школьномъ* воспитаніи см. нашу брошюру: „О началахъ христіанскаго воспитанія въ семьѣ и школѣ“. Кіевъ, 1907 г., стр. 36—42.

Между тѣмъ родители нерѣдко спѣшаютъ, какъ можно скорѣе, отдавать своихъ дѣтей въ какое-нибудь учебное заведеніе и возложить на училище всякую заботу о нихъ, полагая, что школа не только замѣнитъ семью въ воспитательномъ отношеніи, но и сдѣлаетъ для дѣтей гораздо больше и лучше послѣдней. Но если это не сознательное и потому самое недостоинное родителей желаніе передать, какъ можно скорѣе, другимъ трудное дѣло воспитанія своихъ дѣтей, для нихъ самихъ по преимуществу обязательное и имъ только вполне доступное; то во всякомъ случаѣ не безвредное заблужденіе. Къ указаннымъ нами недостаткамъ современной школы добавимъ еще, что въ школахъ вообще господствуетъ обыкновенно, тотъ же духъ, которымъ проникнуто бываетъ большинство людей въ томъ или другомъ обществѣ,—а въ юности человѣкъ всего болѣе подпадаетъ вліянію общественнаго настроенія. Поэтому, какъ скоро молодой человѣкъ поступаетъ въ школу, онъ неизбѣжно увлекается тѣмъ направленіемъ, на которое попадаетъ: хорошо ли оно, или дурно,—трудно съ нимъ бороться; не забудемъ при этомъ, что во всѣхъ школахъ вліяніе товарищей дѣйствуетъ на новичка гораздо сильнѣе, чѣмъ вліяніе наставниковъ <sup>1)</sup>. Отсюда видно, какъ опасно спѣшить помѣщать дѣтей въ учебныя заведенія. Домашнее воспитаніе ничѣмъ незамѣнимо. Пока есть какая-либо возможность; пока не истощены еще всѣ средства, не надобно спѣшить отрывать дѣтей отъ дому, гдѣ вѣетъ надъ ними благодѣтельный духъ семьи, а не бурное и холодное дыханіе духа времени. Чѣмъ долѣе дышатъ они атмосферой доброй семейной жизни, тѣмъ безопаснѣе будутъ отъ различныхъ вредныхъ вліяній, ожидающихъ ихъ впереди, сначала въ школѣ, а потомъ въ области мірской жизни. Хорошая семья—первая и лучшая школа воспитанія, учрежденная самой природой. Уже изъ этихъ соображеній елѣдуетъ, какъ мы должны относиться къ такъ называемой *соціалдемократіи*, желающей вырвать воспитаніе дѣтей у семьи и передать его обществу, государству.

„Уходъ за дѣтьми и воспитаніе ихъ“,—говоритъ *Энгельсъ*,—„является общественнымъ дѣломъ; общество забо-

<sup>1)</sup> *Тиршъ*. „Христ. начала семейной жизни“. Перев. съ нѣмецк. Москва, 1861 г., стр. 117.

тится о всѣхъ дѣтяхъ одинаково, будь они брачныя или внѣбрачны“<sup>1)</sup>. *Бebel* описываетъ намъ подробно, какъ государство должно вести дѣло воспитанія. Главной задачей новаго общества“,—говоритъ онъ,—„должно быть надлежащее воспитаніе потомства. Всякій новорожденный ребенокъ привѣтствуется обществомъ, какъ желательный для него приростъ населенія..., поэтому оно чувствуетъ себя обязаннымъ по-сильно вмѣшаться въ жизнь этого новаго существа..., средства образованія и обученія, пищу и одежду доставляетъ общество..., воспитаніе должно быть *общимъ и одинаковымъ для обоихъ половъ*“ и т. д.<sup>2)</sup>. *Готская* программа требуетъ „всеобщаго и одинаковаго воспитанія чрезъ государство“, и то-же требованіе, хотя въ формѣ менѣе ясной, повторяется въ программѣ *Эрфрутской*<sup>3)</sup>. Но это требованіе явно противорѣчитъ самымъ элементарнымъ правиламъ натурального права, разрушаетъ семью, и уже поэтому противъ него должны мужественно бороться всѣ, кто хочетъ сохранить семью. Вѣдь, для того, чтобы рождать дѣтей, супругамъ нѣтъ надобности всю жизнь проводить вмѣстѣ, между тѣмъ какъ воспитаніе дѣтей обыкновенно длится во всю жизнь родителей. Поэтому, кто отнимаетъ у семьи воспитаніе молодого поколѣнія и отдаетъ его въ руки общества, тотъ разрушаетъ семью<sup>4)</sup>, подрывая главную естественную ея задачу.

Каковы же именно *обязанности* родительскаго воспитанія?

Супруги, дѣлаясь родителями, самымъ естественнымъ образомъ обязываются заботиться о всемъ, что требуется для надлежащаго развитія тѣлесной, духовной и нравственно-религіозной жизни дѣтей.

Самая первая и самая естественная обязанность родителей состоитъ въ поддержаніи и сохраненіи *тѣлесной* жизни ребенка. Въ настоящее время вполне сознана важ-

<sup>1)</sup> *Engels*. „Der Ursprung der Familie, der Privateigentums, und des Staats“, 1896, s. 64.

<sup>2)</sup> „Die Frau“, s. 411—413.

<sup>3)</sup> *Cathrein*, „Die katholische Weltanschauung“, s. 438. Ср. его же „Соціализмъ“. Перев. о. Н. Дитскаго. Харьковъ, 1908 г., стр. 342—349.

<sup>4)</sup> См. объ этомъ подробнѣе въ „Stimmen aus Maria—Laas“ LXXII. 1907, s. 263 и дал.: „Die sozialdemokratische Familie der Zukunft“.

ность физическаго воспитанія. Здоровое тѣло есть основа для здороваго развитія духовной жизни. Поэтому какою бы односторонностью ни страдалъ воспитательный методъ *Руссо*, всетаки ему принадлежитъ большая заслуга въ томъ отношеніи, что онъ обратилъ вниманіе на физическое воспитаніе человѣка. Забота о тѣлесномъ благосостояніи дѣтей должна начинаться не только съ рожденія ребенка, но съ первой минуты бытія его во чревѣ матери. Здѣсь, съ одной стороны, запрещается все, что, во время чревоношенія, можетъ повредить зарождающейся жизни, напр. чрезмѣрное напряженіе или неумѣренность со стороны матери, дурное обращеніе съ нею и т. п.; съ другой—предписывается все, что, до и послѣ рожденія ребенка, необходимо для его физическаго развитія. Въ этомъ отношеніи родители должны оберегать здоровье своихъ дѣтей, удалять отъ нихъ все вредное и употреблять все, что можетъ споспѣшествовать развитію и укрѣпленію ихъ силъ. Съ укрѣпленіемъ силъ тѣлесныхъ, родители обязаны приучать дѣтей своихъ къ трудолюбію и тѣлеснымъ упражненіямъ и искусствамъ, располагать ихъ къ воздержанію и умѣренности въ пищѣ и питіи и соблюденію строгаго во всемъ порядка, чтобы, такимъ образомъ, они сами научились впоследствии снискивать все необходимое для себя въ жизни.

Такое именно физическое воспитаніе дѣтей вмѣняютъ въ обязанность родителямъ св. отцы и учителя Церкви, педагогическія воззрѣнія которыхъ, въ основныхъ чертахъ, раздѣляли и раздѣляютъ и всѣ послѣдующіе знаменитые педагоги<sup>1)</sup>. Такъ какъ тѣлесная жизнь и здоровье человѣка зависятъ, главнымъ образомъ, отъ качества его питанія, то церковные писатели совѣтуютъ, при физическомъ воспитаніи дѣтей, особенно обращать вниманіе на этотъ предметъ. „Пища“,—говоритъ *Климентъ Александрійскій*,— „должна быть простой и неизысканной, соотвѣтственно простотѣ и невзыскательности воспитываемыхъ чадъ; жизнь

<sup>1)</sup> Какъ-то: *А. Каменскій*, (см. его „Великую Дидактику“ перев. *Адольфа Любомудрова*. М. 1893 г.), *Песталогци* (см. въ „Исторіи Педагогикѣ“ *К. Шмидта*, т. IV, стр. 54 и дал.), *Дистервегъ* (см. его сочиненія, т. 1, русск. перев. Спб. 1885 г.), *К. Ушинскій* (см. собраніе его педагогич. соч. Спб. 1875 г.), *Н. Пироговъ* (см. его II т. сочиненій. Спб. 1887 г.) и др.

ихъ, а не невоздержность ихъ должна быть поддержи-  
ваема. Тѣлесная-же жизнь обусловливается двумя вещами:  
здоровьемъ и силою; а эти въ особенности зависятъ отъ  
умѣренности въ пищѣ, чѣмъ тѣлу облегчается ассимиляція  
ея“<sup>1)</sup>. „Неумѣренность и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ  
дѣло дурное, въ пищѣ-же неумѣренность сопровождается  
особенно вредными послѣдствіями“<sup>2)</sup>. „Много притупляетъ  
воспріимчивость души, вліяетъ на ослабленіе памяти и силы  
разсудка“<sup>3)</sup>. Для укрѣпленія тѣлеснаго организма дѣтей  
церковные педагоги, сверхъ того, рекомендуютъ приучать  
ихъ къ труду и дѣятельности. „Уединенныя упражненія и  
правила касательно сна и бодрствосанія“,—пишетъ св. *Ва-  
силій Великій*,—„для дѣтей должны быть опредѣлены при-  
личнымъ образомъ“<sup>4)</sup>. Въ особенности они настаиваютъ на  
дозволительности дѣтямъ гимнастическихъ упражненій, со-  
вѣтуя, впрочемъ, избѣгать физическаго переутомленія, какъ  
весьма вреднаго для здоровья. „Вмѣсто бань, для юно-  
щей“,—говоритъ *Климентъ Александрійскій*,—„гораздо по-  
лезнѣе гимнастическія игры; онѣ укрѣпляютъ здоровье мо-  
лодыхъ людей, пробуждаютъ въ нихъ соревнованіе и често-  
любіе, направленные на развитіе не только тѣлеснаго здо-  
ровья, но и душевнаго... И женщины не должны уклоняться  
отъ тѣлесныхъ упражненій; пусть только не въ борьбѣ и  
бѣганьи въ запуски онѣ упражняются, а волну прядутъ и  
ткутъ и кухаркѣ помогаютъ, если „нужно“<sup>5)</sup>. „И все же  
во всемъ“,—продолжаетъ Александрійскій учитель,—„должно  
мѣру наблюдать и цѣль. Ибо подобно тому, какъ въ по-  
рядкѣ вещей, чтобы вѣдѣ работа предшествовала, такъ очень  
трудно, отяготительно и нездорово, если чрезъ мѣру кто  
напрягается“<sup>6)</sup>. Но св. отцы и учителя Церкви, обязывая  
родителей заботиться о физическомъ развитіи дѣтей, тре-  
буютъ при этомъ придавать попеченіе о немъ лишь на-  
столько, чтобы излишняя забота о немъ не повредила ихъ  
душѣ. По словамъ св. *Василія Великаго*,—„столько надобно  
имѣть къ тѣлу привязанности, сколько, говоритъ Платонъ,

1) „Педагогъ“, кн. II, гл. 1, стр. 109. Ср. стр. 114.

2) Тамъ же, стр. 123.

3) Тамъ же, стр. 128.

4) Творенія, ч. V. Серг. Пос. 1892 г., стр. 121.

5) „Педаг.“, кн. III, гл. 10, стр. 292.

6) Тамъ же, стр. 294.

участвуетъ оно въ служеніи любомудрію, выражаясь нѣсколько подобно Павлу, который даетъ совѣтъ, что ни мало не должно тѣлу *угодія* творить въ поводъ похотямъ (Рим. 13, 14)<sup>1)</sup>.

Заботясь о развитіи силъ тѣла, составляющаго низшую часть природы человѣческой, родители тѣмъ болѣе должны обращать вниманіе на развитіе силъ и способностей дѣтской *души*, отражающей въ себѣ совершенства Божественныя и способной къ безконечному усовершенствованію (Мат. 6, 25; 31, 33; 16, 26). „Пока душа еще способна къ образованію, нѣжна и, подобно воску, уступчива, удобно впечатлѣваетъ въ себѣ налагаемые образы“,—пишетъ *св. Василій Великій*,—„надобно немедленно и съ самаго начала возбуждать ее ко всякимъ упражненіямъ въ добрѣ, чтобы, когда раскроется разумъ и прійдетъ въ дѣйствіе разсудокъ, начать теченіе съ положенныхъ первоначально основаній и преподанныхъ образцовъ благочестія, между тѣмъ какъ разумъ будетъ внушать полезное, а навыкъ облегчить преуспѣваніе“<sup>2)</sup>. *Духовное* воспитаніе состоитъ въ полномъ и всестороннемъ развитіи силъ души ребенка, такъ чтобы онѣ дѣйствовали правильно и въ гармоническомъ соотвѣтствіи одна другой. Сюда входятъ способности познавательныя, способность чувствованій, или сердце и способность желательная и дѣйствующая, или воля.

Но, хотя при воспитаніи дѣтей не должно оставлять безъ вниманія ни одной изъ душевныхъ силъ ребенка, однако христіанское воспитаніе, по преимуществу, стремится къ тому, чтобы образовать центральную духовную силу въ человѣкѣ, т. е. его *волю*, создать основу для нравственнаго его характера. Въ извѣстной заповѣди ап. Павла родителямъ: „воспитывайте дѣтей вашихъ въ ученіи и наставленіи господнемъ“ (Ефес. 6, 4), выраженіе: „въ ученіи“ на первый взглядъ говоритъ, повидимому, о развитіи лишь умственныхъ способностей дитяти, о развитіи въ немъ дарованій, объ обогащеніи его познаніями. Но стоящее въ этомъ апостольскомъ изреченіи греч. слово: „*καθάραι*“, а еще яснѣе лат.: „*disciplina*“ указываетъ, конечно, болѣе на необходимость воспитанія въ дѣтяхъ воли, какъ основы для нрав-

<sup>1)</sup> Творенія, ч. IV, Серг. Пос. 1892 г., стр. 334.

<sup>2)</sup> Творенія, изд. 3, ч. V. Серг. Пос., 1892 г., стр. 122.

ственного характера <sup>1)</sup>. Безспорно, что воспитаніе воли—дѣло первостепенной важности, неизгладимымъ пятномъ отражающееся на всей послѣдующей жизни ребенка. Обогащеніе же послѣдняго теоретическими свѣдѣніями—дѣло важности относительной и, при наличности перваго рода воспитанія, удободостижимое.

Такъ именно разсуждаютъ объ умственномъ образованіи дѣтей въ отношеніи къ развитію въ нихъ нравственно-волевой силы духа св. отцы и учителя Церкви. Ничуть не отвергая для христіанина пользы истиннаго образованія ума, а, напротивъ, считая послѣднее полезнымъ и необходимымъ для него, они лишь настаиваютъ на томъ, чтобы оно ни своимъ содержаніемъ, ни своимъ направленіемъ не только не противодѣйствовало основной цѣли христіанскаго воспитанія, но и содѣйствовало ему. Значеніе и характеръ умственного образованія, получаемаго путемъ изученія свѣтскихъ (языческихъ) сочиненій, прекрасно выясняетъ аналогіей св. *Василій Великій* въ своей бесѣдѣ съ юношами. Вотъ что онъ говоритъ здѣсь по этому поводу: „Во всемъ уподобляясь пчеламъ, должны вы изучать сіи сочиненія. Ибо и пчелы не на всѣ цвѣты равно садятся, и съ тѣхъ, на какія садутъ, не все стараются унести, но, взявъ, что пригодно на ихъ дѣло, прочее оставляютъ нетронутымъ. И вы, если цѣломудренны, собравъ изъ сихъ произведеній, что намъ свойственно и сродно съ истиною, остальное будемъ проходить мимо. И какъ срывая цвѣты съ розоваго куста, избѣгаемъ шиповъ, такъ и въ сихъ сочиненіяхъ, воспользовавшись полезнымъ, будемъ остерегаться вреднаго“ <sup>2)</sup>. По словамъ св. *Григорія Богослова*, „философскія сочиненія для благонравныхъ—щитъ добродѣтели, а для злонравныхъ жало грѣха“ <sup>3)</sup>. „Юношамъ, приверженнымъ къ наукамъ“,—говоритъ бл. *Августинъ*,—„юношамъ даровитымъ, имѣющимъ страхъ Божій и взыскающимъ блаженной жизни, весьма полезно, по моему мнѣнію, предложить слѣдующее наставленіе: не должно безъ всякаго изслѣдованія увлекаться никакимъ ученіемъ, преподаваемымъ внѣ Церкви Христовой, и ввѣряться ему

<sup>1)</sup> Проф. А. А. Бронзова, „О христ. семьѣ и связанныхъ съ нею вопросахъ“. Спб. 1901 г., стр. 42.

<sup>2)</sup> Творенія, изд. 3, ч. IV. Серг. Пос. 1892 г., стр. 323.

<sup>3)</sup> Творенія, ч. I. Москва, 1843 г., стр. 102.

къ руководству къ достиженію блаженной жизни: напротивъ, всегда должно предварительно разсуждать о немъ со всѣмъ вниманіемъ и осторожностію. Если въ числѣ наукъ, изобрѣтенныхъ людьми, найдутся не стройныя и разногласныя, по различію духа и намѣренія изобрѣтавшихъ оныя и сомнительныя, по подозрѣнію въ заблужденіи самихъ изобрѣтателей, и проч.,—то всѣ такія науки должны быть отвергнуты и презираемы безъ милосердія. Что же касается до прочихъ наукъ языческихъ, которыя по необходимымъ потребностямъ настоящей жизни не должны быть пренебрегаемы....., то должно тутъ держаться извѣстнаго правила: *ничего лишняго*<sup>1)</sup>.

Итакъ, въ дѣтяхъ, по преимуществу, должно быть развиваемо доброе настроеніе *воли*, и этой задачѣ должно соподчиняться *умственное* ихъ образованіе. А между тѣмъ многіе родители, держась въ этомъ отношеніи совершенно противоположныхъ воззрѣній, все свое вниманіе, всѣ свои заботы сосредоточиваютъ на образованіи въ дѣтяхъ ума, который они признаютъ приемникомъ не только разнообразныхъ познаній, но и всякаго человѣческаго совершенства, и на развитіи котораго основываютъ всѣ надежды въ приготовленіи дѣтей къ самостоятельной жизни и дѣятельности. Но горькій опытъ послѣдняго, въ особенности, времени, долженъ-бы убѣдить ихъ въ полномъ безсиліи одного умственнаго образованія дать молодому поколѣнію добрый и надежный строй душевной его дѣятельности, который желалось бы видѣть въ будущихъ дѣятеляхъ на всѣхъ поприщахъ жизни. Умъ есть только частная сила духа человѣческаго, и его развитіе есть лишь часть духовнаго образованія. Есть другія обширныя стороны и силы въ духѣ человѣческомъ, которыя также нуждаются въ воспитаніи, и если онѣ, а въ особенности главнѣйшая духовная сила—свободная воля, не будутъ воспитаны и станутъ руководиться собственными грѣховными стремленіями, то самое умственное образованіе челоуѣка послужитъ лишь ко вреду и самому ему, и другимъ людямъ (Мѡ. 22, 37—40; 1 Кор. 13, 1—3 и дал.; Ефес. 4, 14—15). *Св. Іоаннъ Златоустъ* сильно возставалъ противъ тѣхъ, которые заботились, по преиму-

<sup>1)</sup> „Христіанская наука или основанія св. герменевтики и первоуаго краснорѣчія“. Кіевъ, 1835 г., кн. II, гл. 58, стр. 150—151.



ществу, объ умственномъ образованіи, не обращая должнаго вниманія на воспитаніе силы воли и желаній въ добродѣтельной жизни. „Не заботься о томъ“,—говоритъ онъ, —„чтобы сдѣлать сына твоего извѣстнымъ во внѣшней учености и доставить ему славу, но старайся, чтобы научить его презирать славу настоящей жизни; отъ этого онъ будетъ славнѣе и знаменитѣе... Не риторомъ старайся сдѣлать его, но научи его любомудрствовать. Если онъ не будетъ риторомъ, отсюда не произойдетъ еще никакого вреда; а при отсутствіи любомудрія, самое обильное риторство не принесетъ никакой пользы. Нужно благоповеденіе, а не остроуміе, нравственность, а не слава... Не языкъ изощрай, но душу очищай. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы запретить образованіе, но—чтобы не привязывались къ нему исключительно“<sup>1)</sup>).

Для надлежащаго развитія и направленія всѣхъ *душевныхъ* силъ ребенка требуется со стороны воспитателя великая опытность и обширное знаніе, при чемъ со временемъ дѣлается рѣшительно необходимою для родителей посторонняя помощь и всего лучше общественная школа, гдѣ по всѣмъ правиламъ педагогической науки совершается образованіе и воспитаніе молодыхъ людей, которые подъ руководствомъ призванныхъ и болѣе или менѣе опытныхъ наставниковъ, при томъ во взаимномъ соотношеніи между собою, лучше научаются всему, что необходимо знать человеку, вѣрнѣе опѣниваютъ самихъ себя и свои дарованія и легко приобрѣтаютъ искусство, относящееся къ сферѣ общезжитія. Въ этомъ случаѣ долгъ родителей состоитъ только въ томъ, чтобы доставлять необходимыя пособія и средства для развитія способностей дѣтей своихъ, подавать имъ добрыя совѣты и полезныя наставленія, слѣдить за ихъ усиліями и ограждать ихъ отъ разныхъ соблазновъ, которые легко могутъ встрѣчаться въ средѣ лицъ разныхъ свойствъ и направленія, и которые губительно могутъ дѣйствовать на весь строй душевной ихъ дѣятельности и внѣшнее поведеніе.

Такимъ образомъ воспитаніе должно снабдить дѣтей всѣми тѣми познаніями и навыками, которые сдѣлаютъ ихъ въ *духовномъ отношеніи* способными къ выполненію ожидающаго ихъ, по выходѣ изъ-подъ опеки воспитанія, зе-

<sup>1)</sup> Творенія, т. XI, кн. 1. Спб. 1905 г., стр. 186.

много призванія въ мірѣ. При этомъ надобно имѣть въ виду опредѣленную цѣль, которая придаетъ воспитанію извѣстное единство и предохраняетъ его отъ разбросанности. Во всякомъ же случаѣ то, чего мы хотимъ достигнуть при воспитаніи дѣтей, не должно быть дѣломъ нашего произвола. Мы должны стараться познавать волю Божію, настолько она выражается въ самыхъ способностяхъ ребенка, въ его склонностяхъ и характерѣ, этому указанію внимать и на основаніи его уже дѣйствовать въ самомъ воспитаніи ребенка <sup>1)</sup>. Каково именно это призваніе,—это, собственно говоря, безразлично. Каждое призваніе хорошо и достойно христіанина, если только оно согласно съ волей Божіей и служитъ общимъ задачамъ человѣчества <sup>2)</sup>.

Но мы принадлежимъ также и потустороннему міру. Воспитаніе должно подготовить насъ не только къ нашему земному призванію въ этомъ мірѣ, но, главнымъ образомъ, къ небесному призванію въ будущей жизни. Отсюда еще важнѣе *нравственное* воспитаніе, включающее въ себѣ и *религіозное*. [Всякому христіанину безъ исключенія предстоитъ рѣшить въ своей жизни серьезную задачу, состоящую „въ благоугожденіи Богу и въ спасеніи души“ <sup>3)</sup>, Отъ рѣшенія этой задачи зависитъ цѣлая вѣчность. Если она не будетъ надлежаще рѣшена, для такого человѣка все потеряно, и ему „лучше было“ бы „не родиться“ (Мѡ. 26, 24).

Для этой цѣли ребенка заранѣе надобно подготовить и воспитать. Кто желаетъ хорошо возростить дерево, тотъ не ждетъ, пока оно сдѣлается большимъ и крѣпкимъ. Тогда будетъ слишкомъ поздно. Только молодое, не развившееся дерево принимаетъ тотъ видъ, какой хочетъ придать ему садовникъ. Такъ и съ человѣкомъ. Разъ онъ выросъ, его склонности и страсти окрѣпли, трудно уже дать имъ иное направленіе или подчинить ихъ разуму. Поэтому нравственное воспитаніе дѣтей должно начинать, какъ можно, раньше, съ первымъ пробужденіемъ въ нихъ сознанія. *Св. Іоаннъ*

<sup>1)</sup> *Еп. Теофана*. „Начертаніе христ. правоученія“. Москва, 1891 г., стр. 482.

<sup>2)</sup> *Хр. Э. Люгардъ*. „Апология христіанства“, Перев. А. П. Лопухина. Спб. 1892 г., стр. 468.

<sup>3)</sup> Пространный христ. катихизисъ, стр. 1. *Св. Cathrein*. „Die katholische Weltanschauung“, s. 165 и дал.

*Златоустъ* предлагаетъ отцу семейства: „съ дѣтства воспитывай его (т. е. сына) въ наказаніи и ученіи Господни“<sup>1)</sup>. „Возрастъ нѣжный“,—замѣчаетъ св. отецъ въ другомъ мѣстѣ,— „онъ скоро усвоитъ себѣ то, что ему говорятъ, и какъ печать на воскѣ, въ душѣ дѣтей отпечатлѣвается то, что они слышатъ. А между тѣмъ и жизнь ихъ тогда уже начинается или къ пороку или къ добродѣтели. Потому, если въ самомъ началѣ, и, такъ сказать, въ преддверіи отклонить ихъ отъ порока, и направить ихъ на лучшій путь, то на будущее время это уже обратится имъ въ привычку и какъ бы въ природу, и они уже не такъ удобно по своей волѣ будутъ уклоняться къ худшему, потому что привычка будетъ привлекать къ дѣламъ добрымъ“<sup>2)</sup>. „Не малая польза“,—говоритъ *св. Василии Великій*,—„если душа юношей осваивается и свыкается съ добродѣтелью, потому что наставленія такого рода, по нѣжности душъ, напечатлѣваясь глубоко, остаются въ нихъ неизгладимыми“<sup>3)</sup>.

Сѣмена добра положены въ насъ Богомъ съ самымъ устройствомъ человѣческой природы (Рим. 2, 14—15), и рано пробуждаются въ дѣтяхъ. Отсюда главная обязанность родителей должна состоять въ томъ, чтобы съ раннихъ лѣтъ постепенно насаждать въ дѣтяхъ любовь ко всему доброму и благородному и отвращеніе ко всему злему. Побороть въ ребенкѣ *грѣхъ*—есть центральный пунктъ всего нравственнаго воспитанія<sup>4)</sup>. Хотя мы обыкновенно и считаемъ дѣтей невинными, но въ то же время знаемъ, что въ дѣйствительности они не таковы. То, что мы называемъ дѣтскою невинностью, далеко не соответствуетъ своему названію—есть только очень не совершенное подобіе невинности, а не самая невинность. И если даже грѣхъ въ дѣтяхъ принимаетъ еще скорѣе форму несознательнаго нравственнаго зла, то все-таки за этимъ несознательнымъ зломъ скрывается грѣхъ. Нужно уже слишкомъ поверхностно наблюдать за дѣтьми, чтобы, при самомъ началѣ ихъ сознательной жизни, не замѣчать уже достаточнаго запаса такихъ влеченій и расположеній, которыхъ даже пристрастная любовь матери не на-

<sup>1)</sup> Творенія, т. XI, кн. 1. Спб. 1905 г., стр. 185.

<sup>2)</sup> Творенія, т. VIII, кн. 1. Спб. 1902 г., стр. 22.

<sup>3)</sup> Творенія, Изд. 3, ч. IV. Серг. Пос. 1892 г., стр. 323.

<sup>4)</sup> *Cathrein*, „Die katholische Weltanschauung“, s. 430.

зоветь чистыми и добрыми, и которыя, въ случаѣ своего развитія, могутъ повлечь за собою испорченность на всю жизнь<sup>1)</sup>. Поэтому дѣти должны посредствомъ ежедневныхъ практическихъ упражненій учиться подчинять своему разуму и господствовать надъ худыми и низкими наклонностями: беспорядочною чувственностію, лѣнностію, завистію, гнѣвомъ, своенравіемъ, упрямствомъ, себялюбіемъ и др. пороками. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо вселять и возвращать въ нихъ чистоту сердца, чувство благодарности, любовь къ труду, скромность и т. п. Но особенно родители должны внушать своимъ дѣтямъ для нравственнаго ихъ образованія слѣдующія добрыя расположенія: *послушаніе, правдолюбіе и цѣломудріе*.

„Для ребенка“, — пишетъ *I. E. Erdmann* въ своихъ „*Psych. Briefe*“ (s. 309), — „единственное мѣрило нравственности, — это *послушаніе*“. Всѣ обязанности его сосредоточены въ обязанности повиновенія, и самый отличительный грѣхъ юности есть непослушаніе. Св. ап. Павелъ заповѣдуетъ *прежде всего* наставлять дѣтей въ послушаніи и почитаніи родителей (Ефес. 6, 1—3); потому что въ этомъ, по *І. Златоусту*, заключается „удивительное основаніе для добродѣтели“<sup>2)</sup>. Поэтому съ самаго начала слѣдуетъ такъ воспитывать ребенка, чтобы не его воля преобладала надъ волей родителей, а, наоборотъ, чтобы воля послѣднихъ была закономъ для перваго. Относясь къ приказаніямъ родителей съ полнымъ довѣріемъ, дитя обязано безпрекословно повиноваться ихъ волѣ, и во всемъ, не только „несобразномъ“, но даже и „похвальномъ“<sup>3)</sup> считаться съ этой волей. По словамъ *Локке*, не должно исполнять прихотей дѣтей, а слѣдуетъ, прежде всего, приучать ихъ къ безусловному повиновенію, а потомъ, съ годами, — къ свободѣ, такъ чтобы они изъ послушныхъ дѣтей сдѣлались друзьями“<sup>4)</sup>. Родители,

1) Общеизвѣстно наблюденіе *бл. Августина* за двумя младенцами-близнецами: когда одного младенца мать клала къ своей груди, въ глазахъ другого уже искрились гнѣвъ и зависть. Видавшіе близко дѣтей знаютъ, какъ рано, въ самыхъ ихъ дѣтскихъ шалостяхъ, обнаруживаются уже скрытые задатки страстей.

2) Творенія, т. XI, кн. 1. Спб. 1905 г., стр. 184.

3) См. *Василія Великаго* творенія, ч. V Серг. Пос. 1892., стр. 72.

4) См. у *Шестанова*, „Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. „Вѣра и Разумъ“ 1891 г., № 5, стр. 293.

которые хвалятся тѣмъ, что „дѣтя у нихъ деспотъ въ домѣ, что хочетъ съ ними, то и дѣлаетъ“,—такіе родители угле огненное собираютъ на главу свою и на главу своего ребенка. Себѣ они воспитываютъ мучителя, ребенку готовятъ самую плачевную участь. При первомъ же выходѣ изъ родительскаго дома такой ребенокъ сразу попадаетъ въ прямое противодѣйствіе своей необузданной волѣ, а это для него—горе и слезы. „Необузданный конь бываетъ угрюмъ, а сынъ, оставленный на свою волю, дѣлается дерзкимъ“ (Сирах. 30, 8). Избалованныя безхарактерными родителями, капризные и своевольныя дома, такія дѣти и въ школѣ вѣчно всѣмъ недовольны—и начальниками и учителями, и товарищами, и порядками въ школѣ, и самою школою, которая у нихъ всегда и во всемъ виновата, а не они. Не найдя школы по себѣ, баловни-юноши остаются недорослями весь свой вѣкъ, къ прискорбію родителей, въ тягость себѣ самимъ и во вредъ обществу. Вотъ почему преимущественною задачею семьи, особенно въ наше время, должна быть забота о воспитаніи въ дѣтяхъ чувства родительскаго авторитета, безъ котораго невозможно дѣйствовать на волю и сердце ребенка. Гдѣ дѣти всегда послушны и почтительны къ родителямъ, тамъ не находятъ для себя почвы настроеніе, при которомъ попирается всякій законный авторитетъ. Ибо „если кто“,—говоритъ св. *Іоаннъ Златоустъ*,—„непочтительнъ къ родителямъ, тогъ будетъ-ли когда нибудь таковымъ въ отношеніи къ стороннимъ лицамъ?“<sup>1)</sup> Въ цѣляхъ же воспитанія въ дѣтяхъ привычки быть всегда послушными родителямъ, нужно, чтобы въ семьѣ руководила ребенкомъ *одна* воля; а для этого совершенно необходимо, чтобы воля отца была для него и волею матери, чтобы отнюдь не было ни малѣйшаго противорѣчія въ приказаніяхъ отца и матери. Между отцемъ и матерью должно быть все заранѣе условлено, какъ держать себя въ отношеніи къ ребенку и что отъ него требовать, и это взаимное условіе должно быть свято всегда соблюдаемо.

Другое нравственное качество, объ образованіи котораго въ дѣтскихъ сердцахъ должны особенно заботиться родители, есть *правдолюбіе*, въ соединеніи съ глубокимъ отвращеніемъ ко *лжи*. Лживость, повидимому, должна быть

<sup>1)</sup> Творенія, т. XI, кн. 1, стр. 184.

совсѣмъ не свойственна дѣтямъ. Но, къ сожалѣнію, она проявляется въ нихъ обыкновенно очень рано, будучи дѣтскимъ грѣхомъ по преимуществу. Въ этомъ нельзя не видѣть одного изъ наиболѣе поразительныхъ признаковъ общей намъ прирожденной грѣховности, не признаваемой, съ легкой руки *Руссо*, глашатаями ложной идеи объ исконномъ совершенствѣ человеческой природы. Нельзя оставлять безъ вниманія никакой лжи въ дѣтяхъ, особенно пока они еще нѣжны и впечатлительны. Обыкновенно дѣтскіе проступки происходятъ отъ вѣтренности, легкомыслія, отъ шумной рѣзвости, неосмотрительности и т. п.; въ лживости же ребенка видѣнъ злой умыслъ, хитрость и хладнокровный расчетъ<sup>1)</sup>. Тотъ можетъ еще освободиться отъ самыхъ запутанныхъ сѣтей грѣха, кто сохранитъ любовь къ правдѣ; потому что „поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его“ (Іоан. 3, 21). Одна ложь, „отецъ“ которой „человѣкоубійца бѣ искони“ (Іоан. 8, 44), поражаетъ душу нравственною смертію. Она не достойна христіанина, призваннаго къ истинѣ и правдѣ (Ефес. 4, 24). Поэтому *св. Іоаннъ Златоустъ* увѣщаетъ: „избѣжимъ обвиненія, называемаго ложью; не дѣлай себя въ глазахъ друга не заслуживающимъ довѣрія, боясь не встрѣтить къ себѣ болѣе вѣры даже и тогда, когда говоритъ истину; тотъ, кто оказался лжецомъ въ одномъ, уже не стоитъ того, чтобы ему вѣрили, даже въ томъ случаѣ, если бы когда онъ сказалъ правду, такъ какъ глаголати *праведная*, говоритъ (Писаніе), *и истинствовати, угодна Богу намъ, нежели омертвѣть кровь*“ (Притч. 21, 3)<sup>2)</sup>. „Но какъ же возможно ребенку сдѣлаться искреннимъ любителемъ правды“,—спрашиваетъ *Тиринъ*,—„если онъ не научится быть вполне искреннимъ и правдивымъ въ отношеніи къ своимъ родителямъ? Прежде всего да не будетъ лжи въ собственныхъ устахъ нашихъ. Наша искренность въ отношеніи къ дѣтямъ столь же священный долгъ нашъ, какъ и ихъ долгъ—искренность въ отношеніи къ намъ; если мы не исполнимъ своего долга, то и ихъ долгъ останется безплоднымъ. Обѣщанія и угрозы наши должны быть ненарушимы, отвѣты наши должны

<sup>1)</sup> Проф. прот. *Н. Оасорова*, „О христіанской нравственности“. Кіевъ. 1879 г., стр. 93.

<sup>2)</sup> Творенія, т. II, кн. 2. Спб. 1896 г., стр. 925.

быть тверды, положительны и чужды всякаго противорѣчія и хитрости. Поступая такимъ образомъ“,—заключаетъ нѣмецкій моралистъ-педагогъ,—„мы приготовимъ почву, на которой должна развиться любовь дѣтей нашихъ къ правдѣ“<sup>1)</sup>.

Третья изъ названныхъ нами добродѣтелей, которая особенно должно имѣть въ виду при домашнемъ воспитаніи дѣтей, именуется дѣвственною невинностію или *цѣломудріемъ*, которое, по опредѣленію *св. Василя Великаго*, „есть истинная, съ сознаниемъ соединенная сила, глубоко отпечатлѣвающаяся въ душѣ и уничтожающая“ въ ней „срамныя движенія“<sup>2)</sup>. „Обыкновенно“,—говоритъ *св. Іоаннъ Златоустъ*,—„ничто такъ не украшаетъ юнаго возраста, какъ вѣнецъ цѣломудрія“<sup>3)</sup>. „Цѣломудріе и правда вотъ красота души“<sup>4)</sup>. „Ничто у юношей“,—замѣчаетъ *св. отецъ*,—„не требуетъ такого старанія и заботъ, какъ цѣломудріе и чистота, потому что эта особенно страсть (т. е. противоположная цѣломудрію и чистотѣ) обуреваютъ этотъ возрастъ“<sup>5)</sup>. Родители тѣмъ болѣе должны стараться объ охраненіи своихъ дѣтей отъ похоти сладострастія, чѣмъ больше похоть эта находитъ поблажки въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Искусственно нынѣ возбуждаются и раздражаются плотскія страсти, и безъ того трудно сдерживаемыя въ молодомъ возрастѣ. Дѣло доходитъ до того, что нарушеніе цѣломудрія не только многими нынѣ какъ будто не считается за грѣхъ, но даже находитъ мнимо—ученую защиту себѣ. Съ этою послѣднею цѣлію въ настоящее время усердно проповѣдуется ученіе о правахъ и свободѣ плоти, дающее основаніе молодежи оправдывать преждевременное и незаконное удовлетвореніе своей чувственной страсти, какъ разумную потребность природы. А между тѣмъ этотъ порокъ долженъ быть такъ отвратителенъ для христіанъ, какъ „запечатлѣнныхъ въ день искупленія Святымъ Духомъ Божиимъ“ (Ефес. 4, 31), что онъ „не долженъ даже именоваться у нихъ, какъ

<sup>1)</sup> „Христ. начала семейной жизни“, Перев. Москва 1861 г., стр. 158 и дал.

<sup>2)</sup> Творенія. Изд. 3. ч. II. Москва, 1891 г. стр. 49.

<sup>3)</sup> Творенія, т. IV, кн. 2. Спб. 1898 г., стр. 789.

<sup>4)</sup> Творенія, т. XI, кн. 1. Спб. 1905 г., стр. 216.

<sup>5)</sup> Творенія, т. IV, стр. 788.

прилично святымъ“ (Ефес. 5, 3). Нецѣломудріе, если оно ограничивается даже однимъ воображеніемъ, изгоняетъ св. Духа. Въ немъ скрывается причина современнаго недовольства жизнію и религіознаго невѣрія, ибо когда отступаетъ Духъ Божій, то вмѣстѣ съ Нимъ исчезаютъ и миръ, и вѣра<sup>1)</sup>. И здѣсь задача нравственнаго воспитанія—соблюсти дѣтей отъ зла во время.

Но какъ это сдѣлать? Не наставленіями и разсужденіями, которыхъ *малыя дѣти* не понимаютъ, а простымъ пробужденіемъ въ нихъ естественнаго чувства цѣломудренной *стыдливости*. Эта-то стыдливость, какъ постоянная опасность грѣха, стоитъ на стражѣ дѣтской невинности. „Стыдъ въ этомъ смыслѣ“, — говоритъ *преосв. Амеросій*, — „можно назвать *обонянiемъ души*, которое даетъ ей возможность издали чувствовать смрадъ грѣха и отвращаться отъ него. Какъ тѣлесное чувство обонянiя предохраняетъ насъ отъ вредной пищи, питья и зараженнаго воздуха, такъ чувство стыда предохраняетъ насъ отъ грѣха“<sup>2)</sup>. На родителяхъ лежитъ обязанность охранять съ особенною заботливостію драгоцѣнное чувство стыда въ дѣтскихъ душахъ. Для этого надобно, чтобы ребенокъ былъ какъ можно болѣе откровененъ и довѣрчивъ къ родителямъ во всякое время и во всемъ, что съ нимъ случится, что его интересуетъ и близко его сердцу, а также, надобно, чтобы онъ какъ можно болѣе былъ осмотрителенъ, стыдливъ и скромнъ въ обращеніи съ прислугою, сверстниками и всѣми посторонними людьми. Св. отцы и учителя Церкви предлагаютъ всячески удалять дѣтей отъ дурныхъ сообществъ. „Что дѣлаемъ мы относительно свѣтильниковъ“, — говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, — „тоже будемъ соблюдать и по отношенію къ дѣтямъ. Часто случается, что когда служанка зажжетъ огонь, мы велѣмъ ей не подносить свѣтильника туда, гдѣ лежитъ тростникъ, или сѣно, или что нибудь подобное, чтобы незамѣтно для насъ не упала въ это вещество искра и не сожгла всего дома. Такъ же будемъ заботиться и о дѣтяхъ и не станемъ обращать ихъ взоры туда, гдѣ (бываютъ)

<sup>1)</sup> Проф. прот. Н. Саворова, „О христіанской нравственности“, стр. 9.

<sup>2)</sup> „О стыдѣ и стыдливости“. Полное собраніе проповѣдей, т. III. Харьковъ, 1902 г., стр. 389.



Н. М. Гальковскій.

# Борьба христіанства съ остатками язычества въ древней Руси.

Томъ I. Цѣна 2 р. 50 к.

Томъ II. Древне-русскія слова и поученія,  
направленныя противъ остатковъ язы-  
чества въ народѣ. Цѣна 3 р. 50 к.

---

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: въ нижномъ магазинѣ Суворина, Харь-  
ковъ, Николаевская площ.; у автора—г. Лебединъ, Харьк. г.

---

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

**СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РѢЧЕЙ** Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за 8 книгъ 8 рублей съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспоможенія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.

---

Редакція предлагаетъ издателямъ присылать ей вновь выходящія книги для отзыва въ библиографическомъ отдѣлѣ журнала.

---

# ОТЪ РЕДАКЦІИ

## СВѢДѢНІЯ ДЛЯ Г.Г. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИНОВЪ.

Адреса лицъ, доставляющихъ въ Редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ Редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено. Редакція проситъ доставлять ей свои статьи переписанными на ремингтоновой машинѣ и, по возможности, четки и на одной сторонѣ полулиста. Рукописи, написанныя неразборчиво, прочитываться не будутъ.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ Редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами. На просмотръ полученныхъ рукописей Редакція назначаетъ срокъ до 3-хъ мѣсяцевъ и **не позже** этого извѣщаетъ авторовъ о судьбѣ ихъ рукописей.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ Редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ **приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы** о томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять Редакціи **не позже**, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса Редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію Редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: **въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.**

Контора Редакціи ж. «В. и Р.» открыта ежедневно отъ 10-ти до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ Редакціи.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы:

Ректоръ Семинаріи, Протоіерей **Алексій Юшковъ.**

Магистръ богословія **П. Ш. Краснъ.**